

ISSN 1993-9477

XXI ВЕК
ВОЛГА
№ 5 2025

Литературно-художественный журнал

16+

РАБОТЫ ХУДОЖНИЦЫ ЮЛИИ ГИМАТОВОЙ

16+

XXI ВЕК

ВОЛГА

№ 5 2025

Литературно-художественный журнал

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

- А.Ю. Аврутин** – член Союза писателей Беларуси (Минск)
А.А. Бусс – член Союза писателей России (Саратов)
В.И. Вардугин – член Союза писателей России (Саратов)
Е.А. Грачёв – член Союза писателей России (Саратов)
Д.Е. Кан – член Союза писателей России (Оренбург)
В.В. Ковалёв – член Союза художников (Рига)
О.И. Корниенко – член Союза писателей России (Сызрань)
М.А. Лубоцкий – член Союза писателей Москвы (Саратов)
В.Д. Лютый – член Союза писателей России (Воронеж)
Е.Н. Манова – директор музея Н.Г. Чернышевского (Саратов)
А.Н. Тимофеев – член правления Союза писателей России,
председатель Совета молодых литераторов Союза
писателей России (Москва)

САРАТОВ
2025

№ 5 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭТОГРАД	
Анатолий АВРУТИН. На высшей точке бытия	3
ОТРАЖЕНИЯ	
Геннадий РЯЗАНЦЕВ. Фамильный медальон	8
ПОЭТОГРАД	
Евгений ЭРАСТОВ. Несказанный свет	25
ОТРАЖЕНИЯ	
Анатолий СОБАКИН. Вася	32
ПОЭТОГРАД	
Георгий ЛАВРОВ. На поездах горизонтальной бездны	37
ОТРАЖЕНИЯ	
Алексей СОЛоницын. Власть (Начало)	41
ПОЭТОГРАД	
Галина ТАЛАНОВА. У спокойной воды	97
ОСТАНЕТСЯ МОЙ ГОЛОС	
Фёдор СУХОВ. На своей единственной войне	104
СТАТЬИ	
Виктор БОЧЕНКОВ. Михаил Алексеев: отчий край, труд, достоинство человека	109
ПОЭТОГРАД	
Екатерина АНУЧИНА. Это и есть полёт	142
ИНТЕРВЬЮ	
«Желаю вам полных радости и красоты дней...»	145
ПОЭТОГРАД	
Екатерина КУДАКОВА. Обережная куколка	148
НА ВОЛНЕ ПАМЯТИ	
Алексей ГЕРАСИМОВ, Алиса СЕНЦОВА. Почти 500 лет служения медицине	152
РЕЦЕНЗИИ	
Катерина СОЛНЦЕВА. Не спрашивай тьму	167
СОБЫТИЕ	
Татьяна КРЫЛОВА. Цитадель творчества	169
Яркий сезон.	170
Анатолий ВАСИЛЬЕВ. Торжество поэзии и музыки	172
ПОЭТОГРАД	
Александр ДИВЕЕВ. Лунный камень	177
КАМЕРА АБСУРДА	
Игорь ШВЕДОВ. Соавторы	181
ВОЛЖСКИЙ АРХИВ	
Анатолий ВАСИЛЬЕВ. Россия Василия Шабанова	189

**Анатолий
АВРУТИН**

НА ВЫСШЕЙ ТОЧКЕ БЫТИЯ

***

Снова ветер поёт мне свою бесконечную песню,
От которой и сам он в бескрайнем пути изнемог.
Я, конечно, умру и, конечно же, снова воскресну,
Тень свою уронив на шальное скрещенье дорог.

И в повторном пути я, конечно же, снова услышу,
Как в ночи созревает в саду золотистый ранет.
Как, созрев, упадёт он лениво на сонную крышу,
И припомнится вдруг то, чего даже в памяти нет.

Будет на голоса распевать мне весёлая птаха,
Будет робкая ветка стыдливо в оконце стучать,
Будет парусом белым вздуваться ночная рубаха,
А на бледные щёки слезами стекать благодать.

И послышится мне, как деревья звенят золотые,
А невзгоды с обидами станут навеки не в счёт.
А что мокро щекам, то слезами стекает Россия –
Из горючей слезинки и Волга начало берёт.

И тогда, может быть, снова ночью холодной приснится,
Под шуршание ставен и скрип поржавелых завес,
Что кричала в ночи о тревожном бессонная птица.
И от крика ты умер... Но снова наутро воскрес.

***

Пусть река широка, но душа всё же шире и звонче.
Здесь смеются задорно, а если рыдают – взахлёб.
Здесь дорога бежит от погони уставшею гончей,
А убогие хаты похожи на тени трущоб.

-
- Анатолий Юрьевич Аврутин родился и живёт в Минске. Окончил БГУ. Автор двадцати пяти поэтических сборников, изданных в России, Беларуси, Германии и Канаде, нескольких книг переводов, книги избранной прозы, обладатель «Золотого Витязя-2022» в жанре поэзии, лауреат Национальной премии Беларуси, Большой литературной премии России, премии имени Марины Цветаевой, годовых премий журналов «Москва», «Наш современник» и многих других. Награждён орденом Франциска Скорины и одноимённой медалью. Главный редактор журнала «Новая Немига литературная». Название «Поэт Анатолий Аврутин» в 2011 году присвоено звезде в созвездии Рака.

Здесь косматый старик, поразмявший усталые кости,
Так взмахнёт топором – только щепки летят на ветру.
Здесь погост не растёт – нету новых могил на погосте –
Опустело селенье с безносым домком на юру.

Ну а птицы кричат... Ну а птицы кричат ошалело.
Глухари-то не глухи... Вот люди – почти глухари.
Только пепел остался, когда всё в душе отгорело,
Он и в сердце стучится, и мечется где-то внутри.

А захочешь кричать – поперхнёшься... И не закричится,
Только хлопнет калитка давно проржавевшим замком.
Поднебесная нежить, влажна, потечёт по ресницам,
Да под горло подкатит, спирая дыхание, ком...

То Отчизна моя мне до боли стесняет дыханье,
То Отечества дым, стоит чуть задышать невпопад,
Забирается в кровь, от меня добиваясь молчанья,
Чтобы вдруг не спросил: «Кто же в той нищете виноват?»

Всё бегут по Руси от раздолья уставшие реки,
Да извечную тайну хранит говорливая тишь.
И подумаешь вдруг: «Это ж сколько всего в человеке!..»
И зачем-то на память кленовый листок сохранишь.

И зачем-то погладишь шершавые руки осины,
И зачем-то запустишь в полнеба заливистый свист.
Осенившись крестом, на родимое глянешь повинно,
Удивившись, что крест над церквушкой небесно-лучист.

Вдруг поймёшь – сентябрит... Нынче рано краснеют рябины.
Птичий клин в поднебесье... И путь его страшно далёк.
Опустели сады. И леса сиротливо-пустынны,
Но к весне под корой встрепенётся живительный сок.

***

С каждым шагом пустынной дорога,
Где попутчиков нету почти...
Было прежде приятелей много,
Нынче стали безлюдны пути.

И дороженька стала увечной –
Сплошь ухабы, бурьян да гранит...
И какой-то шофёр бессердечный
Белой пылью виски серебрит...

А в висках всё стучит: «И куда я
Волокусь по дороге пустой?..»
Вот и листья, с дерев облетая,
Упокоясь, легли в травостой.

Что нас ждёт за дорогой увечной,
Коль Всевышний прикажет: «Ложись!..»
Там, где жизнь превращается в вечность,
Там, где вечностью сделалась жизнь?

***

Такой порой ни вскрикнуть, ни всплакнуть...
Того гляди, печаль раздавит грудь,
И не дано здесь, кажется, иного...
Всего одна слезинка на щеке,
Всего одна искринка вдалеке,
Всего одно несказанное слово...

Еще шажок... Оступишься, и вот
Никто тебя от боли не спасёт,
Никто не спросит имени и званья...
Всего одна неясная печаль,
Всего одна обманчивая даль,
Всего одно последнее свиданье.

Всё позабыто – мысли и слова,
От горечи кружится голова,
И невозможно молвить про иное...
Всего один трагический излом,
Всего одно словечко о былом,
Всего одно безмолвие ночное.

***

Чугунка... Мчи же меня назад,
Пока ещё хватит сил.
Большая станция – Детский Сад,
Жаль, я туда не ходил.
А следом станция Первый Класс
И Азбучный наш разъезд.
Не получается и сейчас
На детстве поставить крест.
Мелькнула станция Аттестат,
За ней полустанок ВУЗ...
Лети, мой поезд, лети назад –
В Советский лети Союз.
Зачем, зачем же ты, скоростной,
Так лихо промчал Любовь,
Хоть и поныне она со мной,
Поныне бунтует кровь?
Ещё куда не прерван путь –
К той станции узловый,
Которой рельсам не обогнуть,
С названием Дом Родной.

Не просто истину осознать
Под нервный гудок седин,
Когда состав продолжает мчать
На станцию Старший Сын.
Гудок опять оглушит окрест
Весенней лихой порой.
Большая станция Трёх Невест,
Где женится сын второй.
На редких стыках стучит состав,
В ажурных цветах дымки.
Шесть полустанков средь росных трав –
Внучонков растят сынки.
А поезд снова берёт подъём,
На стыках считая дни,
От тихой станции Мы Вдвоём
До станции Мы Одни.
Два-три сигнала... Негромкий вскрик.
Не спрыгнуть, не отвернуть,
Когда наш поезд вползёт в тупик
С названием Последний Путь.
Там рельсы ржавы... И воздух мглист,
И в горле шершавый ком...
Ты проводи меня, машинист,
Хотя бы одним гудком.

***

На высшей точке бытия,
В момент вселенского испуга
Постигну, может быть, и я
Бескрайность замкнутого круга.

Оттуда сколько ни беги
И сколько о стену ни бейся,
А по воде одни круги,
Одни круги по поднебесью.

Всё в той же утренней росе,
Всё те ж роняя междометья,
Бегут, как белки в колесе,
Неугомонные столетья.

Бегут бесстрастно, Бог ты мой,
Бегут, изматывая нервы.
И в каждом год свой роковой –
Тридцать седьмой иль сорок первый.

Биноклем истину троя,
Поймёшь, избавившись от неги:
Нет высшей точки бытия –
Есть точка в бесконечном беге.

МУЗЫКА

Послушная движенью нервных рук
Мелодия, как девочка, дрожала.
И были в ней и горечь, и испуг,
И чья-то кровь на лезвии кинжала.

Ей нужен был скрипичный хруст костей,
Немое натяженье сухожилий,
И чёрный свет, и бешенство страстей,
Божественность... И дикий храп кобылий...

От страсти задыхался дирижёр,
Зал онемел, мелодии внимая.
Казалось, что Всевышний распротёр
Всесильность крыл, даря и обнимая.

Кричало сердце, выл гемоглобин,
И рёбра раздвигались не от гнева.
И в каждом подступала из глубин
Очередная трепетная Ева.

И я забыл, что сделалось потом
С моей душой, когда умолкли звуки.
Но что-то всё саднило под ребром,
И женщина к плоду тянула руки.

**Геннадий
РЯЗАНЦЕВ**

ФАМИЛЬНЫЙ МЕДАЛЬОН

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ РАССКАЗ

Елена Сергеевна называла своё путешествие в дальневосточные посёлки «моя северная Одиссея». Её мужа, лейтенанта-железнодорожника Вячеслава Андреева, только окончившего военную академию, отправила страна на великую стройку XX века, и Елена Сергеевна поехала за ним. Ей было всего двадцать три года. Она, выпускница МГУ, не предполагала, что несколько лет будет прокладывать свою «Транссибирскую магистраль» образования и воспитания в заброшенных среди дикой тайги деревнях под Хабаровском, обучая детей местных жителей и детей, родившихся на Дальнем Востоке в семьях бывших заключённых, которые, отбыв срок в северных лагерях, навсегда остались в тех же посёлках, где жили их охранники. Потомки тех и других до сих пор продолжают жить на одних улицах. И уже их внуки учатся в школах.

Очень быстро Елена Сергеевна поняла причину непримиримой вражды между некоторыми семьями. Это давняя история. Когда немецкие фашисты оккупировали Донбасс, советское правительство приняло постановление расширить добычу угля на Дальнем Востоке. Для этого нужно было решить транспортную проблему. Тогда и были привлечены политзаключённые, которые в годы Великой Отечественной войны строили второй железнодорожный путь, соединявший Транссиб с тихоокеанским побережьем. Эти же узники лагерей возводили и нефтепровод «Оха–Комсомольск», валили лес, прорубая широкие просеки для прокладки труб. После изнурительной работы они мёрзли в холодных бараках за колючей проволокой, ничего не получая за свой каторжный труд. Многим из них, не всем, конечно, помогло выжить осознание того, что и их вклад в общенародную борьбу с врагом значим и весом. Они разделяли чувство горькой обиды на власти предержащие и сочувствие своему народу, к которому кровно принадлежали. Дальневосточники оставались до конца

-
- Геннадий Николаевич Рязанцев – член Союза писателей России, поэт, прозаик, литературный критик, эссеист, переводчик. Секретарь Союза писателей России. Действительный член Академии Российской словесности. Автор семнадцати книг. Ряд произведений переведён на иностранные языки и издан за рубежом.

русскими людьми, проявляя боевой и трудовой героизм. Но, пройдя через страшный опыт лишений, возвратившись к обычной мирной жизни, не любила вспоминать годы нечеловеческих испытаний и потерь.

– Слава, куда ты меня привёз? – с печалью в голосе говорила Елена Сергеевна своему мужу, лейтенанту-железнодорожнику, высокому стройному молодому человеку, который походил скорее на студента и худобой своей, и молодым здоровым видом, чем на кадрового военного, которого по долгу службы приказом направили на Дальний Восток, на великую государственную стройку. – Говорила мне мама: не выходи за военного, а я не послушалась. После московской квартиры наш дом в военном городке напоминает тюрьму, а мы в ней арестанты. Деревянные дома в посёлке похожи на сарай моего дедушки на подмосковной даче. Но сарай был наполнен теплом детских воспоминаний, а здесь холод и грязь.

Елена Сергеевна накрывала на стол, подавая приготовленную на общей кухне еду для уставшего мужа, только что вернувшегося со службы. Он был хмур, молчалив. Его тёмные глаза наполнялись глубокой грустью, врождённый румянец на впалых щеках потемнел. Он чувствовал себя виноватым. Но сказать молодой жене, чтобы она уезжала к родителям в Москву от этого неприглядного быта, он не мог. Он эгоистично боялся отпускать её от себя, понимая, что одинокая жизнь здесь, среди холодов и необъятных пространств, уничтожит его. Он умрёт от разлуки с ней, от ревности и тоски, потому что любит её всем сердцем, от тяжёлой работы и ответственности за дело и порученных ему людей. Он каждый день ждал от неё жертвы: вот она обнимет его и скажет: «Я жена твоя, Слава, и всегда буду рядом с тобой, потому что мой дом там, где ты». Но она не произносила этих слов, а он успокаивал её, говоря, что командировка временная. Может быть, через несколько месяцев она закончится и его переведут на другое место службы, более приспособленное для семейной жизни. Они оба хотели детей, но понимали, что условия для рождения ребёнка были не совсем подходящие.

Елена Сергеевна стояла у окна и смотрела на видневшуюся за забором военного городка кривую улицу с покосившимися деревянными домами и бараками, которым было, наверное, лет сто. Здесь всё было срублено из строганого леса, потемневшего от времени. Только трубы над просевшими крышами домов были каменными из обожжённого бурого кирпича. Окна с простыми наличниками, бревенчатые стены домов, посеревшие, никогда не ремонтировавшиеся, ветхие, как сараи для сена или домашней утвари. Покосившиеся заборы того и гляди упадут. На каждом дворе – большой, сизый, потрескавшийся, широкий пень с массивным топором да разбросанные по двору колотые дрова и жёлтые щепки. Протянутые от столба к столбу верёвки с выстиранным бельём мотаются на холодном ветру. Этот унылый вид бедного уклада жизни приводил её в состояние глубокой грусти, а интуиция жены подсказывала, что скоро эта жизнь в городке не закончится. Да и что это за военный городок: командное трёхэтажное и два двухэтажных длинных общарпанных здания с прямоугольными окнами располагались среди синюющих хребтов и необъятной равнины, окружённые с одной стороны полноводным Амуром, холодно поблёскивающим на закате, а с другой – смешанным таёжным лесом, в котором водились тигры да медведи.

Но пришла осень, и Елена Сергеевна оказалась во власти неземной красоты. Вся эта бедность домов, ветхие заборы, скудость жизни, унылые будни вдруг отошли в сторону и стали не только неважными для неё, но даже милыми. Потому что всё это оказалось теперь в окружении золо-

той тайги с густо-зелёными пятнами кедров и елей, чёрного дикого винограда, щедро дарившего обилие полных, тяжёлых гроздьев, огненных кистей лимонника, упоительных запахов осеннего леса, похожего на праздничный пряник из детства. А ещё – белые грибы, которые появлялись полянами, как капуста на грядке. Она выбегала на полчаса за забор воинской части и возвращалась с корзиной грибов, совершенно здоровых и чистых.

В Подмоскovie, думала она, природа женственна, а на Дальнем Востоке она суровая, первородная, целомудренная. Елена Сергеевна чувствовала эту разницу, но не хотела её объяснять себе.

Здесь кусалось всё, что летает в воздухе. Самые мелкие тварёшки забираются под рукав и кусают так, что место укуса опухает на несколько дней. «Божья коровка, полети на небо» – совсем не дальневосточная придумка. В конце августа эти милые пятнистые коровки собираются тучами, как комары, устраивают атаки на дома, садятся на людей и кусают, кусают... Их невозможно прихлопнуть, стряхнуть. Коровка выделяет вонючую жёлтую жидкость, которая не отстирывается ничем. Божьих коровок Елена Сергеевна разлюбила и потеряла к ним всякий интерес. Но эта кусачесть впадает в спячку в конце сентября, и до второй недели октября наступает земной рай. Безоблачная жизнь и в буквальном смысле, и в смысле внутреннего самочувствия. Солнце слепит своим сиянием, отражаясь в реке и окнах домов. На Дальнем Востоке всегда солнце. Московской многодневной утомительной хмари не бывает никогда. Постоянное солнце освещает дальневосточную суровую землю, празднично цветущую на склоне осени всей красотой природы. И эти три недели сентябрьского-октябрьского рая привязывают к Дальнему Востоку навсегда.

– Слава, сегодня я приготовила тебе белые грибы, – радостно улыбаясь, говорила Елена Сергеевна и накрывала на стол.

Муж раздевался после утомительной работы. Он поглядывал на неё незаметно и с большим сердечным волнением видел перемену, случившуюся с ней.

– И ты знаешь, я за эти полтора месяца привыкла к нашей квартире, к этому удивительному краю, к этому месту, к простым, открытым людям. Если бы ты не привёз меня сюда, я никогда, может быть, не увидела эту суровую красоту. Она притягательна для моей души, моего тела, моих глаз, моих чувств, моих географических знаний наконец. Сегодня окликаю бабушку Стешу, как её все зовут здесь, выходящую из леса: «Откуда вы?» Она отвечает: «По грибы в лес ходила. Вот корзинку набрала». А корзинка у неё большая, ведёрная. Спрашиваю: «Устали, поди, давайте я вам помогу». «Да что ты, милая, устала я? Не-а... Вся тела радвывается. А вот возьми-ка грибочков». И положила мне полную кастрюлю. Ты не волнуйся, мой воин-железнодорожник: я тебя очень люблю и от тебя никогда не уеду. Ты муж мой, и там, где ты, там мой дом.

Глаза у Елены Сергеевны серо-голубые, умные, спокойные, лицо утончённое, с прямым носиком, губы выразительные, чувственные, волосы тяжёлые, русые, густые. Она среднего роста и прекрасно сложена. Получила хорошее воспитание в родительском доме, где научили её смиряться с обстоятельствами жизни и терпеть, если их невозможно изменить.

Слава подошёл к ней, не отводя глаз от её спокойной, весёлой улыбки, и обнял. Он стоял около неё молча, а потом тихо прошептал в самое ухо:

– Я эти полтора месяца томился и каждый день ждал, что ты скажешь мне: я уезжаю к родителям в Москву. Сейчас я люблю тебя в тысячу раз сильнее. И если когда-нибудь я рассержусь на тебя, то ты напомни мне, что разде-

лила со мной суровую дальневосточную жизнь, и всё моё недовольство растёт как утренний туман. Твоя жизнь со мной – это вечное прощение тебя.

И он прижал к себе Елену Сергеевну так, что она вскрикнула от боли.

– Теперь мне надо найти серьёзное занятие, – сказала она, приглашая мужа к столу.

Они спали в эту глухую тёмную ночь как одна душа в двух телах.

А утром она, проводив Славу на службу, отправилась в посёлок леспромпхоза и нашла школу. Это было длинное двухэтажное здание казарменного типа. Проектировщики и строители новых городков всё строили однотипно, словно понимали, что все эти дальневосточные городки в будущем за ненужностью опустеют и превратятся в призраки, а люди, присланные сюда приказом или распределением, останутся в нищете, брошенные страной, и только совсем немногие вернуться в Центральную Россию.

Стоял сентябрь, уроки в классах шли полным ходом.

Шагая по длинному гулкому коридору (она старалась идти на цыпочках, не касаясь каблуками деревянного крашеного пола), она подумала: «Что-то подсказывает мне, что это и будет местом моей работы».

Елена Сергеевна нашла дверь с табличкой «Приёмная» и толкнула её. Массивная дверь подавалась вперёд и со скрипом приотворилась. Она заглянула в кабинет и увидела полноватую женщину, розовощёкую, круглолицую, с маленькими быстрыми глазками.

– Вы кто? – спросила та, привстав из-за стола.

– Я ваш новый учитель географии, – уверенно отрапортовала Елена Сергеевна, входя в просторную комнату.

– А вы по распределению?

– Можно и так сказать.

– Тогда вам надо подождать Марию Николаевну, нашего директора. Она сейчас проводит урок в восьмом классе. У нас учителей не хватает. Вот она обрадуется вашему появлению! Пройдёмте в учительскую.

Она вышла из-за стола и проводила Елену Сергеевну в комнату направо. Рядом находился кабинет директора.

– Меня зовут Елена Сергеевна, – громко представилась она секретарю. – А вас как величать?

– Евдокия Петровна меня зовут.

– Может быть, чаю? – Она потрогала рукой самовар. – Ещё не остыл. Будете?

– Не беспокойтесь, благодарю вас, – учтиво ответила Елена Сергеевна, – я чай уже пила сегодня утром. Вы секретарь? А я приняла вас за директора школы.

– Да, работаю секретарём уже десять лет. – Лицо её стало ещё румянее, она смутилась впечатлением, которое произвела на незнакомку.

Одета секретарь была просто, по-деревенски: в длинной чёрной юбке, каких-то странных войлочных сапогах, в белой водолазке, поверх которой был надет серый свитер. Она села на стул, пряча под ним войлочные сапожки, и пригласила сесть новую учительницу.

Елена Сергеевна была одета по-московски: красивые кожаные туфли, капроновые чулки, юбка-карандаш, белая блуза и строгая чёрная жилетка. Одежда подчёркивала её молодость, свежесть, аристократическую осанку и внутреннее благородство.

Сидели молча минуты три.

– Я, наверно, отрываю вас от служебных обязанностей? – нарушила неловкое молчание Елена Сергеевна. – Я могу посидеть здесь одна.

– Откуда вы приехали, уж не из Москвы ли?

– Из Москвы. А как вы догадались?

– Вы очень похожи на людей, которых я здесь встречала с самого детства. Сидельцы: аристократы, политические. Некоторые были из Москвы и Ленинграда. Им нельзя было возвращаться в столицы, и они оставались здесь на всю жизнь. Конечно, выглядели они измученными, здоровье подорвано, да и одевались не как вы, а в бедную, простую одежду. Но спрятать своё происхождение было непросто. Да вот сейчас придёт Мария Николаевна, и вы всё увидите сами.

– А что я должна увидеть?

– А вот увидите!

На весь пустой гулкой коридор раздался громкий, дребезжащий звонок с урока. Сделалось шумно, по коридору побежали дети с криками, и разборчиво застучали по полу каблуки учителей.

В этот момент открылась дверь приёмной, в которую торопливо выбежала из учительской, оставив Елену Сергеевну одну, Евдокия Петровна, и послышался мелодичный женский голос:

– Мне доложили, что молодая дама пожаловала ко мне.

– Да, дама! – радостно воскликнула Евдокия Петровна. – Да какая – прелесть!

В учительскую порывисто вошла директор Мария Николаевна. Она не сводила удивлённых и восторженных глаз с Елены Сергеевны.

– Подождите, ничего не говорите, – сказала она. – Дайте мне насладиться моими предположениями.

Она подошла ближе и протянула тонкую, но уже немолодую, натруженную руку с ярко выраженными синеватыми венами и с чувством пожалала ладошку Елены Сергеевны.

– Мария Николаевна Ефимовская, урождённая Москвина, директор школы номер один леспромхоза «Заречный».

Елена Сергеевна смотрела на Марию Николаевну, в глазах которой вдруг заблестели слёзы.

– Простите, я узнала в вас себя.

В дверь учительской входили учителя и с любопытством рассматривали незнакомку.

– Пойдёмте в директорскую, – предложила Мария Николаевна и пропустила Елену Сергеевну впереди себя.

Елена Сергеевна остановилась у двери напротив и пропустила в свою очередь директора.

В облике Марии Николаевны была притягательная простота, но столь утончённая и светлая, что люди развитые, понимающие жизнь и знающие цену всему доброму, порядочному, внимательно вглядываясь в неё, проникались к ней всей душой. Лицо Марии Николаевны, на первый взгляд, не казалось молодым, но понимающие глаза и живость характера, исходящие из богатой натуры и образованности, через несколько минут озаряли лицо внутренним светом, и оно делалось необыкновенно молодым. Седые густые волосы были собраны заколкой. Одета она была в повседневное длинное чёрное платье, подпоясанное широким поясом, из-под длинных рукавов виднелись манжеты гофре, из-под белого воротничка выглядывал завязанный на шее цветной платочек. Она походила на благородную нищенку, у которой от былого богатства остались только природная стать и врождённое благородство.

Елена Сергеевна смотрела на Марию Николаевну и думала о несправедливости судьбы этой образованной и умной женщины. Как она могла прожить свою жизнь здесь, в глухой дальневосточной стороне, наделённая при рождении привилегиями знатного рода и духовным богатством, предназначенным для служения Родине?! А служить пришлось в леспромхозе «Заречный», в самой обыкновенной школе, из которой в большую жизнь Центральной России не выберется никто, только потому, что родился здесь, в этой глуши.

Мария Николаевна подошла к столу и пригласила сестру Елену Сергеевну.

– Простите меня, дорогая, за невольные слёзы. Я вспомнила себя такой же юной семнадцатилетней девушкой, полной светлых надежд, но судьба распорядилась иначе...

Мария Николаевна вздохнула и замолчала. Вся жизнь её в одно мгновение, вероятно, промелькнула перед мысленным взором. Она была монотонной и однообразной.

– Ну, давайте знакомиться. Кто вы?

– Меня зовут Елена Сергеевна Андреева, в девичестве Никольская. Жена выпускника Военной академии имени Хрулёва, лейтенанта Вячеслава Андреева. Он направлен приказом на государственную стройку, а я поехала за ним.

– Похвально! А какое у вас образование?

– МГУ, географический факультет.

Мария Николаевна подскочила на стуле.

– Я так и знала! – воскликнула она. – Девочка, милая девочка! Вы приехали повторить мою судьбу?!

– Ваша судьба – завидная доля, Мария Николаевна. Не всем выпадают такие испытания, а только тем, кто может их вынести.

– У вас умные родители, они воспитали вас в благочестии, научили великодушию и сострадательной снисходительности.

– Спасибо, – сказала Елена Сергеевна. – Возьмёте меня на работу учителем географии?

Мария Николаевна, улыбаясь, смотрела на молодую учительницу, испытывая внутреннее волнение от радости, охватившей её.

– Я буду просить вас быть не только учительницей, – с улыбкой сказала она, – но и взять классное руководство в одном из восьмых классов. От него отказалась учительница иностранного языка. Не сложились у неё отношения с ребятами. Видно, вас Бог послал к нам.

– Благодарю, Мария Николаевна. Я думаю, что муж мой задержится здесь на несколько лет, а мне не пристало сидеть без дела.

– Только скажу вам честно, – несколько замялась Мария Николаевна, – класс сложный, но вы справитесь. В вас есть видение обстоятельств и понимание людей.

Прозвенел звонок, и Мария Николаевна встала из-за стола.

– У меня ещё два урока, – сказала она, протянув руку Елене Сергеевне. – Завтра жду вас к восьми часам утра. Я познакомлю вас с классом.

И вдруг она вновь присела, дав знак не вставать и Елене Сергеевне.

– Ещё несколько слов: сейчас большая перемена... – Она на мгновение задумалась. – Знаете, что было самым сложным в наших обстоятельствах? Мой отец получил русское классическое университетское образование и после освобождения возглавлял кафедру в медицинском институте в Хабаровске. Это было уже после войны. Кстати, мама и я поехали за ним и жили на поселении, разделив с ним все невзгоды и лишения. Здесь было три института. Кроме «меда» ещё педагогический и институт инжене-

ров транспорта. У меня могло быть точно такое же положение, как у отца. Но я отказалась от этого пути. Не было желания находиться под надзором, и я уехала сюда, в посёлок, став простой учительницей. Так вот, к чему я вспомнила отца: у Фёдора Михайловича Достоевского где-то в «Записках из мёртвого дома» есть примерно такое рассуждение: простолудин, идущий на каторгу, приходит в общество себе подобных, даже, быть может, более развитое. Человек образованный, подвергшийся по закону такому же наказанию, зачастую теряет несравненно больше. Он должен задавить в себе все свои потребности, все привычки; должен перейти в среду, для него недостаточную, должен приучиться дышать не тем воздухом.. И часто для всех одинаковое наказание превращается для него вдесятеро мучительнейшее. Это истина. Сам Фёдор Михайлович это прочувствовал. Прочувствовали и мы, – заключила Мария Николаевна. – Но знаете, что спасло меня? – заговорщически прошептала она. – Я вдруг поняла тогда, что если Бог поставил нас в такие обстоятельства, то, значит, мы нужны здесь. Везде люди, и каждая душа дорога Богу, дороже, быть может, целой вселенной. Но теперь я должна идти. Вы для меня глоток свежего воздуха. Будет ещё время поговорить. Вы чудесным образом располагаете к себе. Спасибо!

И Мария Николаевна улыбнулась светлой, но грустной улыбкой.

На другой день Елена Сергеевна в волнении переступила порог школы. Мария Николаевна ждала её. Она вышла навстречу и протянула руку для приветствия.

– Позвольте вам дать совет, основанный на знании детской психологии, – сказала Мария Николаевна, придерживая локоть Елены Сергеевны, когда они шли по шумному коридору школы, – совет из опыта жизни, основанный на самом главном принципе педагогики – любви к детям. Никогда не повышайте голос на детей. Если будете уверены в том, что они вам подчинятся, они обязательно подчинятся.

– Я не должна ни на одну минуту сомневаться, что они подчинятся?

– Ни одну секунду. – Мария Николаевна остановилась, повернулась к Елене Сергеевне и ясным взглядом посмотрела в её глаза. – Сейчас я вас представлю и выйду из класса. Условие такое: если вы продержитесь этот год и мы выпустим восьмой класс в профессиональные технические училища, то со следующего учебного года я дам вам примерный пятый класс.

Елена Сергеевна кивнула, но что-то подсказывало ей, что продержаться будет непросто.

Мария Николаевна вошла в притихший класс и, держа Елену Сергеевну за руку, поставила её около чёрной с серыми меловыми разводами доски.

– Это ваша учительница географии из Москвы Елена Сергеевна Андреева, выпускница Московского государственного университета, – очень спокойно сообщила директор, – кроме того, она будет вашим классным руководителем.

По классу пробежал лёгкий шумок.

– Надеюсь, что вы не подведёте школу, будете послушными вашей новой учительнице и прилежными.

Она поклонилась Елене Сергеевне, выказывая глубокое почтение учителю, и вышла из класса.

Прикрыв дверь, Мария Николаевна несколько секунд постояла и затем, стуча каблуками, пошла по тихому коридору в директорскую.

Тридцать лет назад дети учились в десятилетке. После восьмого класса из школы уходили те, кого не имело смысла учить дальше. Елена Сергеевна в одну секунду поняла, что практически весь этот класс состоял имен-

но из таких учеников. Две трети учеников в лучшем случае попадут в ПТУ. В худшем – сразу на грязную работу и в вечерние школы.

– Ты не подумай, что я жалуясь, Слава, – Елена Сергеевна сидела напротив мужа, который с аппетитом ел приготовленную ею простую, но вкусную еду. – Мой восьмой класс сложный. Дети неуправляемы. В сентябре от них отказался очередной классный руководитель. Но Мария Николаевна, директор школы, верит в меня и говорит, что мне с ними удастся договориться. Всего один год. И я не могу подвести её. Ах, если бы ты знал, Слава, какой это удивительный человек!

Елена Сергеевна перешла на шёпот и, слегка наклонившись к мужу, сообщила:

– Потомственная дворянка, необыкновенного аристократического склада. Всю свою жизнь прожила здесь, отдавая себя простому народу так самоотверженно, так жертвенно, что это вызывает восхищение. Кто я против неё?! Московская избалованная барышня.

– Лена, ты самая лучшая на свете! – Слава как-то встрепенулся и положил ложку на стол. – У тебя блестящее образование. Директор должна гордиться, что ты пришла в эту захолустную школу.

– Нет, Слава, ты пока не можешь понять, о чём я говорю. – Елена Сергеевна подняла ложку и протянула её мужу. – Ты ешь, ешь.. Это я должна гордиться, что оказалась рядом с Марией Николаевной. И я обязана помогать ей в её нелёгком деле народного образования. Она этому посвятила всю свою жизнь. Просто здесь народ такой, несколько грубоватый, что ли. Но она не судит его, она ему служит. Мне надо поделиться с тобой, чтобы ты помог мне обрести силу и умалить мои сомнения.

Муж внимательно смотрел на жену и чувствовал всем существом своим её искреннюю озабоченность и тревогу. У него был как никогда тяжёлый день. Руководство требовало усиленной работы. Приходилось кричать на солдат, заставляя трудиться в полную мощь человеческих возможностей. Он не хотел показать Елене, что устал, и готов сейчас же лечь и уснуть.

Слава оказался здесь в самый разгар стройки. Шёл второй этап прокладки БАМа, когда вновь пришло осознание важности и необходимости магистралей. Но, как и прежде, причиной стала не экономика, а политика. Если в начале века необходимость в восточной части Северного железнодорожного пути была вызвана опасностью со стороны Японии, то теперь испортились отношения с Китаем. Транссиб шёл в опасной близости от границы: любая провокация недружественных соседей – и движение на всей магистрали намертво остановится. Военные железнодорожники выполняли двойную миссию: они проектировали, обладая инженерными знаниями, строили и одновременно мгновенно могли организовать и оказать вооружённое сопротивление. Работали рядом с заключёнными. Те в шесть вечера складывали инструмент и кричали: «Веди на зону»! Наши солдатики тоже так попробовали, а им – куда, у них приказ! Тогда солдаты кричали зекам: «За что работаете?!» А зеки отвечали: «Мы-то знаем, за что работаем – а вы-то за что?!» И называли солдат каторжанами.

– Мне двадцать три, – продолжала делиться своими переживаниями Елена Сергеевна, – старшему из моих учеников, Тихону, шестнадцать. Два года он просидел в шестом классе, и можно с уверенностью сказать: возможен второй год и в восьмом. Когда я в первый раз вошла в класс, он встретил меня взглядом исподлобья. Дальний угол класса, задняя парта, у вешалки. Широкоплечий, большеголовый, с вьющимися пшеничными кудрями парень, в грязной одежде, со сбитыми руками и ледяными серыми глаза-

ми. Если честно, я его боюсь. Я боюсь их всех. А они все опасаются Тихона. В прошлом году он, как мне рассказала учительница английского языка, в кровь избил одноклассника, выматерившего его мать. Они все грубы, хамоваты, озлоблены, их не интересуют уроки. Они «съели» четырёх классных руководителей. Плевать хотели на записи в дневниках и вызовы родителей в школу. У половины класса родители запоем пьют самогон.

– Лена, – сочувственно обратился к жене Слава, – это плохая идея – работать среди этого сброда. Они не стоят тебя, твоих усилий, твоих знаний. Как они смогут понять тебя? Мне за мою службу хорошо платят, у нас есть деньги, чтобы иметь всё, что нам необходимо. Оставь эту неблагодарную затею.

– Нет, я должна, – возбуждённо ответила Елена Сергеевна, – дело не в деньгах, а в том, чего я стою взаправду, на самом деле, понимаешь?

– Если тебе это важно – попробуй. Но ты в любой момент можешь бросить. Или перейти на работу в библиотеку, например.

Эта мысль понравилась Славе, и он добавил:

– Я могу походатайствовать перед начальством о твоём устройстве туда.

– Нет, я буду чувствовать себя предательницей! Я вижу, как ты устал, мой дорогой, – жалостно заговорила Елена Сергеевна, – а я тут со своими тревогами и сомнениями. Укладывайся, пойду мыть посуду.

– Есть! – по-военному ответил Слава и подумал, что, когда она придёт, он обязательно расскажет о том, что его взвод из сорока четырёх человек сегодня выполнил одно из сложнейших заданий стройки – прорубил дорогу в прижиме: с одной стороны – скала, с другой – обрыв и река. Решали, как и куда ставить опоры контактной сети. Солдаты вручную ломом (никакую технику было не подогнать) рубили в скале «карманы», выдалбливали котлованы, в них вставляли «стаканы». Завтра по их стопам пойдут энергетики..

Когда она вернулась из общей кухни, муж уже крепко спал.

«Как ему тяжело! – Она смотрела на впалые щёки, взлохмаченные тёмные волосы, укрытое одеялом плечо и вытянутое с чуть согнутыми коленями неподвижное родное тело. – Стреляй из пушки – не проснётся, ему много тяжелее, чем мне. Он живёт по приказу и совсем не имеет свободы, в отличие от меня. Спи, мой любимый! Побредём вместе».

В начале октября на озёрах традиционный праздник – День учителя. Елена Сергеевна едет впервые. Тонкие перешейки песка между прозрачными озёрами, молодые берёзы, чистое небо, чёрные шпалы и заброшенные рельсы, заросшие травой. Золото, синева, холодный металл. Тишина, безветрие, тёплое, нежное солнце, неземной покой.

– Что здесь раньше было? – спрашивает она задумчивую и серьёзную Марию Николаевну. – Откуда здесь железная дорога?

– Это брошенная узкоколейка, старые песчаные карьеры. Здесь были лагерь, – вглядываясь вдаль, говорит грустным голосом Мария Николаевна. – Изолированная угольная шахта в двух тысячах километров к северу от Москвы превратилась в крупнейший ГУЛАГ Советского Союза. К 1946 году в Воркутлаге и соседнем лагере содержалось более шестидесяти тысяч заключённых.

Мария Николаевна намеренно отдалялась от основной группы учителей и шла к песчаному откосу, показывая Елене Сергеевне пустынные пространства. Она говорила тихо, боясь быть услышанной шумной компанией весёлых учителей:

– Отец рассказывал мне об одном типичном случае отношения к людям малочисленной, но жестокой верхушки, управляемой сверху.

«Сторожевые псы нашей охраны, – поведал он мне, – почуяли приближение снежной бури раньше нас. Они начали выть и скулить, и это было сигналом к тому, чтобы начать пробивать дыры в мёрзлой земле, хоть для какого-то укрытия от холода. Группа заключённых из ста пятидесяти человек замёрзла во время снежной бури в нескольких шагах от шахты и была брошена охраной. Следующая смена, шедшая в шахту, прошла мимо небольших белых холмиков. Никто не удосужился даже выкопать тела. А один из офицеров сказал: «Жаль, что мы потеряли их одежду».

Мария Николаевна шла, высоко держа голову, и всматривалась вдаль. Она была немолода, но сохранила былую стройность и неизменное достоинство свободного человека, оставаясь одна на целом свете, не принадлежа никому, кроме своего служения детям, народу и Богу.

Елена Сергеевна следовала за ней по песчаным перешейкам между отражениями берёз и ясного неба в чистой воде. Здесь были лагеря посреди берёзовых рощ. Золото, синева и металл. Умиротворяющие пейзажи из окон тюремных бараков.

«Более всего, – говорил отец, – жаль было крестьян, простой русский народ. Их было особенно много, десятки тысяч до жути изголодавшихся. Иногда, встречаясь с ними где-нибудь в тёмном углу лестницы, – вспоминал он, – слышишь приглушённый шёпот: «Братец, а братец, хлеба бы корочку... а?..» И ни в какое сравнение не могли идти наши страдания и наши лишения со страданиями и лишениями русского крестьянства, да и не только русского, а и грузинского, татарского, киргизского. Как ни отвратительно, как ни голодно, ни холодно было, – говорил он, – каким бы опасностям я ни подвергался, со мною считались в тюрьме и лагере. Я имел тысячи возможностей заступиться за себя, возможностей, совершенно недоступных крестьянину. С крестьянином не считались вовсе, и никаких возможностей за себя постоять у него не было. Меня плохо ли, хорошо ли, но всё же судят, – мрачно вспоминал он. – Крестьянина и расстреливают, и ссылают или вовсе без суда, или по такому суду, о котором и говорить трудно; а я видел такие «суды»: тройка безграмотных и пьяных комсомольцев засуживает семью, в течение двух-трёх часов разорывает её вконец и ликвидирует под корень.

Но я был нужен, в некотором роде «незаменим», – рассуждал отец, – и меня кормили, со мной разговаривали. Интеллигенцию кормят и с интеллигенцией разговаривают. И если интеллигенция садится в лагерь, то только в исключительных случаях «массовых кампаний», она садится за здорово живёшь... Эта точка зрения могла идти вразрез с установившимися мнениями о судьбах интеллигенции в роковые времена.

Она всё-таки нужна. Её всё-таки судят. Мужика – много, им хоть пруд пруди, и он совершенно реально находится в положении несоизмеримо худшем, чем в самые мрачные времена крепостного права. Он абсолютно бесправен, так же бесправен, как любой раб какого-нибудь африканского царька, так же он нищ, как этот раб, ибо у него нет ничего, что деревенский самодур не мог бы отобрать в любую секунду, у него нет никакого будущего и никакой возможности выкарабкаться из этого рабства и нищеты... Положение интеллигенции? Ерунда – положение интеллигенции по сравнению с этим океаном буквально неизмеримых страданий многомиллионного и действительно многострадального русского мужика.

И перед лицом этого океана неловко, как-то язык не поворачивается говорить о себе, о своих лишениях: всё это булабочные уколы. А мужика бьют по черепу дубьём... И вот сидит «сеятель и хранитель» великой русской земли у щели вагонной двери. Январская вьюга уже намела сквозь эту

щель сугробик на его обутую в рваный лапоть ногу. Руки зябко запряты в рукава какой-то лоскутной шинелишки времён мировой войны. Мертвецки посиневшее лицо тупо уставилось на прыгающий огонь печурки. Он весь скомкался, съёжился, как бы стараясь стать меньше, незаметнее, вовсе исчезнуть, чтобы его никто не увидел, не ограбил, не убил... И вот едет он на какую-то очередную «великую» стройку...»

Мария Николаевна глубоко вздохнула и замолчала на минуту.

– И я помню рассказы отца как данное мне завещание – служить много-страдальному народу, как служил он. И мне спокойно на душе за будущее этого служения, потому что есть вы с ясными, всё понимающими, умными глазами и глубокими нравственными принципами.

Мария Николаевна приблизилась к смущённой Елене Сергеевне.

– Позвольте мне обнять вас, дорогая.

– Мария Николаевна, Мария Николаевна! – послышался громкий оклик Евдокии Петровны. – Почему же вы нас оставили?! Как же мы без вашего руководства?

– Пошли к учителям, девочка моя, я совсем о них забыла, – тихо, но решительно, словно опомнившись, сказала она и энергично развернулась в их сторону. – Мы идём к вам, простите нас с Еленой Сергеевной. Не могла не показать московской учительнице всех красот нашего любимого края.

– Вы заметили, – на мгновение остановилась Мария Николаевна, повернувшись к Елене Сергеевне. У неё была манера высказать вдруг пришедшую ей в голову мысль. – Я не зову вас к себе с визитом. И не позову никогда. У меня для вас нет гостиной в доме, нет столовой, нет фарфоровой посуды и серебряных фамильных приборов, как было в доме моих покойных родителей – вот чего вы достойны! – Мария Николаевна закружилась и весело рассмеялась: – Мой быт аскетичен и прост. Я привыкла к нему и весьма довольна.

«Волчата» Елены Сергеевны грубят и пререкаются. Тихон молча сидит на задней парте, опустив глаза в стол. Если ему что-то не нравилось, его тяжёлый взгляд останавливал неосторожного одноклассника.

– Рот закрыв, – басит он сломавшимся голосом.

В это время району втемяшилось повисить воспитательную составляющую в работе учителя. Родители больше не отвечают за воспитание детей, это забота классного руководителя. Ему вменяется в обязанность в воспитательных целях регулярно посещать семьи учеников.

У классного руководителя бездна поводов для визитов к родителям – половину класса можно оставлять не на второй год, а на пожизненное обучение. И Елена Сергеевна, учительница географии, идёт проповедовать важность образования.

День клонится к закату. Она в первый раз входит в чужой, самый ближний к школе двор. Нескошенная, уже пожелтевшая трава и огромные, как слоновьи уши, лопухи по углам завалившегося забора из горбыля, прибитого к дубовым кривым жердям, неровно торчащим на фоне хмурого неба. Слева поленница, укрытая соломой, повсюду: в траве, вдоль дорожки от раскрытой калитки до крыльца – набросаны колотые дрова и щепки. Она с осторожностью идёт к потемневшей двери, ведущей в дом, сердце колотится в груди от волнения и страха. Здесь живёт семья Витьки Ватагина. Мальчишка добрый, рукодельный, но равнодушный к учёбе.

Слова Елены Сергеевны вызывают недоумение.

– А зачем она, эта учёба? В леспромхозе работяги получают больше, чем учителя в школе, – резонно выговаривает ей родитель Витьки.

Елена Сергеевна смотрит на пропитое лицо отца семейства, на ободранные обои на стенах и не знает, что сказать. Проповеди о высоком, как битое стекло, разлетаются мелкими осколками. «Действительно, зачем? – думает учительница, понуро опустив голову, и идёт к следующей избе. – Они живут так, как привыкли жить. Им и не нужно ничего другого.»

Дома учеников раскиданы на двенадцать километров. Общественного транспорта нет.

И Елена Сергеевна старательно обходит неблагополучные семьи.

Визитам никто не рад: учитель в доме – к жалобам и, как следствие, к порке. Для того чтобы рассказать о хорошем, по домам не ходят. Но она посещает один дом за другим. Прогнившие полы, пьяный отец. Иногда пьяная мать. Грязные, затхлые комнаты. Немытая посуда. Ученикам неловко, они не хотели бы, чтобы она видела их жизнь. Она бы тоже не хотела это видеть. Переходя от дома к дому, она чувствует тоску и безысходность. Через пятьдесят лет правнуки бывших заключённых и их охранников забудут причину генетической ненависти и будут всё так же подпирать падающие заборы слегами и жить в грязных, убогих домах. Никому отсюда не вырваться, не уехать, даже если захотеть. А они и не хотят. Безвыходное движение по кругу жизни.

Тихон смотрит на Елену Сергеевну исподлобья. Вокруг него на кровати среди грязных одеял и подушек сидят братья и сёстры. Постельного белья нет и, судя по одеялам, никогда не было. Выпачканный полосатый матрац и сбитое к подушкам одеяло серого цвета. Дети держатся в стороне от родителей и жмутся к Тихону. Их шестеро. Чумазые, с грязными пятками. Тихон старший из них. Елена Сергеевна не может рассказать его родителям ничего хорошего: у него сплошные двойки, ему никогда не осилить школьную программу. Вызывать его к доске без толку: он выходит и мучительно молчит, глядя на носки своих старых ботинок. Англичанка его ненавидит. «О чём же здесь говорить? – думает Елена Сергеевна. – Нет никакого смысла. Как только я расскажу, как у Тихона всё плохо, начнётся мордобой».

Отец Тихона пьян и агрессивен.

– Ваш Тихон молодец, – отчётливо говорит учительница, – он очень старается.

«Пусть хотя бы этого шестнадцатилетнего викинга со светлыми кудрями не будут бить при мне», – думает она.

Мать меняет выражение лица и вспыхивает радостью.

– Он же добрый у меня. Никто не верит, а он добрый. – Она говорит торопливо, словно боится, что её остановят. – Он, знаете, как за братьями-сёстрами смотрит! Он и по хозяйству, и в тайгу сходить... Все говорят – учится плохо, а когда ему учиться-то? Вы садитесь, садитесь, я вам чаю налью.

Она смахивает крошки с табурета и кидается ставить грязный чайник на огонь.

«Этот озлобленный молчаливый переросток может быть добрым?» – уныло думает Елена Сергеевна.

– Не утруждайте себя, пожалуйста, – Елена Сергеевна обращается к матери Тихона, – рано вечерет, дни стали короче. Скоро начало зимы. Мне двенадцать километров до моего дома. Нужно вернуться засветло.

Елена Сергеевна торопливо прощается, выходит во двор на свежий воздух и спешит на бесконечную кривую улицу со вспыхнувшим одиноким фонарём на столбе.

– Елена Сергеевна, Елена Сергеевна, подождите! – Тихон бежит за учительницей по улице. – Как же вы одна-то? Темнеет же! Далеко же!

«Матерь Божья! – думает Елена Сергеевна. – Заговорил! Я и не помню, когда последний раз слышала его голос».

– Тихон, иди домой, попутку поймаю.

– А если не поймаете? Обидит кто?

«Обидит» и Дальний Восток – вещи несовместимые. Здесь все всем помогают. Убить в бытовой ссоре могут. Обидеть подобранного попутчика – нет. Довезут в сохранности, даже если не по пути.

Тихон сопит, идёт рядом километров шесть, пока не случается попутка. Они говорят всю дорогу. Вдоль дороги земля размечена звериными следами. «С ним мне не так страшно», – успокаивает себя Елена Сергеевна, но перед мысленным взором стоят мутные глаза отца ученика. Ледяные глаза Тихона не стали теплее. Она ловит его взгляд и говорит, говорит, потому что при звуках собственного голоса ей не так страшно идти рядом с ним в сумерках по тайге.

Наутро, на уроке географии, кто-то огрызается на замечание Елены Сергеевны.

– Язык придержи! – негромкий голос с задней парты.

Учительница и все школьники замолкают от неожиданности и поворачиваются в сторону Тихона. Он обводит холодным, угрюмым взглядом всех и говорит в сторону, глядя в глаза Елены Сергеевны:

– Язык придержи, я сказал, с учителем разговариваешь! Кто не понял, во дворе объясню.

Больше нет проблем с дисциплиной. Молчаливый Тихон – непререкаемый авторитет в классе. После конфликтов и мытарств с учениками неожиданно удалось договориться и выстроить отношения. «Главное – быть честной, – твердит себе Елена Сергеевна, боясь радоваться, – и относиться к ним с уважением. Мне легче, чем другим учителям: я веду у них географию. С одной стороны, предмет никому ненужный, знание географии не проверяет районо, с другой стороны, нет запущенности знаний».

Ученики могут не знать, где находится Япония, но это не мешает им познавать новое. Елена Сергеевна больше не вызывает Тихона к доске. Он делает задания письменно. Она старательно не видит, как ему передают записки с ответами.

Два раза в неделю до начала уроков – политинформация. Она опускает передовицы о политике партии, и в эти минуты по утрам рассказывает им о статьях из толстых журналов «Юность», «Аврора», «Вокруг света». Они обсуждают футуристические прогнозы и возможность существования снежного человека. О полётах в космическое пространство и о возможности жизни на других планетах. Рассуждают о Западе. Западом здесь называют центральную часть Советского Союза. Эта страна ещё есть. В ней соседствуют космические программы и заборы, подпёртые кривыми горбылями. Страны скоро не станут. Не станет леспромхоза, и работать будет негде. Пьянство народа усилится. Останутся дома-развалюхи, в посёлке придут нищета и безнадёжность. Опустеет и военный городок, превратившись в призрак. Но пока они не знают, что так будет.

Елена Сергеевна понимает, что им никогда отсюда не вырваться, но всё же говорит о том, что, если они захотят, могут изменить свою жизнь.

– Елена Сергеевна, – спрашивает Таня Одинцова, интересующаяся журналами моды и выкройками из них, – а можно будет уехать на Запад?

– Если очень захотеть, – улыбаясь отвечает учительница, – то можно. В жизни всё возможно, – без энтузиазма добавляет она, а сама думает с горечью, что у них вряд ли это получится.

Но смириться с этой мыслью невозможно, невозможно согласиться с тем, что рождение в неправильном месте, в неблагополучной семье перекрыло её отзвучившим, заброшенным ученикам все дороги. На всю жизнь... Без малейшего шанса что-то изменить. Поэтому Елена Сергеевна вдохновенно лукавит, говоря, что главное – захотеть изменить.

Весной дети просятся в гости: «Вы у всех дома были, а к себе не зовёте. Так нечестно».

Елена Сергеевна сдаётся. Первым, за два часа до назначенного времени, приходит Лёшка, плод случайной любви мамы с неизвестным мужчиной. У Лёшки тонкое, восточное, породистое лицо с высокими скулами и крупными тёмными глазами. Лёшка не вовремя.

Елена Сергеевна готовит безе. Он путается под ногами и пристаёт с вопросами:

– Это что?

– Миксер.

– Зачем?

– Взбивать белок.

– Баловство, можно вилкой сбить. Пылесос-то зачем покупали?

– Пол пылесосить.

– Пустая трата средств, и веником можно.

Он тычет пальцем в фен.

– А это зачем?

– Лёшка, это фен! Волосы сушить!

Обалдевший Лёшка захлёбывается возмущением:

– Чего их сушить-то? Они что, сами не высохнут?

– Лёшка! А причёску сделать? Чтобы красиво было!

– Баловство это, Елена Сергеевна! С жиру вы беситесь, деньги тратите! Пододеяльники вон целую верёвку настирали! Порошок переводите.

В доме Лёшки, как и в доме Тихона, нет пододеяльников. Баловство это – постельное бельё.

– А миксер мамке надо бы купить, руки у неё устают, – соглашается Лёшка.

Тихон не придёт. Они будут жалеть, что его нет, слопают без него домашний торт и прихватят для него безе. Потом найдут ещё тысячу и один притянутый за уши повод, чтобы в очередной раз прийти в гости, кто по одному, кто компанией. Все, кроме Тихона. Он так и не придёт. Они будут без её просьб ходить в магазин за продуктами и на рынок за молоком и яйцами.

Подошли выпускные экзамены. Елена Сергеевна ходит неотступно за англичанкой Эльвирой Валерьевной и уговаривает не оставлять Тихона на второй год. Затяжной конфликт и взаимная страстная ненависть не оставляют Тихону шансов выпуститься из школы. Эльвира стыдит Тихона пьющими отцом и матерью и брошенными при живых родителях братьями-сёстрами. Тихон её люто ненавидит, при случае хамит. Елена Сергеевна выдыхает: ей удалось уговорить всех предметников не оставлять Тихона на второй год. Но Эльвира несгибаема, её раздражает волчонок-переросток, от которого пахнет затхлым жильём. Уговорить Тихона извиниться перед Эльвирой тоже не получается.

– Я перед этой сукой извиняться не буду! Пусть она про моих родителей не говорит, я ей тогда отвечать не буду!

– Тихон, нельзя так говорить про учителя.

Тихон молча поднимает на Елену Сергеевну тяжёлый взгляд холодных глаз. Учительница замолкает и снова идёт уговаривать Эльвиру.

– Ничего не хочу слышать! – Она закрывает лицо утончёнными ладошками с длинными накрашенными ногтями. – Мне этот разговор неприятен. Я давно приняла решение. – И она пытается выйти из учительской.

– Эльвира Валерьевна, пожалуйста, выслушайте последний аргумент, прошу вас.

Она поправляет облегающую юбку от бёдер к коленям и усаживается на диван.

– Эльвира Валерьевна, его, конечно же, нужно оставлять на второй год, но английский он всё равно не выучит, а вам придётся его терпеть ещё год. Он будет сидеть с теми, кто на три года моложе, и станет ещё злее.

– Елена Сергеевна, вы зарабатываете дешёвый авторитет у учеников подобными действиями. Это непедагогично. Мы низводим процесс образования и воспитания до фикции, до бессмысленности, когда позволяем себе безосновательно нули превращать в значимые числа. Я выскажусь об этом на педсовете.

– Вы поставите тройку Тихону, Эльвира Валерьевна?

– Я подумаю.

Перспектива терпеть Тихона ещё год оказывается решающим фактором. Эльвира выставила ему положительную годовую оценку.

Всей школой учителя принимают экзамены по русскому языку. Классу выдали одинаковые ручки. После того, как сданы сочинения, учителя проверяют работы с двумя ручками в руках. Одна с синей пастой, другая с красной. Чтобы сочинение потянуло на тройку, нужно исправить кучу ошибок, после этого можно браться за красную пасту. Но один из парней написал сочинение перьевой ручкой. Экзамен не сдан – не смогли найти в посёлке чернил такого же цвета. Елена Сергеевна рада, что это не Тихон.

Ученикам объявляют результаты экзаменов. Они горды собой.

– Все говорили, что мы не сдадим русский, а мы сдали!

– Вы сдали, молодцы! Я в вас верила!

Елена Сергеевна выполнила обещание: выдержала год. Мария Николаевна обняла её и обещала в начале учебного года дать примерный пятый класс. Те из её учеников, кто пришёл учиться в девятый, во время линейки отдали ей все свои букеты.

– У меня есть намерение, дорогая моя Елена (позвольте мне вас так называть – у меня не было своих детей), как ответственного и переживающего за общее дело учителя, выдвинуть вас на должность заведующего учебной частью, – сказала Мария Николаевна, когда они остались одни в учительской. Она была спокойна и вполне счастлива. – А в будущем я вижу вас на месте директора школы.

– Мария Николаевна, что вы такое говорите! Вас никто заменить не может! – воскликнула Елена Сергеевна.

– Я уже немолода, моя дорогая, а время неумолимо движется вперёд, и одному Богу известно, сколько мне осталось. – Она с грустью посмотрела на молодую, энергичную учительницу. – Папа пережил маму на семнадцать лет. Конечно, вы принадлежите школе по долгу службы, но более вы принадлежите своей семье, а муж у вас человек подневольный. Получит приказ на Запад – и только мы вас и видели. А я уже так привыкла к вам.

Глаза её наполнились слезами, и она склонила голову на грудь.

– Простите меня, дорогая, ближе вас у меня были только незабвенные родители мои.

Сердце Елены Сергеевны сжалось. Она готова была дать обещание никогда не покидать Марию Николаевну, но по небольшому опыту жизни знала, что все обещания, рождённые душевными порывами, напоминают первый снег, который наутро неизменно растает...

Строительство БАМа продвигалось всё дальше и дальше на восток. Слава отправлялся в командировки, потом работал вахтовым методом по две недели. И через год они переехали из обжитого, привычного жилья ближе к месту работы мужа. Разлуки были тягостны для них обеих. Елена Сергеевна покинула школу, ставшую ей родной, Марию Николаевну, и всё нужно было начинать сначала. Она не бросила работу в школе, а взялась за неё с тем бесценным опытом, который приобрела под руководством и влиянием Марии Николаевны. Связь с родной душой перешла в эпистолярный жанр. Письма были редкими, но всегда заставляли поплакать и погрустить.

Через два года капитан Вячеслав Андреев получил новое назначение, как говорила Мария Николаевна, «дан приказ ему на Запад». Его направили в Германскую Демократическую Республику. Командировка продолжалась пять лет. Письма от Марии Николаевны приходили на московский адрес родителей Елены Сергеевны и не всегда пересылались в ГДР. В семье Славы и Елены родились дети: Сергей Вячеславович и Мария Вячеславовна. Имя девочке Елена Сергеевна выбирала недолго.

Наконец семья вернулась в Москву. Письмо из леспромхоза «Заречный» пришло неожиданно. Елена Сергеевна с большим волнением распечатывала его.

Почерк был не Марии Николаевны, и сердце Елены Сергеевны быстро забилось. Её охватило волнение.

«Здравствуйте, наша Елена Сергеевна!

Мария Николаевна больна. Сколько она продержится, предположить трудно, один Господь знает. Возраст большой – восемьдесят шесть. Говорит, что желает только одного – увидеть вас. Я знаю, как вы любили и любите Марию Николаевну, приезжайте, пожалуйста».

Елена Сергеевна с нетерпением ожидала прихода мужа со службы.

– Слава, я завтра лечу в Хабаровск.

...Мария Николаевна оставила для Елены Сергеевны шкатулку, туго перевязанную лентой. Отдала её Евдокии Петровне для передачи с запиской: «Для Елены Сергеевны Андреевой, урождённой Никольской, в руки».

В шкатулке оказался золотой семейный медальон с описанием: «Этот семейный золотой медальон пятьдесят шестой пробы, с бриллиантами старой огранки и изумрудами природными. У меня никого нет на этом свете. Вы, дорогая Елена, единственный человек, кому я могу оставить семейную реликвию. Внутри фотокарточки моих незабвенных родителей. Сохраните, мне там будет спокойнее. Прощайте навеки...»

Мария Николаевна прожила восемьдесят шесть лет. Жизнь в стране изменилась до неузнаваемости. Это была уже совсем другая страна. Но она мало интересовала её. Она продолжала жить прошлым, как живой свидетель многих трагических событий.

– Вот я и пришла к вам, дорогая Мария Николаевна, – тихо прошептала Елена Сергеевна.

Маленькая женщина лежала в простом гробу, покрытая белым покрывалом с головы до ног. Она напоминала девочку-подростка – так она была мала.

– Вам открыть лицо покойной? – тихо спросила сопровождавшая Елену Сергеевну Евдокия Петровна.

Елена Сергеевна даже не узнала её сначала: так она постарела. Учительница отрицательно покачала головой: пусть Мария Николаевна останется в памяти такой, какой она помнила её в бытность их близкого общения в школе.

Когда они вышли на улицу, Елена Сергеевна спросила Евдокию Петровну:

– У вас есть фотокарточки Марии Николаевны?

– Да, есть. Пойдёмте, я отдам их вам..

– Елена Сергеевна, здравствуйте! – к учительнице приближался ухоженный молодой мужчина. – Вы меня узнали?

Елена Сергеевна лихорадочно начинает перебирать в памяти, чей это отец, но не может вспомнить ребёнка.

– Конечно, узнала...

«Может, – думает она, – по ходу разговора вспомню».

– А я вот сестрёнку привёл проститься с Марией Николаевной. Помните, когда вы к нам приходили, она со мной на кровати сидела?

– Тихон! Это ты?!

– Я, Елена Сергеевна! А вы меня не узнали, – с укоризной и обидой промолвил Тихон.

– А как тебя узнать? Ты совсем другой стал!

– Я закончил техникум, работаю в Хабаровске, коплю на квартиру. Как куплю, заберу всех своих.

Тихон вошёл в девяностые годы как горячий нож в масло: у него была жизненная практика выживания и тяжёлый, холодный взгляд.

Через пару лет он купит большую квартиру, женится, заберёт мать, сестёр и братьев.

Лёшка сопьётся и пропадёт к началу нулевых.

Таня Одинцова окончит медицинский институт и переберётся в Москву.

– Вы изменили нашу жизнь, Елена Сергеевна, – с благодарностью говорит Тихон.

– Как?

– Вы много всего рассказывали. У вас были красивые платья. Девчонки всегда ждали, в каком платье вы придёте. Нам хотелось жить, как вы.

«Как я? – внутренне произнесла Елена Сергеевна. – Когда они хотели жить, как я, я жила в одном из трёх домов унылого военного городка рядом с посёлком леспромхоза. У меня был миксер, фен, пылесос, постельное бельё, журналы «Юность» и «Вокруг света». Красивые платья я шила вечерами на машинке, подаренной бабушкой на свадьбу. Но я и не думала, что ключом, открывающим наглухо закрытые двери, могут оказаться фен и красивые платья...»

Евгений
ЭРАСТОВ

НЕСКАЗАННЫЙ СВЕТ

* * *

Зимой на даче тихо, как в гробу.
Скребётся мышка за облезлой печкой.
А сиплый снег не ропщет на судьбу
И на вишнёвых веток худобу,
Да знай валит над полем да над речкой.

Себя ты уговаривать горазд,
Что жизнь твоя не так уж и громоздка,
Хоть вся она давно как тонкий наст,
Хрустящий под ногою, как извёстка.

А этот снег – безбашенный, большой –
Стучит по крыше старенького дома.
И ты сидишь, придавлен тишиной,
Под впалой, обветшалой луной –
Как жертва постковидного синдрома.

И с этим миром всё слабее связь.
Опилками сорит Небесный Плотник,
И строк твоих причудливая вязь
Им непонятна – то ли дело грязь
Родных дорог да сбитый беспилотник.

И, уходя в безропотную тьму,
К таинственному Божьему Ковчегу,
Я ничего отсюда не возьму –
Лишь чувство сопричастности к нему –
Безродному, беспамятному снегу.

-
- Евгений Ростиславович Эрастов родился в 1963 году. Окончил Горьковский медицинский институт и Литературный институт им. А.М. Горького. Доктор медицинских наук. Автор восьми поэтических и четырёх прозаических книг, а также более двухсот художественных публикаций в периодике. Произведения переводились на английский, немецкий, испанский, македонский и болгарский языки. Лауреат премий Нижнего Новгорода (2008), Нижегородской области им. А.М. Горького (2014), имени Ольги Бешенковской (Германия, 2014), литературной премии имени Марины Цветаевой (Татарстан, Елабуга, 2014), Всероссийской литературной премии имени Николая Рыленкова (Смоленск, 2022) и многих других, победитель нескольких международных поэтических конкурсов. Член Союза писателей России.

ШЕЛОКША

Здесь белая церковь на склоне
Заветную тайну хранит,
Пасутся печальные кони
Под сенью плакучих раки.

А рядом – пугливей мышонка,
Лелея родные края,
Кугою шуршит Шелокшонка –
Притихшая речка моя.

Гниёт на мели плоскодонка,
И ёршики плавают там.
Я снова с тобой, Шелокшонка!
Уж я-то тебя не предаю.

Когда же глухая тетеря
Вопит, в том не видя греха,
Что любит Россию – не верю!
Я знаю – Россия тиха.

* * *

Здесь тишина как стражник на часах
У вечности – о крупном и о малом
Не размышляет, ибо время – прах.
Сидит всю ночь с опущенным забралом.

Здесь тишина такая, что слова
Бессмысленны и тщетны разговоры,
Здесь слышно, как весенняя трава
Сквозь земляные проползает поры.

И каждая травинка – словно меч,
Пронзающий стреноженное время.
И ты себя не сможешь уберечь –
Уйдёшь как все: не с этими, так с теми.

Здесь всех других ловчее и живей,
И всех бодрей, и зря не суетится
Наш среднерусский рыжий муравей –
Ни жизни он, ни смерти не боится.

А жизнь права, и смерть права – они
В гармонии своей равновелики
И равнодушны к нам, как эти пни,
Как заросли садовой повилики.

DÉJÀ VU

Вот она, лета нежнейшая милость –
Лезет сквозь землю шальная трава.
Не от росы ли коса затупилась?
Лишь одуванчики косит едва.

Может, и к лучшему? Мне от пореза
Дальше б держаться, не быть дурачком.
Рухнут цветы, и покроются срезы
Детским, каким-то смешным молочком.

Всё это, кажется, было когда-то:
Солнечный луч, на травинках роса.
Зеленоглазый такой, конопатый,
Худенький мальчик смотрел в небеса.

Не был в Шанхае он, не был в Париже,
Доллар не видел, не трогал юань.
Был почему-то понятней и ближе
Город с названием Тьмутаракань.

Ел по утрам он овсяную кашу
И, шелковистую глядя траву,
Знать не хотел про политику вашу.
...Жёлтая пижма. Полынь. Déjà vu.

* * *

То как ящерка время бежит,
То ползёт по-улиточки тихо.
Что за куст у забора дрожит?
Облепила забор облепиха.

Удивительно всё же просто,
Незатейливы девичьи вкусы –
Серебристые эти листья,
Жёлтых ягод браслеты и бусы.

А когда золотая заря
На верхушке куста полыхает,
Проступает Музей Янтаря –
Так, что сам Кёнигсберг отдыхает.

Нас учила посконная жизнь
Всех, вкусивших хоть капельку лиха:
От начальства подальше держись –
Проживёшь, как твоя облепиха.

Ей-то что! Ведь жила при князьях,
На советский не злясь муравейник.

Был пырей да цикорий в друзьях,
А в подписчиках – серый репейник.

Как нам хрупкая жизнь дорога!
Даже если по пояс снега
Или спать не даёт лихорадка.
Потому-то и в дождь, и в жару
Всё дрожит на бесхозном ветру
Серебристая нежная прядка.

* * *

В чуткий час, когда замолкнут птицы,
Но в саду по-прежнему тепло,
В окна бьются бабочки-ночницы,
Бьются головами о стекло.

Как ты непонятно, мирозданье!
Кто нам может точный дать ответ,
Почему мучнистые созданы
Всё летят, летят на яркий свет?

Может, электрического тока
Притяженье тайное жестоко?
Или света гибельны лучи?
Может быть, им слишком одиноко
В русской опредмеченной ночи?

Может, их просторные рубахи
Не вмещают жуткой тишины?
Мучают безудержные страхи
Под магнитным оловом луны?

Однодневки жалкие не знают,
Что к холодной осени растают,
Не узнав про русские снега.
Что ж они так головы теряют?
Или просто жизнь не дорога?

Пляшут их весёлые сестрицы –
Бражники, капустницы, репницы
В византийский полдень на лугу.
Всё не могут жизнью насладиться.
Ну, а я постигнуть не могу –

Почему в июне и в июле,
Бросив комариные рои,
Словно зажигательные пули,
Бьются в стёкла смертницы мои.

* * *

Вот если бы вторую жизнь прожить
Вот здесь, за этим сонным полустанком!
Репницей мягкокрылой прокружить
По разноцветным войлочным полянкам!

Ужом желтоворотым в закуток
Скорей вползти, чтобы брюшком – в болото,
И кислорода свежего глоток
Вдруг ощутить, как прелесть долгой ноты.

Вторая жизнь была бы хороша,
Когда бы в ней ни боли и ни дрожи,
Когда б всегда светла была душа,
Когда б она, сверкая и шурша,
На первую была бы не похожа.

А если вновь велят ходить в строю
Под кваканье нечищеного горна,
Писать в стихах, что ты живёшь в раю,
Чтоб получить за это горсть попкорна?

И, как пластинка, тупо повторять,
Что дважды два, конечно, будет пять,
Годами лицезреть врата Аида,
Перед скотом навтыяжку стоять
И надевать намордник от ковида?

Опять среди тотального вранья
Прожить всю жизнь, мечтая о наркозе?
Нет, не хочу!.. Но вспомню муравья,
Ползущего по сломанной берёзе...

* * *

Струится с неба несказанный свет,
И ничего-то нет дороже света.
«Поэт в России – больше, чем поэт».
Я не хочу быть больше, чем поэтом.

Осенний дождик кончит моросить –
В ответ ему ни криков, ни оваций.
Мне ни к чему в стихах своих просить,
Чтоб Ленина убрали с ассигнаций.

Я сделал выбор. С лунной тишиной
Остался, с лучезарною волной,
Не в ваших закулисных кривотолках.
Не станут комиссары надо мной
Склоняться в пыльных шлемах и в бейсболках.

Уж лучше спать тяжёлым русским сном
В бревенчатой избе на русской печке,
Чем быть продажным клоуном, вруном,
Бесплатно не промолвившим словечка.

Не ваш я, бодрячки и рифмачи,
Не вашей гуттаперчевой команды
Игрок и не таскаю кирпичи
На храм и хлам казённой пропаганды.

Но я не враг вам. Никому не враг.
Живу среди барыг и доходяг
В родимой мукомольне и давилъне,
И мне милее зубчатый овраг
Всей вашей меркантильной говорильни.

Не дай мне Бог стать громче камыша,
Отважней лягушонка на болоте
И говорливей камня-голыша.
Мне жить бы только, глубоко дыша,
И видеть на ромашке мураша
Да облако в закатной позолоте.

К чему ж пугать, что кану в Никуда?
Всё к лучшему, и горе не беда,
Когда ты был правдив перед народом.
...Я – лучик солнца, талая вода.
Я стану водородом, кислородом.

* * *

Мне снился Розанов. В помятой старой шляпе,
В пенсне кривом, он был угрюм и сед.
Усталый, выпивший, он почему-то папе
Передавал привет.

На даче в летний день он мял ногою глину.
Читаешь «Розанов», а думаешь – «малина»,
Да, та пахучая, в запущенном саду,
У ржавой перекошенной ограды.
Шершни шерстистые ей так в июле рады –
Летят к ней сквозь пырей да лебеду.

Ау, народники! Эсеры! Демократы!
Что муравейники напрасно ворошить?
«Что делать?» – спросите. А тот, в помятой шляпе,
Ответит мудро: «Ягоды сушить».

Когда бы выборы, то, взяв скорей половник
С кривой кастрюлею, мечтатель и поэт,
Голосовал бы я, наверно, за крыжовник –
Ворсистый, маленький, но в бюллетене нет

Того крыжовника, хоть он того достоин.
А коль не веришь мне, спроси пчелиный рой.
Мне снился Розанов – идеи русской воин.
Хотя на первый взгляд какой уж он герой...

* * *

Не ковшом, решетом подносили
В Иудее, в замшелой Руси ли
Брагу пенную к тонким губам.
А когда о пощаде просили,
Метко били в ответ по зубам.

Не ковшом, а напёрстком дырявым
Подносили, глумясь и смеясь,
Под ракитой, под вязом корявым,
Виноватым ты был или правым,
Мних безнозий, Великий ли князь.

Под берёзой, под гибкой оливой,
Клейким клёном, цветущею сливой
Я ухмылку видал подлеца.
Как кривлялся он, хмурый и потный!
...Брагу пенную жизни вольготной
Удалось мне испить до конца.

Я – везунчик, мучений не знавший.
Я не сгинувший и не пропавший.
Хоть была моя жизнь непроста,
Всем страдальцам всегда сострадавший,
Я всегда лишь стоял у креста.

И, бескрайнюю чуж разлуку
На развилке вселенских дорог,
Счастлив тем, что на горе и муку
Не велел посылать меня Бог.

Я твержу средь сырого ненастья,
Незнакомый с сумой да тюрьмой:
«Сколько всё-таки выпало счастья!
Сколько счастья-то, Боже ты мой!»

**Анатолий
СОБАКИН**

ВАСЯ

Вместо эпиграфа (оказывается, жизнь подтверждает даже самые, казалось бы, неосновательные сочинения):

«Матери погибшего российского бойца передали котёнка, которого он приютил в зоне СВО» (ОБЩЕСТВО, 24 сентября 2023 г. 23:28).

Котёнок Симба, которого погибший российский военнослужащий Роман Попов приютил в зоне СВО, теперь будет жить в доме на его родине, в республике Коми. Об этом сообщил глава региона Владимир Уйба.

Он рассказал, что хвостатый питомец родился у кошки по кличке Венера. Домашнее животное прибилось к бойцам в зоне СВО, и они её подкармливали. Уйба забрал малыша, когда был в рабочей поездке в Ростовской области, и передал его матери российского героя.

«О том, что Олеся Васильевне нужна помощь, прочитал в соцсетях. На днях как раз собирался доставить в зону СВО гуманитарную помощь нашим землякам. Котёнка забрал на обратном пути. Теперь у него новая семья. Сейчас котёнок носится по всей квартире, играет», – поделился глава Коми в видеообращении в своём аккаунте в соцсетях.

***

– Ну что, перетрусился? – спросил запорошённый пылью и осколками бетона, обросший щетиной, усталый мужик, поглаживая указательным пальцем костлявую гибкую спинку, податливо выгибающуюся навстречу повторяющемуся ласковому движению: – Э-э! Да я смотрю, ты герой, Вася! Боевой парень. Ничто тебя не испугает, так?

Вася – маленький, пушистый по-детски, сероглазый, худенький котёнок однотонного окраса, с белой меткой на груди, напоминающей всем известную галочку, забредший на позиции затерянного в просторах СВО взвода и названный в честь такого же сероглазого, худенького и смышлённого бойца с позывным «Вася», навсегда – больно это произносить – покинувшего рас-

-
- Анатолий Коммунарлович Собакин родился в 1958 году в г. Джамбул Казахской ССР в семье военнослужащего, окончил Военно-медицинскую академию им. С. М. Кирова в 1982 г., служил в Военно-воздушных силах СССР и России. По завершении службы работал в различных коммерческих организациях. Кандидат биологических наук, военный врач, организатор военного и гражданского здравоохранения. Прозаик, поэт, бард. Живёт в Москве.

положение подразделения и эту растерзанную боями землю, теперь, возможно, наблюдающий с небес за своими побратимами и тем, что происходит на земле, которую он защищал до последнего вдоха.

Вася появился на следующее утро, пробравшись через приоткрытую, пробитую осколками металлическую дверь, прикрывавшую вход в импровизированный бункер в цоколе капитального пятистенка. Не обращая внимания на непрекращающийся обстрел, стрёкот пулемёта и бухающие за стеной разрывы снарядов, крики бойцов, реагирующих на попадания и дающих целеуказания пулемётчику или гранатомётчику, Вася, с видом много повидавшего на своём двух-, трёхмесячном «веку», гордо прошагал, подняв трубой хвост и широко расставляя лапы, прямо к лежащей на полу недоеденной банке мясных консервов и, остановившись перед ней, оглядел остолбеневших бойцов.

«Мьяу!» – поздоровался Вася – на тот момент ещё, конечно, не Вася, а просто смешной котёнок. И, выполнив эту часть общего ритуала знакомства, принялся за обед – а время было как раз обеденное – спокойно, деловито и неспешно, хотя всем было, конечно, видно, что он голодный и, возможно даже, истощённый.

Опешившие бойцы прекратили огонь, наблюдая за такой диковинкой, не мешая, впрочем, ему удовлетворить свой аппетит. Улыбки озарили закопчённые, напряжённые лица.

– Нашего полку прибыло! – смеясь в прокуренные усы, прокричал оглохший от стрельбы пулемётчик. – Теперь повоюем!

И все дружно загоготали, возвращаясь к привычной огневой работе.

Через полчаса бой стих. Слава Богу, все были живы и никто даже не ранен.

– А где же пополнение? – оглядываясь по сторонам, недоумённо спросил Ботан, здешний снайпер и храбрец.

– Да вон же, дрыхнет на Васином месте! – разглядев в полумраке и ещё висящей в воздухе пыли, ответил ему комкор – командир этой боевой точки. – Ну-ка, ну-ка, посмотрим на тебя! Ребята, глянь, вылитый Вася! – сквозь наворачнувшиеся слёзы выдохнул он. – Глазки серые, бровки, косточки! Ботан, поддержи, надо закурить. Вот так и поверишь в переселение душ. – И командир передал котёнка Ботану, разминая в руках сигарету и щёлкая зажигалкой.

– И точно, вылитый Вася! Привет, дружище! – срывающимся голосом поддакнул Ботан. – С возвращением!

Все потянулись к Васе, пытаясь разглядеть его в сереющей темноте, поглаживая по детской шёрстке и теребя подбородок.

Новозванный Вася благодарно тянулся к пропахшим порохом, ружейным маслом и куревом рукам окруживших его бойцов, изредка помякивая и беспрестанно треща чем-то забавным внутри грудной клетки и тонкой шеи.

– Принят, зачислен, поставлен на довольствие! – резюмировал комкор Кот!

– Тебе по натуре шефство над ним, ага?

– Есть! – беря Васю на руки, отрапортовал Кот. – В обиду не дам, будет как у Христа за пазухой. – И засунул Васю в ворот тельника поближе к его потной, давно не мытой груди, чудно пахнущей добрым человеком, как подумал в этот момент Вася.

С той поры оба они были неразлучны. Во всяком случае в пределах бункера. Иногда Кот уходил куда-то, хорошо, что не очень надолго, но Вася сильно скучал и выглядывал из амбразур, пробитых в цоколе, или из двери, временами поднимаясь на верхние этажи полуразрушенного дома. Бойцы

загоняли его внутрь, но он всё равно настырно лез во все открытые щели, высматривая своего друга. Его все, конечно, любили и берегли во время схваток и постоянных обстрелов, но Кот был ему особенно дорог, и, когда тот возвращался, Вася крутился вокруг него, обтирая его берцы и запрыгивая на колени или на самого Кота, если он вдруг засыпал от беспредельной усталости, выгибаясь на нём. Так они и спали в обнимку, помогая друг другу видеть добрые довоенные сны – для Кота, и полные непривычной тишины и безопасности – для Васи.

На местных харчах и благодаря заботам Кота и бойцов Вася округлился, набрал вес, подрос и окреп, тем более что он был уже в части почти две недели, а две недели в кошачьей, тем более котёночной жизни – это целая эпоха. Все мы знаем по себе, какими долгими были дни и годы в детстве, сколько впечатлений и нового втискивалось в наполнявшееся жизнью сознание. Это теперь они летят, как электрички – не успел проснуться, а уже вечер, только намазал лыжи – весна, отпраздновал юбилей – уже новый на носу.

В один из дней Вася проснулся на приватизированной у Кота лежанке. Друга нигде не было. С утра не стреляли и было тихо. Вася сбежал на кухню, подкрепился и пошёл искать своего напарника. Его нигде не было. Выглянув наружу из бункера, он уловил едва различимые запахи товарища и решил обследовать то направление, куда вели эти запахи. Тем более что Вася чувствовал себя уже достаточно взрослым, чтобы совершать новые открытия. Перебегая между развалин по валявшимся кирпичам и перепрыгивая через ямки и канавки – откуда ему было знать, что это следы от разрывов и падения рикошетирующих боеприпасов, – он поспешил туда, где, как ему казалось, скрылся его дружок.

– Вася! Вася! – зашептал в амбразуру Ботан. – Ты куда? Давай назад! Вот засранец! Придёт твой Кот. Эй, парни, Вася убежал за Котом! – громко выдохнул он. – Не пропал бы..

А Вася уже скрылся из глаз, как кенгуру, сигая через препятствия. Следы Кота растворились во множестве других знакомых ему запахов боя и разрушения, но он, не сбавляя хода, бежал куда-то вперёд, совершая свой самый дальний поход за последние немногие дни, с тех пор, как он прибил к отряду комкора.

Ему показалось, что он вернулся назад, так как он каким-то образом очутился рядом почти с такой же дверью, ведущей в подвал. Но пахло как-то тут совсем не так: людьми, но другими, вещами, но чужими, оружием и смазкой, но совсем-совсем не теми, что были в его подвале. Вася заглянул в темноту, спускаясь по отбитым почти так же, как и в его доме, ступенькам. В сумраке – ну какой для котёнка сумрак, всё как в ясный день – он увидел расположение таких же почти людей, как и у него в бункере. Солдаты сидели по углам, оберегаясь от обстрела, и занимались своими делами, кто-то принимал пищу, кто-то чинил форму, возился с оружием.

– А, москалёнок приблудился? – раздался чей-то неприятный голос, и Васю сгребли заскоруждые руки.

Да тут, в этом селе, все были москалями, продавшимися за непонятно какие коврижки, не желающими идти к лучшей жизни со всей Европой. Подняв Васю на уровень глаз, заросший бородой и усами человек заглядывал ему в мордочку, дыша смрадом прямо в его рот и нос.

– Москалёнок! Ну что, братцы, сделаем с ним, а?

– Ляхам отдадим! Они горазды ворон и человечинку есть, а с голодухи и кота сожрут, – гоготнули развеселившиеся сидельцы. – Подвоза-то нет уже неделю, а ляхи пухнут. Брось его им.

– Да ладно, сами съедим, – засмеялся бородач. – Пусть посидит у нас тут, может, и обживётся? А там поглядим. – И бросил Васю на пол, подпнув тяжёлым ботинком. – А побежит – постреляем. Я, хлопцы, спать, скоро опять начнётся, а я никакой. Чиря! За старшего!

Бородач скинул ботинки, стянул носки и расстегнул куртку, укрывшись ей с головою, завалился на лежанку. Через пять минут он уже громко храпел, выводя рулады. Бойцы втихушку ржали и перекидывались язвительными репликами, кажется, позабыв про Васю.

А он, крадучись, пытался найти выход из этого дурно пахнущего подземья. До амбразур допрыгнуть Вася не мог и, блуждая под нарами, натолкнулся на брошенные бородачом ботинки с носками. Эта чужая вонь выводила его из равновесия, побуждая на уничтожение гадкого запаха. Вася присел и залил берцы с носками тёплым составом, хоть как-то перебив идущий от них смрад. Живот тут же разболелся от волнения, полученного в цепких руках бородача, и переживаний длительной отлучки. Забурлившее в кишочках содержимое излилось на бетонный пол. Понимая, что такое ему не простят, Вася в три прыжка оказался рядом с дверью, ведущей из западни, и затаился в разбросанных на полу коробках и ящиках.

– Ёпэрэсэтэ! Что за вонь! – зажимая нос руками, подскочил бородач, проснувшись от такого «подарка». Наклонившись к полу, он рывком вытащил из под нар носки и ботинки, из которых полилось жёлтое нечто, моментально выбесившее его. – Где эта сволочь! Пришибу!

А в это время его напарники уже стремились наперегонки к двери, чтобы глотнуть свежего воздуха. В свалке на выходе Вася умудрился проскользнуть между ног «уничтоженных» им врагов и, свернув за угол, во все лопатки почесал подалее от этого злого места. Делая очередной прыжок, он, не рассчитав расстояние, кувыркнулся в открывшуюся воронку и... приземлился на что-то родное, мягкое и заботливое, оказавшись через секунду в ласковых руках Кота.

– Ты как тут оказался, малыш? – пролепетал изумлённо Кот. – Меня искал?

Вася затрещал своими лучшими звуками, обтираясь мордочкой и ушами о своего друга.

– Т-с-с! – приложив палец к губам, произнёс напарник. – Акцию сорвёшь! Ну-ка, давай отсюда домой или сиди тут, потом вернись. А сейчас не мешай! – сказал Кот. – Давай, давай отсюда! – И, повернувшись к нему спиной, пополз на гребень воронки.

Но Вася, найдя своего друга и пережив не лучшие минуты в бункере с гнусными запахами, ни в какую не хотел остаться один и потерять своего заступника. Он проскользнул вверх по его ногам, ягодицам и пояснице и впился когтями в рюкзак, мурча и помякивая.

Начиналось самое важное во всей этой вылазке, и Кот, попытавшись сбросить Васю с себя, смирился с тем, что он не отстанет: «Ладно, повиси, там посмотрим». И Кот с котёнком на спине быстро пополз, поднялся на корточки и перебежками устремился вперёд, вызывая недоумение у остальных штурмовиков. Кто-то подумал, что это такой талисман, какие были у многих бойцов в виде детских мягких игрушек, которые им присылали из дома и к которым Кот ни разу не проявил интереса. А те, кто узнал Васю, ещё больше воодушевились, видя эту умильную картину.

Васю штормило, бросало из стороны в сторону и вверх-вниз, но он крепко держался тонкими коготочками за рюкзачную ткань, перехватывая лапка-

ми, если коготочки вырывались из ткани, и, благодаря природному балансу, сохранял своё место в «строю».

Находясь за спиной Кота, он практически ничего не видел, куда и зачем они бежали, и когда начался неимоверный грохот – а это стали взрываться гранаты, и вслед за ними начались стрельба и артобстрел, – он просто следовал за ходом событий, имея одно лишь желание – не потерять своего друга.

Резкий удар с пылью и жаром опрокинул их связку в полную темноту, наполнив окружающий мир звоном и гарью. Ещё один удар где-то рядом полностью выключил картинку...

Что-то сильно затрясло всё его тело. Вася открыл глаза, но ничего не увидел. Было трудно дышать, тело что-то сдавливало, забывая нос и рот, наполненные слезью и горьковатой слюной.

– Так, девочки, давайте этого с носилок на каталку, – произнесла старшая медсестра. – И не затягиваем. Только что с передовой, контузия и проникающие осколочные справа в области грудной клетки.

Санитары и другие медсёстры подхватили Кота с носилок и положили на бок, стараясь разглядеть полученные раны, готовясь снять одежду и снаряжение.

– А это что такое?! – изумлённо воскликнула она же. – Котёнок?! Откуда? Живой? – отцепляя намертво впившиеся в рюкзак коготки, засуетилась медсестра. – Маленький какой! Живой хоть?

Котёнок своими светло-серыми глазами по-человечьи смотрел в её карие глаза, наполнявшиеся умильной слезой.

«Ап-чхи!» – раз десять чихнул он, возвращаясь к жизни и разматывая слезь по своей маленькой мордочке.

– Откуда?! – ещё раз удивлённо воскликнула медсестра.

– Вася... – простонал пришедший в сознание Кот. – Уцелел...

Рука упала вниз, глухо брякнув костяшками по деревянному настилу, голова дёрнулась и свесилась на грудь. Губы и лицо стали резко синеть.

– Девочки, западение языка и незакрытый пневмоторакс. Срочно фиксируем язык – и в операционную!

– А ты, – обратилась она к Васе, когда помощницы убежали с каталкой по гремящему деревянному настилу, – побудешь у нас пока, хорошо? – И легонько щёлкнула его по носу.

И тут все добрые, подумалось Васе, когда он лежал в коробочке, пахнувшей лекарствами. А так хотелось бы, чтоб пахло валерьянкой...

– Ну, здравствуй, Кот! – заходя в палату санбата, с порога засветился деланой улыбкой комкор. – Слава Богу – что-то я часто стал Всевышнего поминать, – что ты в порядке. Мы тогда сильно этим навалили. Практически без потерь, если не считать тебя. Да и, уж извини, Вася куда-то пропал. Искали-искали, но так и не нашли. Ботан видел, как он на тебе болтался, а дальше всё...

Кот, ещё не совсем окрепший, сухими губами улыбнулся своему командиру и слабой рукой с усилием повёл в сторону прохода. Трубки с кислородом, вставленные в нос, и проколотый для фиксации при эвакуации язык мешали ясно говорить, а жест сам по себе всё объяснил: по настилу между коек гордо, подняв серую трубу хвоста, браво выхаживал целый и невредимый, на веселье персоналу и раненым бойцам, Вася собственной персоной.

– Ка-а-ак?!

– А вот так! – просипел Кот. – Наших не возьмёшь!

Георгий
ЛАВРОВ

НА ПОЕЗДАХ ГОРИЗОНТАЛЬНОЙ БЕЗДНЫ

***

Горячий, как
    ладони папы, воздух
Поправил чёлку ветреной рукой
Мне,
    будто поучая:
«Будь серьёзней –
Студент уже, а не школяр какой!»

И пусть слова – всего лишь своевольность,
И ветер дул без речевых чудес.
Но, боже,
    как приятно думать, словно
Был
    у меня заботливый отец,

***

Стихотворение – скорее чувство,
Но чувства не имеют языка.
Что этим – радостно, а этим – грустно,
Легко понять по взглядам и щекам.

Слова без чувства неприятны, тухлы –
Раскаянье заметней по слезе.
А что – стихи? Как будто те же буквы.
И всё-таки как будто не совсем.

Как будто то и то в себе содержат –
Граница чуткости и гундежа.
Уже не полувсхлипы над умершим,
Ещё не полусонное: «Мне жаль».

-
- Георгий Юрьевич Лавров родился в 1996 году в г. Минске. Окончил машиностроительный лицей по специальности «слесарь-ремонтник», работал на Минском тракторном заводе. Ещё во время учёбы в лицее увлёкся поэзией и после окончания рабочего контракта поступил в Литературный институт им. Горького, в мастерскую В. А. Куллэ; учёбу успешно завершил в 2025 году. Является участником ряда литературных фестивалей (в их числе «Центр Весны», фестиваль им. Анищенко и др.)

***

Солнце за тучами.
Западный ветер.
Гайки закручены.
Не отвертеться.

Щёки обрыданы.
Ящички водки.
Волосы сбритые.
Берцы.
Пилотки.

– В полгода максимум
Будете дома!

Призваны в майские
Сорок второго.

БАБУШКЕ

Апрельский снег. Стою ногой на стуле,
Опёршись об колено локтем, и
Смотрю в окно. И вижу, как бабуля
Моя
сейчас на том конце зимы.

Сидит и тихо спицами елозит
От самого утра до темноты.
Она всегда стояла в той же позе,
Как я стою,
когда пускала дым.

Вдыхала глубоко, и за окошко
(Следила за порядком во дворе.)
Кивала головой знакомым кошкам,
А кошки словно бы кивали ей.

Гоняла местных пьяниц и мальчишек,
Когда они зачем-то – под окном.
А как прогонит – тяжело задышит
И давится тягучею слюной.

За годом год – всё реже перекуры.
За годом год – всё тяжелее вдох.
И сердце всё слабеет и халтурит,
И всё отчетливее слышен Бог.

И вот – она уже совсем не курит.
Сидит за спицами по целым дням,
Пока весна
всех по-апрельски дурит,
Швыряя вязким снегом по дворам.

***

Июнем урезалось солнце,
И выделились дожди.
Простуды невымытые ногти
Скребнутся в моей груди.

Затянуто тучами небо,
Как пылью заброшенный дом.
От кашля расшатаны нервы
В теле, как будто литом.

Засну. И приснится мне сон, где
Под пение вымокших птиц
Моё белорусское Солнце
Приходит меня навестить.

А небо – пускай громыхает,
И капли – стекают под зонт.

Друг друга к себе прижимаем,
Пока не закончится сон.

**Алексей
СОЛОНИЦЫН**

ВЛАСТЬ

Роман

*Пилат говорит Ему: мне ли не отвечаешь? не знаешь ли,
что я имею власть распять Тебя и власть имею
отпустить Тебя?*

*Иисус отвечал: ты не имел бы надо Мною никакой власти,
если бы не было дано тебе свыше; посему более греха
на том, кто предал Меня тебе.*

Евангелие от Иоанна, глава 29, стихи 10–11

ВСТУПЛЕНИЕ

Этот роман обдумывался довольно долго, а написанся за лето – то жаркое, то дождливое, но одинаково благодатное для меня. Потому что каждое утро я выходил в сад, за домом на окраине Самары, садился за стол под черёмухой (скорее деревом, хотя есть и кусты) и начинал писать о том, что произошло с моим героем, журналистом и писателем Иваном Ивановичем Тепляковым в начале двадцатого века, на переломе эпох.

В молодые годы Иван Тепляков, литератор из «Самарской газеты», вслед за добровольцами из его города отправился на русско-турецкую войну 1877–1878 годов. Там, на Балканах, под Самарским знаменем, вышитым монахинями-золотошвеями Иверского монастыря и вручённым болгарским ополченцам посланцами Самары, Иван Тепляков становится участником героических событий, которые прославили воинов-освободителей,

-
- Алексей Алексеевич Солоницын – писатель, кинодраматург, родился в 1938 году в г. Богородске Горьковской области. Окончил факультет журналистики Уральского университета в Свердловске (ныне Екатеринбург) в 1960 году, работал в газетах Киргизии, Латвии, на телевидении, в кино. С 1973 года живёт в Самаре. С 1972 года – член Союза писателей России, с 1984-го – член Союза кинематографистов России. За 55 лет творческой деятельности в Москве, Петербурге, Самаре, Нижнем Новгороде, Рязани и других городах России и зарубежья издано, включая переиздания, более пятидесяти книг писателя. По его сценариям снято более сорока документальных фильмов. Дипломант Патриаршей литературной премии св. Кирилла и Мефодия 2012 года, лауреат первых всероссийских литературных премий им. Александра Невского (Санкт-Петербург), Ивана Ильина (Екатеринбург), Серафима Саровского (Нижний Новгород), Международного кинофестиваля «Золотой витязь» (Москва).

сражавшихся под этим знаменем, ставшим святыней болгарского и русского народов.

На Балканах Иван Тепляков и встречает свою любовь – девушку-болгарку Албену.

Обо всём этом мой роман «Самарское знамя».

В новом романе, «Власть», рассказано о зрелом писателе Иване Теплякове, который опять по заданию редакции отправляется в дальнюю дорогу – на этот раз на станцию Астапово Липецкой губернии, где скончался Лев Николаевич Толстой, бежавший из своего имения в Ясной Поляне.

«Власть». Я выбрал это название романа из множества вариантов. Потому что оно наиболее точно выражает главный смысл написанного мною.

Но не подумайте, что я говорю о «коридорах власти». О жестокой борьбе за неё – об этом написано слишком много великих произведений, начиная от древности и до сего дня. Достаточно вспомнить «Макбета», «Ричарда Третьего» Шекспира, или современные романы француза Мориса Дрюона «Проклятые короли», или его же трилогию «Сильные мира сего».

Нет, я писал не о борьбе за власть или о проклятии её, а о духовной силе, которая куда смертельнее ударов кинжала или яда, который невозможно определить никакой экспертизе.

Эта духовная власть рассмотрена на примере судьбы и творчества двух русских гениев – Льва Толстого и Антона Чехова. Меня интересовало, как личная жизнь и понимание её религиозного смысла отражаются в творчестве писателей, которые признаны всем миром как одни из самых лучших за всю историю человечества. И как личные, человеческие качества творцов влияют на их судьбы, к каким итогам они приводят в конечном счёте.

Лев Николаевич Толстой, гениально изобразив «власть тьмы» в своей драме, конечно же, не думал, что эта власть аукнется в его жизни, в её столь трагическом финале. Но именно так и случилось. Он, изучивший труды Авиценны, Платона и других древних греков, немецких классических философов, Новый Завет прочитавший на латыни и греческом, и даже на арамейском языке, двадцать лет трудившийся над своим евангелием, полностью отказался от православия и даже предал его поруганию. В итоге власть тьмы накрыла его от головы до ног – вот что показывает его кончина на станции Астапово, холмик без креста на земляной гробничке в Ясной Поляне, где его похоронили.

Вот чем закончился его воинственный поход против Церкви Христовой, его хула на Духа Святого.

Мой герой романа, Иван Иванович Тепляков, выясняет обстоятельства жизни и смерти писателя с мировой известностью. Его столь же сильно интересует жизнь и смерть Антона Павловича Чехова, которого Лев Толстой любил как сына. И как писателя он предпочёл его всем современникам.

Встречи двух великих людей, их воззрения на жизнь, на смерть и бессмертие, религию и безверие, воинствующий атеизм, который привёл к кровавым войнам и столь же кровавым переменам в устройении государств, – вот главные темы романа, исследованные автором.

Вместе с историческими персонажами в романе присутствуют и литературные герои, через которых автор и доносит идеи о «власти тьмы», гениально изображённой Львом Толстым, и «власти света», не менее гениально показанной Антоном Чеховым как в рассказах и повестях, так и в его пьесах, с успехом идущих и сегодня во многих странах мира.

В романе говорится о ключевых, по мнению автора, произведениях великих писателей, простых по форме, но глубоких по содержанию. Особенно

это характерно для Чехова, который глубинный смысл своих творений уводил в подтекст, требуя от читателя столь же глубоких размышлений над прочитанным. Объяснение этих смыслов поможет читателю, особенно молодёжи, разобраться в том, почему Лев Толстой заблудился в понимании религии и христианства. А Чехов, которого он обвинял в отсутствии у него «окна в религию», оказался в высшей степени религиозен.

В описании исторических событий я, как и прежде, старался быть точен, не отступая от подлинных фактов, которые почерпнул из разных источников, сопоставляя их, отыскивал «золотую середину». Что же касается описания поведения и характеров героев повествования, то здесь вступали в силу законы литературного письма. Так что хочу напомнить читателю, что историю надо изучать по историческим научным книгам, а не по романам. Художественная литература потому и называется художественной, что она в образной форме, одной ей присущей, изображает жизнь минувшую и настоящую.

Роман «Власть» может существовать и как самостоятельное произведение, и как вторая часть диалогии, ибо он повествует и о судьбе Ивана Теплякова, и его жены Албены уже после войны на Балканах. Они невольно оказываются втянутыми в водоворот предреволюционных событий. Их сын Георгий – участник, хотя и косвенный, зверского убийства Самарского губернатора Ивана Львовича Блока.

Встречает Тепляков в Астапове и Оптинского старца Варсонофия, который родом из Самары. Он сын известных купцов Плиханковых. Именно старец Варсонофий должен был исповедать и причастить Льва Толстого, но его не допустили к внезапно заболевшему писателю. Да и сам Толстой не захотел увидеть перед смертью никого из священников.

Если в первой части романа указаны даты происходящих событий, то во второй части эти даты отсутствуют, потому что они сдвинуты по времени, как того требовала логика литературного произведения. Эта же логика движет не только сюжет, но и характеры героев романа в соответствии с теми открытиями, которые сделал автор для себя, изучая истоки жизни и смерти Толстого и Чехова, их произведения. Открытия, которые автору показались убедительными для определения того, что есть само понятие «власть».

Автор надеется, что его определения «власти тьмы» и «власти света» примет и читатель, верящий в идеалы справедливости, добра и любви, на которых от века стоят и наше великое государство, и наша великая литература.

Алексей Солоницын

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВЛАСТЬ ТЬМЫ

*Ибо нет ничего тайного, что не сделалось бы явным,
ни сокровенного, что не сделалось бы известным
и не обнаружилось бы.*

Евангелие от Луки, глава 8, стих 17

Глава 1

Станция Астاپово 4 ноября 1910 г. Вечер¹

Иван Иванович Тепляков, писатель и журналист из Самары, вышел из вагона поезда и огляделся.

Поезд остановился на неведомой ему ранее станции Астاپово. Тепляков увидел здание из красного кирпича в два этажа. Над входом, освещённым фонарём, висели часы, на них стрелки показывали вечернее время. Пассажиры, вышедшие из вагонов поезда, так же, как Тепляков, оглядывались по сторонам, решая, куда же дальше идти.

Благообразный господин, в чёрном котелке и чёрном пальто, с седыми усами, вышедший из вагона раньше Теплякова, глянув на него, чуть улыбнулся и показал на входную дверь вокзального здания.

Тепляков кивнул и послушно пошёл вслед за Сергеем Степановичем Деминным², литератором из Москвы, из «Русской мысли», издания, которое Тепляков не регулярно, но всё же читал. Теперь журналов и газет расплодилось так много, что за всеми уследить невозможно, тем более в Самаре. Солидные столичные издания, вроде «Вестника Европы» или «Русской мысли», в Самару доставлялись регулярно, а вот всякие там «Листики», или газеты многочисленных думских фракций и партий, которых развелось во множестве, в провинцию присылались куда реже, и потому Тепляков больше слышал он них, чем знал.

Минуло любезное ему время семидесятых и восьмидесятых, «Дня», цензурой закрытого, «Москвы», тоже закрытой, ещё и «Руси», куда направлял свои очерки и рассказы Тепляков. «Русь» тоже исчезла, как и сам Иван Сергеевич Аксаков, поэт, публицист, издатель, тот самый горячий поборник «Руси Святой», которого знал и любил в молодые годы Иван Тепляков.

Сергей Степанович, на счастье провинциального Теплякова, тоже знал и любил Ивана Сергеевича Аксакова. Он и оказался в одном вагоне с Тепляковым. Не чванился, что редкость для столичных журналистов, вёл себя дружески и с первого же знакомства определил Теплякова как единомышленника и толкового собеседника. И потому без навязчивости взял его под свою опеку, как человек, поднаторевший в ситуациях, непривычных для провинциала, хотя и немолодого – Теплякову уже перевалило за пятьдесят, что было

¹ Даты указаны по новому стилю.

² Все фамилии, за исключением исторических персонажей, вымышлены. Фамилии литераторов и газетчиков тоже литературные. Если есть совпадения, то они случайны.

заметно по седым волосам, выглядывающим из-под шляпы, и бледному благородному лицу с аккуратной белой бородкой и стриженными усами.

Несколько впалые щёки, крупный нос, голубые глаза, слегка выцветшие, как бы подёрнутые дымкой, шрам на правой щеке – вот черты Теплякова, которые сразу бросались в глаза. Шрам не портил впечатления, а, наоборот, говорил о чём-то нешуточном, пережитом Тепляковым.

В здании вокзала уже оказалось немало приезжих, которые, как и Тепляков со своим попутчиком, прибыли сюда по одному и тому же поводу.

Станционный служащий, в форменной фуражке и сером кителе с рядом медных блестящих пуговиц, объяснял приезжим, сгрудившимся вокруг него:

– Господа, желающие могут остаться в вагонах первого и второго классов. По возможности всем будут оказаны необходимые услуги. Можно устроиться на постой и у местных жителей. Вот Мария Ивановна проводит и определит желающих. – Он показал на женщину в бархатной приталенной кацавейке, в цветастом платке. – В доме начальника станции, Ивана Ивановича Озолина, рядом с вокзалом, находятся сам больной, доктор и некоторые особы, важные для Льва Николаевича. Телеграф рядом со зданием вокзала.

Он ещё сделал ряд пояснений для прибывших, уже зная, что говорить – прошло два дня, как с поезда № 12, следовавшего от Смоленска до Козлова Тамбовской губернии, здесь неожиданно-негаданно с трудом вышел из вагона старец с седой бородой и сразу узнаваемым лицом – сам Лев Николаевич Толстой.

Сергей Степанович пристроился к женщине, рекомендованной станционным служащим, и поманил Теплякова.

Вышли из здания вокзала.

Тепляков обратил внимание, что за ними, на небольшом расстоянии, следует некто, очкастый, худощавый, лет сорока человек, шагающий как-то осторожно, с оглядкой, словно кого-то боящийся.

Этого человека Тепляков заприметил ещё в вагоне поезда, когда столкнулся с ним при посадке в Москве. Очкастый пристально посмотрел на Теплякова и не пропустил его, только кивнул, боком протиснувшись вперёд.

Тепляков запомнил металлическую блестящую оправу очков над тонким острым носом.

Когда Мария Ивановна, как выяснилось, жена одного из работников станции, остановилась у ворот крепкого срубового дома и стала объяснять, что здесь они с мужем и живут, детей одна дочка, смиренная. Общая комната большая, светлая, спален две, господа могут в них расположиться, места для всех хватит. Они с мужем могут устроиться в боковушке, она отделена печкой. За постой плата умеренная, по соглашению.

Очкастый в это время приблизился, слушая Марию Ивановну и ожидая, что скажут литераторы.

Вошли в дом, осмотрелись.

Очкастый впервые подал голос, заискивающе улыбаясь и буравя тёмными глазками Демина:

– Если вы, конечно, не возражаете, уважаемый Сергей Степанович, я бы тоже поселился здесь. Комнаты чистые, светлые. Я на спальные комнаты не претендую, могу расположиться здесь, на этом топчане. – Он показал на топчан, стоящий у стены. – Да и хозяйка ведь говорит, что места всем хватит. По плате умеренной, – добавил он, подчеркнув эти слова. – Так ведь, Мария Ивановна?

Теплякова зацепило, что его мнением даже не поинтересовались. Но он промолчал, лишь выразительно глянул на Сергея Степановича.

– Да я ведь что, Иосиф Маркович, разве буду против, когда нас всех одна беда соединила? Да и наш коллега тоже не против, надеюсь? М-м?

Взгляд Сергея Степановича, который, оказывается, знал очкастого и даже по имени-отчеству, был не менее выразителен, чем Теплякова.

Иван Иванович понял, что возражать не стоит, здесь что-то такое есть, раз надо соглашаться на соседство с очкастым, хотя он и неприятен с виду – уж очень похож на «гороховое пальто».³

Расположились.

Мария Ивановна предложила чаю – это надо, «господа с дороги утомимшись».

Сергей Степанович согласился, что они «утомимшись», но очкастый, кого он назвал Иосифом Марковичем, не только не снял своё «гороховое» пальто, которое, впрочем, было серого, мышинового цвета, но даже свой котелок плотнее поправил, коснувшись его поля спереди.

– Я, с вашего позволения, чай оставляю на потом. Пойду, пожалуй, разведать обстановку. Там Владимир Георгиевич шёл к телеграфной, вы заметили?

– Как же не заметить столь внушительную фигуру? – ответил Сергей Степанович. – Да и вас он наверняка заметил.

– Вряд ли. Он слишком высок ростом, чтобы видеть таких, как я.

Иосиф Маркович, ещё раз прикоснувшись к переднему краю поля своего котелка, направился к двери. Слышно было, как он что-то успел сказать Марии Ивановне, которая возилась на кухне, готовя чай господам, столь неожиданно нагрянувшим к ним в захоlustье, да ещё в таком большом количестве.

За чаем Сергей Степанович, свободно раскинувшись на венском стуле, расстегнув пиджак, под которым был надет жилет с кармашком для часов с цепочкой, достал их, посмотрел, сколько времени.

Иван Иванович нетерпеливо поглядывал на москвича, ожидая пояснений.

Мария Ивановна опять ушла на кухню, и тогда Сергей Степанович, попробовав домашние ватрушки и похвалив их, предложил Теплякову последовать его примеру.

– Недурно, совсем недурно. Хозяйку не забудьте похвалить, Иван Иванович. – Последние слова он произнёс приглушённым голосом. – И сосед у нас с вами очень даже подходящий. Сейчас объясню. Ешьте, что же вы? М-м?

Сергей Степанович вздохнул, налил себе ещё чая, отхлебнул. Он любил «мыкать», задавая вопросы.

– Видите ли, Иван Иванович, в столицах у нас есть такие особые люди, которые пользуются влиянием, имеют вес как в оценке литературных сочинений, так и в театральном мире, – начал он. – И, что удивительно, эти люди сами-то ничего не пишут, на сцене не играют и ничегошеньки для постановок не делают. Всё, что они умеют, это говорить. И говорить так, будто только они и знают цену настоящему и полезному обществу. Будто они сами пережили, о чём написал автор романа или пьесы. Будто истина дана только им и больше никому. Они что-то там когда-то написали значительное. Но что это значительное, которое оценил сам Пушкин или какой-нибудь приближённый к самому императору ценитель, вы не узнали и не узнаете никогда. Потому как на самом деле была какая-нибудь статейка «времён

³ Гороховое пальто – историко-литературный фразеологизм, означающий: доносчик, осведомитель, человек, причастный к сыскному отделению.

Очаковских и покоренья Крыма» или вообще ничего не было, это никому не ведомо. Но все ценители наши внимательно слушают говоруна, ибо прекрасно знают, что этот говорун и определяет мнение, которое утверждается в верхах. Понимаете? М-м?

Он доел ватрушку, отёр рот и усы большим платком.

– Эти люди первого калибра, если можно их так назвать, – продолжил он. – Есть и такие, как наш Иосиф Маркович. Эти на вторых ролях, но очень нужны первым. Потому что они таскают из костра каштаны, как говорится. Узнают новости и вкладывают их в уши и мозги вершителям судеб. Иосиф Маркович подписывает свои статейки как *Иосифов*, с ударением на первое «о». Перо у него бойкое. Иногда, чтобы спрятаться, чтобы его труднее было распознать, он подписывается как *Перец*, а то и как *Горчица* – это когда приправа его статей остренькая. Но, по сути, так только с виду. На самом деле его фамилия *Перетц*. А когда тяжёлая артиллерия бьёт, тогда не надо прятаться всем марковичам – ведь атака ведётся с согласия людей того самого первого калибра, которые писать не умеют. Да это и не нужно им, понимаете? М-м?

Он опять вздохнул. Умные карие глаза его дружески смотрели на Теплякова.

– Извините, я слишком подробно вам объясняю нашу общественную атмосферу, как нынче говорят. Но иначе вы не поймёте, кто таков Иосиф Маркович.

– Он всё разумеет и кому надо доложит, – определил Иван Иванович.

– Совершенно верно. А мы с вами попьём хорошего чайку, да ещё с ватрушками. И от него выведем, что нам нужно. – Он улыбнулся вошедшей в горницу Марии Ивановне. – Спасибо, хозяйшка, спасибо.

– Да мы что, мы ведь гостей не ждали. Чем богаты, тем и рады.

Мария Ивановна смутилась, но это смущение было напускное, к которому, впрочем, Сергей Степанович, видимо, был готов. Потому что уходить она явно не собиралась, поправляя покрывало на топчане, над которым висел коврик с вышитым озерцом, со склонёнными к воде берёзами. По озерку, разумеется, плавала лебединая пара.

– А что, Мария Ивановна, когда гостя наиважнейшего в дом к начальнику вашему под ручки повели, много народу за ним последовало? М-м? – спросил как бы невзначай Сергей Степанович.

– Ой, да, очень много! Ну, я там как раз и была, – охотно ответила женщина, только и ожидавшая, чтобы господа затеяли с ней разговор. – И сразу наш Трофим Терентьевич, который в тот момент в вагон вошёл, по телеграфу вызванный, наказал мне в дом начальника станции бежать, чтобы там всё подготовить. Дескать, заболел один очень важный господин Толстой. Ну, я и побежала. Потом увидела, что Толстой вовсе не толстый, а исхудавший костистый старик. Вывели его под рученьки, с особой осторожностью. А в доме Ивана Ивановича всё уже подготовили.

– А Трофим Терентьевич – это ваш..

– Жандарм. Он у нас вроде как за начальство. С Иван Ивановичем в дружбе вроде, а на самом деле друг друга не любят.

– Гостя тоже Иван Ивановичем зовут, – Демин кивнул в сторону Теплякова – Вашего как по фамилии? М-м?

– Озолин.

Сергей Степанович терпеливо выслушал про жандарма Трофима Терентьевича и его властную жену, которую зовут Лукерьей Прокопьевной. Распросил и про других заметных обитателей Астапова, про уездное началь-

ство. И про тех, кто в доме Озолина остановился, тоже расспросил. По описанию внешности определил доктора Душана Петровича Маковицкого, личного врача Толстого, с которым он и сбежал из своей усадьбы в Ясной Поляне. Солидным господином с бородой, как у Толстого, определил Владимира Георгиевича Черткова, секретаря Льва Николаевича и самого близкого к нему человека и единомышленника.

– Никого более в дом к больному не пустили, – продолжила Мария Ивановна. – Даже женщину, которая назвалась его женой, Софьей Андреевной зовут. Она вчера прибьмши. И батюшку – солидного такого, в очках и с большой бородой с сильной проседью – тоже не пустили.

– С женой Толстого, – добавила, она, – хоча он писатель, а по виду не барин вроде, находился настоящий барин, назвался сыном. Его после к больному допустили. А батюшку, как он ни просил, – нет. Прямо удивительно! Особливо возражал и стеной стоял против батюшки барин с седой бородой. Будто он там самый главный. И что просто никуда не годится – законную жену Толстого, писателя знаменитого, чего мы, люди тёмные, тоже понимаем, к мужу так и не пустили! Где это видано? Но у этих господ, которые в столицах живут и все образованные, значит, так и надо поступать.

Мария Ивановна говорила без остановки, даже раскраснелась. Она постоянно поправляла свой цветастый платок, надетый, видимо, по случаю прибытия многих важных господ.

Сергею Степановичу удалось-таки остановить говорливую Марию Ивановну.

Тем более главные новости уже стали известны.

Глава 2

Утро в Астапове. Предзимье

5 ноября 1910 года

Утром Сергей Степанович направился в телеграфную узнуть, когда можно получить возможность передать сообщение в Москву. Тепляков решил осмотреть пристанционное село. Собственно, осматривать-то особо было нечего – Ивану Ивановичу просто хотелось побыть одному.

Тем не менее Астапово оказалось вовсе не «захолустьем», как сообщали газеты, а селом человек на пятьсот-шестьсот около узловой станции, которая имела пути, уходящие от станции в разные направления, ремонтные мастерские, солидный каменный вокзал, телеграф, церковь.

Тепляков шёл по длинной улице, главной здесь, где были и вполне приличные дома, местами наполовину каменные, наполовину деревянные, а то и с вывесками – *трактир, цирюльня* и даже *дамская одежда*, с прибавлением: *«из Европы»*.

«Чего уж, написал бы прямо: из Парижа, – подумал Тепляков о владельце магазина. – Впрочем, парижей теперь не только в Москве и Петербурге найдёшь, но даже в самой глубинке. Повсюду на Россию Запад наступает».

Но раздражённое чувство, возникшее было в его душе, тотчас же улетучилось, стоило ему выйти на окраину села. Перед ним лежало просторное поле, простиравшееся до кромки леса, окаймлявшего его. В лёгкой серебрястой изморози поле выглядело свежо, нарядно.

Оно было в нежно-зелёной озими. И приготовилось встречать зимушку-зиму. Надело наряд, словно девица, приготовленная к жизни долгой, нелёгкой, со стужей и холодным ветром, с метелями и морозом. Деревья в кружеве серебра.

Тепляков представил бегущую тройку по зимнику, с бубенцами под дугой, радостью, что рядом сидит красавица-жена. Да и сама зима разве не похожа на его любимую, желанную женщину, которая полюбила его и стала жить в провинциальной Самаре, пройдя все невзгоды, утраты и испытания?

Так подумал Тепляков о своей жене, болгарке Албене, которую встретил на русско-турецкой войне, в семидесятых, на Балканах. Она выходила его, смертельно раненного, и он увёз её после войны в Россию, в Самару⁴.

И прожили уже тридцать лет в согласии и любви.

В каждый его отъезд из родного дома он неизменно вспоминал о ней. Остался романтиком, как в юности? Нет.

Остался поэтом. Хотя стихи пишет редко. Всё больше прозу, к которой «суровые годы клонят».

В переводе на русский Албена значит «горный цветок». А цветы там, на Балканах, прекрасны, есть даже «долина роз» у Казанлыка, где он проходил с русским войском, спускаясь с гор и двигаясь к городу Стара-Загора, вблизи которого и был тяжело ранен в жестоком бою.

Вот тогда она и выходила его. А потом они полюбили друг друга.

Солнышко стало светить ярче, изморозь на травах стала капельками воды, и красота поля стала другой.

Тепляков остановился, словно впервые увидел озими.

Они сейчас были изумрудного цвета, и Иван Иванович невольно залюбовался ими.

«Друг Аркадий, не говори красиво», – вспомнилось ему. И Тургенев, и в особенности любимый Чехов такие эпитеты, как «изумрудные», «серебристые», считали пошлостью. «Понятно тебе? – спросил он самого себя. – Поищи что-то другое. Например, «Поле стало *мокрым*».

«Не, не то. Всё равно оно изумрудное, потому что таковым является на самом деле... Просто все слова должны стоять *на своём месте*. Вот у Чехова в «Трёх сёстрах»... Когда Треплев думает о прозе своего соперника Тригорина: «*У него на плотине блестит горлышко разбитой бутылки*».

...И ещё что-то. Ему надо написать картину при луне, ночью... Что ещё... да: «*и чернеет тень от мельничного колеса*»...

«Помню!» – радостно заключил он, потому что этот отрывок из «Чайки» был для него самым показательным примером того, как надо писать пейзаж по указанию Чехова, которого он изучил уже в зрелые годы.

«А дальше? – продолжал вспоминать он. – Дальше Треплев говорит, как *не надо писать*... Вспомню? Ну-ка, ну-ка... «*А у меня и трепещущий свет, и тихое мерцание звёзд, и далёкие звуки фояля, замирающие в тихом ароматном воздухе*...» Вот тебе и пошлость в полном наборе!»

Тепляков осмотрелся, понял, что далеко ушёл от села.

Надо было возвращаться в Астапово.

Думать не о Чехове, а о Толстом, о том, что надо передать по телеграфу в Самару.

⁴ Эти персонажи из исторического романа А. Солоницына «Самарское знамя». Здесь продолжение их жизни и судьбы.

И тут он увидел, что из-за кромки леса показался паровоз, тянувший за собой пассажирские вагоны.

В вагонах находятся люди, которым не терпится узнать, умер ли русский Лев или ещё жив. Прибывающий в Астапово поезд вытянул свои вагоны в ниточку, которая шла по кромке озимого поля.

И Теплякову представшая перед ним картина показалась символической.

Ведь поезд для Толстого, как и железная дорога, олицетворял прогресс, который движется на человека с неумолимой скоростью.

Подминает под себя Анну Каренину, разрезает и обезображивает её.

Она ведь и с Вронским познакомилась на перроне вокзала – неслучайно, по Толстому.

И неслучайно именно на вокзале блестящий молодой офицер представился вельможе Каренину, мужу Анны.

Им тоже предстояли тяжелейшие страдания.

Льву не дано было увидеть, как поезд приблизился к вокзалу, минуя изумрудное поле.

Сейчас он лежит в чужой постели, в чужом доме начальника станции Ивана Ивановича Озолина.

Это конечная станция назначения его жизни.

Не из Москвы в Петербург, а из Ясной Поляны к станции Астапово Смоленско-Рязанской железной дороги.

Из планеты Земля в Небеса Обетованные... Или мимо них. Это решит Господь.

Тепляков зашагал в обратную сторону, к приземистому зданию, где находится телеграф, уже зная, что кратко надо сообщить в свою «Самарскую газету».

Глава третья

«Крейцеров соната»

Астапово, 6 ноября 1910 года. День

В здании телеграфа многолюдно и шумно.

Взглядом Тепляков пытался найти Демина. На глаза попадались незнакомые лица – возбуждённые, сосредоточенные, нетерпеливые.

Важный господин с тростью, зажатой в левой руке, в каракулевой папахе на голове, пробирался, проталкиваясь между газетчиками.

– Позвольте, господа, у меня назначено...

Он пробился к стойке, за которой сидел телеграфист. Но коренастый человек с потным красным лицом преградил ему дорогу, вытянув вперёд руку:

– А, собственно, по какому праву... – начал было он возмущаться, как сзади стоящий за ним человек в очках с круглой металлической оправой похлопал коренастого по плечу:

– Это Илья Львович Толстой.

Коренастый испуганно оглянулся на очкастого, убрал руку.

– Извиняюсь... Не знал, не знаком-с...

Тепляков узнал в очкастом Иосифа Марковича, который услужливо дал дорогу сыну Толстого:

– Прошу.

Илья Львович кивнул, пробрался к заветному окошечку.

Тепляков поймал взгляд Иосифа Марковича, спросил:

– А Сергея Степановича...

– Он в буфетной.

Тепляков хотел было уйти, но Иосиф Маркович остановил его:

– Если вы телеграфируете слов не более тридцати, могу посодействовать.

Коренастый ожил, намереваясь взять реванш:

– Но уж это слишком! Вы, собственно, вправе распоряжаться, что ли?..

– А вы что, не видите? – Иосиф Маркович устремил взгляд на седую, сейчас обнажённую голову Теплякова, на его густые волосы, опускающиеся до плеч, на его бледное лицо, благородное, может быть, из высших кругов, так можно было подумать. Да ещё со шрамом на щеке.

Сказал с ещё более значимой интонацией:

– Идёмте, идёмте же, Иван Иванович!

Иосиф Маркович, решительно подвинув коренастого, пропустил вперёд Теплякова.

У стойки, отделявшей двух телеграфистов от посетителей, Иосиф Маркович поставил Теплякова за Ильёй Львовичем, который, всё ещё не снимая своей высокой каракулевой папахи, благодарно кивнул Иосифу Марковичу и сказал:

– Вот мама просила... телеграфировать сёстрам...

– Понимаю, – важно, с сострадательной интонацией, ответил Иосиф Маркович. – Вся семья должна быть в сборе.

В это время Иван Иванович, которого Иосифов выдал за важную персону, благодаря которой и сам пробился вперёд, присев на стул у столика, где были чернильные принадлежности и бланки телеграмм, лихорадочно думал, что же он сообщит в тридцать слов в свою газету.

Времени оставалось немного, и он написал не то, что думалось ему у изумрудных озимей просторного поля, а что неожиданно-негаданно пришло на ум в эту минуту:

«Великий писатель жив тчк болен как больна Россия тчк будет жить Лев Толстой на станции Астанова во всех городах всех селах столицах всего мира пока жив будет хоть один пиит по слову Пушкина. Тепляков»

Иван Иванович подошёл к стойке.

Иосифов глянул на заполненный бланк и сказал просительно:

– Не позволите ли... глянуть...

Тепляков протянул ему бланк телеграммы.

Иосиф Маркович быстро прочёл.

Посмотрел Теплякову прямо в глаза.

– Я бы... Иван Иванович... предлоги и союзы сократил. Нужна экономия. Уложимся тогда в тридцать слов... получится очень хорошо.

– Согласен.

– А я вот... как вы, писать не умею. У меня просто... факты. Посмотрите, если желаете.

Тепляков прочёл:

«12 30 5 ноября состояние больного ухудшилось прибыли семья врачи лицеца москвы продолжают наблюдение иосифов»

Телеграммы приняли, аппарат Юз⁵ отстучал в этот час и другие подобные слова, разлетевшиеся по России, европейским и другим столицам мира.

⁵ Американский изобретатель Дэвид Юз (1831–1900) разработал буквопечатающий телеграфный аппарат, который широко использовался во многих странах.

Выйдя из телеграфной, они направились в буфетную в здании вокзала. Она оказалась довольно просторной. Столы накрыты белыми скатертями, мебель приличная, обслуживают не половые, а прямо-таки ресторанные официанты.

Буфетчик Нил Прохорович понял, какой момент выпал на его долю, и расстарался.

Конечно, под строгими указаниями начальника станции и самого жандарма Трофима Терентьевича.

Сергей Степанович сидел за столом с двумя молодыми господами, симпатичными, хорошо одетыми.

Один из них, черноокий, гривастый, с красивым белым бантом на шее, уже раздумывавшийся от выпитой водки, по виду дворянский сын состоятельных родителей, что-то, видимо, горячо доказывающий Демину, был явно недоволен тем, что приход новых людей оборвал его речь.

Это был Никита Волхотин, напечатавший несколько рассказов в «Вестнике Европы». Другой – его московский товарищ из «Русского вестника» – был успешный журналист, печатавший критические статьи под псевдонимом Вадим Большунов.

Одетый с нарочитой небрежностью, в чёрном сюртуке и чёрной рубашке, расстёгнутой у ворота, с острыми, броскими чертами худого лица, он производил впечатление хищника, который, утомлённый охотой, устало наблюдает, кого бы поймать. Сейчас, впрочем, он отдыхал.

Демин представил пришедших.

Разместиться впятером за этим столом трудновато, но услужливый официант поставил дополнительный стул, на который хотел было усестись Тепляков, но Иосиф Маркович усадил его поудобнее на свободное место, а сам притулился на принесённом стуле. Однако не забыл сказать «любезному», как он обратился к официанту, чтобы тот принёс два обеденных прибора.

Тот услужливо кивнул и удалился.

– А скажите-ка, дорогой Иван Иванович, обратился к Теплякову Демин, – вот мы тут с уважаемым Вадимом Николаевичем выясняем женский вопрос, будь он неладен. Вадим Николаевич считает, что Лев Толстой разрешил его окончательно в «Крейцеровой сонате». То есть он полагает, что современная семья, брак в нашем обществе основаны на лжи, притворстве, которые неизменно ведут к преступлению. Вы с этим согласны? М-м?

Столичные литераторы рассматривали Теплякова: черноволосый Никита Волхотин с лёгкой иронической улыбкой на красивом, холёном лице; Вадим Большунов – с любопытством зоркой птицы, готовой к атаке. Узкое, бритое лицо его внезапно расплылось в насмешливой улыбке, и он сказал, обращаясь к Демину:

– Ну, Сергей Степанович, так нельзя. Дайте нашим гостям хотя бы по рюмке опрокинуть, а уж потом спрашивайте про «Крейцерову сонату».

Буфетчик Нил Прохорович, намётанным взглядом определив в пришедших важных гостей, сам принёс столовые приборы, быстро и ловко наполнил рюмки водкой:

– Прошу-с.

Спор Сергея Степановича с Большуновым начался вроде с безобидного упоминания о покойном Иване Сергеевиче Аксакове, его таланте и смелости публициста, с чем Большунов согласился. Но заговорили о его изгнании из Москвы за статью об итогах русско-турецкой войны, о том, что мы её не выиграли, а подписали мирное соглашение, практически всё уступив англичанам и французам.

Резко выступивший против такого договора, изгнанный Аксаков укрылся в имении жены Анны, фрейлины императрицы, дочери поэта Тютчева. Большунов не преминул съязвить, что «убеждения убеждениями, а всё же прекрасно, когда у тебя жена фрейлина. Сошлют не на Кавказ, а в имение супруги».

Демин сдержал удар, ответил, что Иван Сергеевич женился по любви и что брак этот был счастливым в высшей степени, и уехал он к жене – это же было не воспрещено. Что же тут дурного?

Вот тут-то Вадим Большунов и вспомнил «Крейцерову сонату», и заявил, что счастливые браки, у дворян по крайней мере, ложь, фальшь и что Лев Толстой доказал это своим замечательным произведением.

Иван Иванович выпил, закусил искусно нарезанной селёдкой с кружочками репчатого лука, понял, о чём вышел спор маститых столичных литераторов.

Вадима Большунова он читал и в «Вестнике Европы», и в менее авторитарных прозападных журналах.

Тепляков откинулся на стуле, давая возможность Нилу Прохоровичу поставить тарелку с дымящимися щами. Понюхал парок, исходящий от них, и лишь потом взглянул на Демина.

Перевёл взгляд на Большунова.

– Это что же, господа, щи по-астаповски вы уже отведали? Это для нас с вами, Иосиф Маркович?

– Выходит, что так.

– Ну-с, тогда отведаем сначала щец.

– Разумеется! У нас ведь без щец и водочки серьёзного разговора не бывает! – Молодой красавец засмеялся и, подняв рюмку с налитой в неё водкой в сторону Теплякова, выпил.

– Да-да, – согласился Иван Иванович, приступив ко щам и с аппетитом налегая на них. – Ещё и каша нужна, молодой человек. Желательно пшённая, прямо из печки.

– Что-с? – спросил Нил Прохорович. – Каши извольте?

Иван Иванович засмеялся.

– Нет-нет, это я к слову. У вас, наверное, мясные блюда современные, так? Котлеты де-валяй, бефстроганов, бифштекс?

– Для вас приготовим, что скажете, – ответил Нил Прохорович.

Тепляков опять весело рассмеялся.

– Я прямо как Иван Александрович Хлестаков у Гоголя. С вашей подачи, Иосиф Маркович, – обратился он к Иосифову.

Доел щи, вытер салфеткой рот и тогда ответил не столько Демину, сколько Большунову:

– Видите ли, Вадим Николаевич, когда я впервые прочёл «Крейцерову сонату», скажу прямо, был потрясён. Больше всего меня поразила тогда одна подробность, которую помню до сих пор. Когда этот Позднышев бьёт охотничьим ножом свою жену, Толстой пишет, что удар этот человек рассчитал. Я перечитывал это место несколько раз, и не удивительно, что запомнил его хорошо. Как стихотворение. Так что могу ответить, что называется вами, критиками, «в тему».

И он внятно, разделяя слова и предложения, сказал, будто прочёл:

«Я знал, что я ударяю ниже рёбер и что кинжал войдёт» Понимаете, знал! У кого из писателей вы такое прочтёте? Ни у кого! И ещё одна подробность в мою душу как заноза вошла... *«Я слышал и помню мгновенное противодействие корсета и ещё чего-то и потом погружение ножа*

в мягкое». Особенно поразительно это «*противодействие корсета и ещё чего-то*» и «*погружение ножа в мягкое*».

Сидящие за столом перестали есть, во все глаза смотрели на Ивана Ивановича.

А он, пребывая в каком-то странном для себе состоянии, продолжал:

– Запомнил я, как описан этот скрипач, любовник жены. Толстой пишет, что у него был *женский зад и что он нырнул под фортепиано*, когда удирал от Позднышева. Я в молодости подумал, что так описать убийство может только человек, сам когда-то убивавший. Но Лев Николаевич был артиллерист, и вряд ли ему приходилось участвовать в рукопашной схватке с врагом. Но, когда я перечитывал этот рассказ, я понял, что писателю надо настолько перевоплотиться, что самому как бы участвовать в событии, которое он описывает. Толстой сам пишет об этом. Вспомните, как он описывает впечатление от «Крейцеровой сонаты», от музыки вообще. Но ведь Лев Николаевич не был и не стал убийцей. Почему же от музыки, конкретно от «Крейцеровой сонаты», надо становиться прелюбодеем? Абсурд. Мне кажется, что здесь лежит ключ к пониманию всего Толстого. Как художник он гениален. Как моралист – путаник, простите. Его морализаторские рассуждения о семье, о браке, о лжи, на которой держится нынешняя семья, разве можно принять за абсолют? Да каждый личный опыт уникальный, противоположный тому, о котором он написал. Например, мой собственный.

Нил Прохорович собственноручно принёс горячие отбивные с овощами, сказал:

– Бифштекс. Прошу-с.

Сотрапезники также, кажется, не обратили внимания на поданное блюдо.

Никита Волхотин, не ожидавший такого красноречия от провинциального литератора, привыкший всегда давать сдачи, побеждать, а не проигрывать, сказал:

– А этот ваш собственный опыт, смею спросить, – с улыбкой и не без ехидства начал он, – «шёпот, робкое дыханье, трели соловья»? Так ведь и об этом в «Крейцеровой сонате» есть. Что эти охи и ахи любви проходят через месяц. Который люди, как в насмешку, назвали «медовым». Так Толстой написал. Верно?

– А половой акт Лев Николаевич назвал мерзостью, – язвительно добавил Вадим Большунов.

– Да, так, – согласился Тепляков. – Что не помешало ему родить тринадцать детей. Восемь из них выжили. И одновременно высоко ценить поэзию Фета.

– И что же? Разве он обожает, как в молодости, свою Софью? – не унимался Волхотин. – Разве он и сейчас, на смертном одре, не свидетельствует, что брак – пошлость, обман? Потому и не пускает свою любимую жену даже взглянуть на себя. А? Почему удрал от неё, от детей к своим духоборам? Ведь именно к ним он ехал, в Елизаветград. Вы что, не знаете?

– Нет, этого не знал, – ответил Тепляков. – Но здесь мотивы религиозные, думаю. А мы вели разговор о чувствах мужчины и женщины.

– Одно связано с другим, – отрезал как ножом Большунов.

– Религия и вопросы нравственности? – возразил Тепляков. – Да Толстой сто раз говорил, что это разные вещи.

– Господа, замечательные бифштексы требуют, чтобы их съели, – попытался утихомирить спорщиков Иосиф Маркович. Он тоже не ожидал

⁶ Начальная строка из стихотворения Афанасия Фета.

от Теплякова такого красноречия. И неожиданно для себя, кажется, принял его сторону.

– Как волк съедает овечку, так женщина – мужчину. – Никита Волхотин выпил водки, отрезал кусок мяса и стал его жевать острыми молодыми зубами. – Вот так! Вот так они жрут нас! Так ответим им тем же!

Глава четвёртая

«Если бы Черткова не было, его надо было выдумать» Астапово. 6 ноября 1910 года. День

Пока ели бифштексы, спор утих, но это вовсе не означало, что он окончен. Нил Прохорович слышал, что господа заспорили на русском языке, но всё равно ничего не понял. Ясно лишь, что дело не в бифштексах, потому что господа едят с аппетитом, и к водке претензий нет, выпивают хорошо.

Тем не менее Нил Прохорович зорко следил не только за этими господами, но и за другими, которых сейчас в буфетной было всего несколько человек. Но вот молодой барин, тот, что расфранчён, явно из богатых, окликнул его: – Любезный, не сварить ли нам кофею?

Нил Прохорович встрепенулся:

– Сию минуту. – И исчез за стойкой.

Тепляков, покончив с едой, тоже заказал кофе и себе, и товарищам по дому, в котором поселились. Пили молча, пока Большунов заметил Волхотину:

– Никита, ты с французом когда встречу назначил?

– А ну его к чертям собачьим! Обещал быть в два, а скоро уже три.

Волхотин имел в виду кинооператора студии «Патэ Синема» из Парижа, который ещё вчера прибыл в Астапово.

– Пойдём туда? – значительно спросил Большунов, явно имея в виду дом начальника станции Озолина, где лежал Толстой.

– А что остаётся делать? Опять придётся в прихожей толкаться, как лакеям. Всё этот распорядитель...

За столом все поняли, что речь зашла о Владимире Георгиевиче Черткове. Только с его разрешения к больному допускались даже врачи и некоторые из родственников Толстого.

Сейчас со Львом Николаевичем неотлучно находилась любимая дочь Александра, а сыновья и другие дочери допускались лишь на короткое время. Из врачей при больном находился домашний врач Толстого Никитин, которого в Ясной хорошо знали и любили. Приезжал Семеновский, врач из земской больницы уездного Данкова, был и железнодорожный врач Стоковский. Как и личный врач, ведущий запись по дням, часам и даже минутам, словак толстовец Душан Маковицкий. Они диагностировали у Льва Николаевича воспаление лёгких. Выяснили, что когда Толстой с Маковицким ехали в вагоне третьего класса, было душно, накурено. К Толстому приставали с вопросами, он охотно отвечал. Не выдержав духоты, вышел в тамбур проветриться, тогда, видимо, и простыл.

Был ещё поезд до Козельска, оттуда ехали на лошадях в Шамордино, в монастырь, к сестре Толстого Марии, монахине. Затем побывали и в Оптиной, потом опять поезд, уже Рязанско-Смоленской железной дороги, где Толстому стало плохо, и они с Маковицким решили сойти с поезда на станции Астапово.

Так что определить точно, где продуло Льва Николаевича, было затруднительно.

– О, вот и он! – воскликнул Большунов, увидев, что в дверях буфетной показался человек, в кепи с большим козырьком и клетчатой куртке с меховым воротником. Тёплые его галифе были заправлены в высокие сапоги.

Это и был представитель парижской кинофирмы «Патэ синема» господин Жак Дюран.

Большунов замахал ему рукой, приглашая к столу.

Нилу Прохоровичу была дана команда присоединить ещё один столик к трапезному, за которым сидели русские литераторы.

Француз улыбался, чёрные его усики, изящные, нафабранные, расплзлись по щекам. Кепи он снял, показались чёрные, гладко зачёсанные волосы.

Верхнюю куртку француз тоже снял, оказался в другой, более лёгкой, а под ней виднелся толстый вязаный свитер.

Нил Прохорович услужливо принял верхнюю одежду Дюрана, усадил его в кресло, предназначенное для особо важных гостей.

– Он прямо как на Северный полюс собрался, – шепнул Сергей Степанович Тепляков.

А Тепляков подумал, что этот Дюран, пожалуй, похож на того скрипача Трухачевского из «Крейцеровой сонаты», которой объявился в квартире Позднышева, приехав прямо из Парижа.

Скоро выяснилось, что Дюрана тоже не пускают к Толстому. Сняты пока только жена и семья. Правда, удалось запечатлеть замечательный эпизод, как Софья Андреевна заглядывает в окошко дома, где лежит Толстой. Это так эффектно! Прямо фантастично! К умирающему мужу не допустили жену! О! Это превосходные кадры!

Дюран от щей сначала отказался, но потом согласился, ел их с опаской, но вошёл во вкус. Не отказался и от бефстроганова, а Демин объяснил французам, что блюдо придумал знаменитый русский купец Григорий Дмитриевич Строганов, в честь которого и назвали это мясное блюдо.

Разговор шёл по-французски, и когда Дюран перешёл к кофе, то уже дошли до сути, ради которой Большунов устроил эту встречу для своего молодого друга. Он перевёл несколько рассказов Волхотина на французский и просил Дюрана передать в редакцию журнала, раз представился такой случай.

Дюран обещал всё выполнить, но со своей стороны тоже попросил об услуге: нельзя ли всё-таки объяснить этому господину Черткову, что Льву Толстому оказана высокая честь, он будет запечатлён для истории. Ради этого и приехал сюда, за тысячи километров, из Парижа специалист, которых в мире единицы!

Дюран говорил не без пафоса, оставив чашечку с кофе на стол и взяв её только после своей речи. Отхлебнув, он добавил:

– Qu'est-ce que c'est Certkov? (Да кто такой этот Чертков?)

– Кескесе, кескесе, – передразнил Демин. – Объяснить ему или вы сами возьмётесь? – обратился он к Большунову.

– Нет уж, вы, пожалуйста, помогите нам. Вы ведь Черткова лучше других знаете. И лучше вас про него никто другой не объяснит, почему Толстой так ему доверяется, что даже семью в сторону отставил, а его взял в душеприказчики.

Демин тяжело вздохнул, сначала заговорил неохотно, но потом, как бы разгоняясь, всё напористее, горячее:

– Видите ли, господин Дюран, Чертков, во-первых, аристократ, ровня Толстому по происхождению. Во-вторых, тоже офицер, внезапно, именно

под влиянием Льва Николаевича, прервавший блестящую воинскую карьеру. И приехавший к Толстому с вопросом: «Как жить дальше?». Толстому сразу пришёлся по душе этот замечательно умный, красивый аристократ, который хочет жить по совести, подражая именно ему. Чертков отправляется в своё поместье, сворачивает все помещичьи дела и приезжает на жительство в Ясную Поляну. Становится не только личным секретарём, но и ближайшим сподвижником во всех делах Льва Николаевича. Это Толстой сказал, что «если бы Черткова не было, его бы следовало выдумать», понимаете?

– О, «Si Dieu n'existait pas, il faudrait l'inventer»! – воскликнул Дюран. – Voltaire!

– Совершенно верно, Вольтер. «Если бы Бога не было, его бы следовало выдумать». Так Толстой перефразировал Вольтера. Чертков взял в свои руки все издательские дела. И что важно – продвигает их до сей поры в Европе. Что очень устраивает Толстого. А гонорары они тратят исключительно на благотворительные дела, то есть на устройство общинной жизни по Льву Толстому.

– О! Ouais, vas-y! – опять воскликнул Дюран.

Демин сразу помрачнел, услышав это «понимаю», и прервал рассказ.

Повернувшись к Теплякову, сказал:

– Господи, да ни черта он не понял, а уже восклицает!

– Что же вы замолчали? – язвительно заметил Большунов по-русски. – Объясните, что тут-то и возник конфликт Черткова с Софьей Андреевной. Ибо она не хотела отдавать деньги на школы, больницы и так далее, а гонорары тратить на семью, детей!

– Нет уж, это вы лучше объясните, – ответил Демин. – И не забудьте сказать, что Софья Андреевна возненавидела Черткова.

Дюран смотрел то на Демина, то на Большунова, пытаясь понять, о чём они переговариваются.

Пояснил Никита Волхотин:

– Жак, русского человека сразу не поймёшь, – начал он так, как отец объясняет нерадивому сыну урок. – Богач не пошёл за Христом, потому что богатому не дано раздать своё имение – как верблюду не пройти сквозь игольное ушко. Помнишь?

– Oui!

– А русский как раз и пройдёт сквозь игольное ушко – ему только надо поверить. Толстой и Чертков поверили. А Софья Андреевна – нет. Потому что она женщина. Понял?

– O! la femme!

– Мария Египетская тоже женщина, – сказал Тепляков по-русски.

Француз насторожился:

– Marie? l'Égyptienne?

– Ну да, которая пятьдесят лет в пустыне прожила. В одиночестве, посте и молитве. Замаливала грехи.

– У неё не было детей, – возразил Большунов. – Вы подтасовываете факты.

– Позвольте, мы не в карты играем, кажется! – по-русски отрезал Тепляков. – А дети, сколько я знаю, разделились. Дочери остались с отцом, а сыновья – с матерью. Так что женщина женщине – рознь, – эти слова он адресовал Волхотину.

– Оставьте, Тепляков, защищать этих страдалец с волчьими зубами, – не унимался Никита Волхотин. – В салонных разговорах они все вольтерианки. А как до денежек дело дойдёт, тут они по-другому разговаривают.

И Софья Андреевна, что, без греха? – Он зло засмеялся. – Да хоть Манон Леско возьмите! – обратился он к Дюрану. – Клятвы – долой, любовника тоже, потому что он без денежек остался, всё профукал. А я подыщу себе другого, богатенького!

– О, Манон, – согласился Жак Дюран, улыбаясь довольно сладкой улыбкой.

Тепляков поморщился и хотел было уйти, но Демин остановил его:

– Подождите, вон Софья Андреевна. Легка на помине.

В буфетную и впрямь вошла жена Толстого, за нею Илья Львович, которого Тепляков узнал по каракулевой высокой шапке. С ними вошёл ещё какой-то незнакомый Теплякову господин, прилично одетый, средних лет, видимо, из окружения Софьи Андреевны.

Илья Львович усадил мать за столик.

Нил Прохорович тут же подлетел к ним.

Софья Андреевна вытирала платком заплаканные глаза.

Жак Дюран насторожился.

И Большунов тоже понял, что может представиться момент, который неплохо употребить с пользой для себя.

Он испытующе посмотрел на Иосифа Марковича, как будто спрашивая его: а не подойти ли к страдальце теперь?

Но глаза Иосифова оставались непроницаемыми под стёклами очков.

Вопрошающе поглядел на Демину и Тепляков.

– Я с Ильёй Львовичем не знаком, – сказал Демин. – А вот Сергиенко Петра Алексеевича знаю.

– Это Сергиенко? Тот самый?

– Что вы удивляетесь. Он тоже близкий человек Льву Николаевичу. И Софье Андреевне, как видите.

– Да-да, вижу. – Тепляков, читавший и рассказы, и очерки Сергиенко, относился к нему с симпатией. Особенно потому, что ему понравились воспоминания Петра Алексеевича о Чехове, о его встречах с Толстым.

Чехов был Теплякову ближе других писателей. Толстой высился над всеми как скала, как нечто недостижимое. А вот Чехов – близкий, родной даже.

Ему не приходилось сравнивать Чехова с Толстым до той поры, пока он не прочёл у Сергиенко, что Толстой относился к Чехову как к любимому сыну, как встречались эти два человека – такие разные, но одинаково ценившие творчество друг друга.

Сергиенко что-то объяснял Софье Андреевне.

Она слушала его, опустив голову, не прикасаясь к чашке с чаем, услужливо принесённым Нилом Прохоровичем.

Большунов пожал плечами и, сказав французу «нет», посмотрел на Демину.

– Сергей Степанович, вы с Сергиенко знакомы... Может, подойдёте?

– Зачем?

– Ну, можно новости кое-какие узнать... соболезнование выразить... Мало ли что могло за это время случиться... Вы же понимаете... И как бы между прочим упомяните нашего французского гостя...

Сергей Степанович раздумывал.

«Действительно, кое-что можно узнать... Сергиенко не очень-то любит Черткова. Хотя будто бы его человек... А всё же соперник», – подумал он.

– Ладно, попробую... Ну уж как получится... Не обессудьте, если ничего не выйдет.

– Да, конечно, Сергей Степанович, конечно! – обрадовался Большунов.

Сергей Степанович встал, одёрнул свой широкий пиджак и, неторопливо, важно ступая, направился к столику, за которым сидела Софья Андреевна.

Литераторы видели, как Демин поздоровался, отдельно поклонившись Софье Андреевне.

Она посмотрела на него, узнала, протянула руку.

Пригласила Демина сесть.

Демин поздоровался за руку с Сергиенко, с Ильёй Львовичем.

– Вы не подумайте, Софья Андреевна, что я ходатай какой-нибудь... тем более от этого француза... от сценариста этого... Но если смогу чем-то быть полезен... поверьте, готов...

– Да, Сергей Степанович, пожалуй, ваша помощь нужна, – сказал Пётр Алексеевич Сергиенко. – Если Софья Андреевна, конечно, будет не против...

– Вы ведь к «Русскому слову» имеете отношение? – спросил Илья Львович.

– Да, конечно, – ответил Демин.

– Видите ли, тут вопрос деликатный... – начал издали Сергиенко. – И, зная вас как в высшей степени порядочного человека, вам можно довериться, ведь так? Илья Львович, – обратился он к сыну Толстого, – вы же должны знать Сергея Степановича Демина и как литератора «Русской мысли» и «Русского слова», и как человека, к которому Лев Николаевич всегда относился положительно, как сподвижнику Ивана Сергеевича Аксакова...

– Да, конечно.

Илья Львович смутно помнил про Демина, но доверял Сергиенко, хотя всё же он был из партии Черткова более, чем из партии Софьи Андреевны. Но тут такое создалось положение, что лучше всего будет, если действовать именно через такого человека, как Демин. «Русское слово» – авторитетный печатный орган.

– Мы хотим сделать заявление... Простите, мама, но я выскажусь напрямую...

– Да, Илюша, чего уж... именно напрямую и надо.

Илья Львович кивнул.

В чертах его лица многое воплотилось отцовского: большой лоб, крупные нос и скулы. Взгляд умных глаз. Читался и ум, и способности, и талант, не такой, конечно, как у отца, но всё же порода была толстовская. Занимался Илья Львович, слава Богу, не писательством, ибо сравнение их творений было бы неизбежно. А в своём юридическом деле он всё же добился немалых успехов.

– Мы, то есть семья Льва Николаевича Толстого, не хотим, чтобы распространялись слухи, будто бы нашу мать, Софью Андреевну, не допускают к законному мужу, нашему отцу, по злой воле Владимира Георгиевича Черткова, – начал он. – Да, между нашей матерью и секретарём отца Чертковым существуют разногласия по некоторым вопросам, более всего – издательским. И всё же Черткову не дано право руководить и жизнью нашего отца. Тем не менее мы хотим уведомить, что у нас был семейный совет, на котором мы решили, что по состоянию здоровья отца, сейчас неблагоприятному, ему было бы нежелательно излишне волноваться. Именно поэтому мы решили пока не допускать нашу мать видаться с отцом.

Илья Львович умолк, глядя на Демина и наблюдая, понял ли он, что от него требуется.

Демин кивнул.

– Вы, Илья Львович, изложили суть дела как по-писаному. Материал для передачи в газету готов?

– Да. Но, может, вы внесёте правку? С точки зрения грамматической?
Сергей Степанович взял лист, который вынул из кармана Илья Львович, надел пенсне, углубился в чтение.

Прочитав, он поднял глаза на Илью Львовича, потом перевёл их на Софью Андреевну.

Слёзы высохли на её щеках. Она выглядела не столько усталой, сколько измученной. Черты лица, в молодости привлекательные, сейчас изменились, огрубели, стали старушечьими.

Она пила чай маленькими глотками.

– Всё хорошо изложено, – сказал Демин. – Мне остаётся только написать строку о том, что письмо передано «Русскому слову» вами. Мы его напечатаем с вашего разрешения.

Илья Львович утвердительно кивнул.

Дождался, когда Софья Андреевна допила чай.

– Мама, вам необходимо отдохнуть.

– Да, Илюша, – устало ответила она и встала.

Попрощалась с Деминим и Сергиенко.

Опершись на руку сына, направилась к выходу из буфетной.

Глава пятая

Страсти по Льву

Астаново, 6 ноября 1910 года. Вечер

Оставшись с Деминим, Сергиенко мог высказать товарищу то, что говорится лишь с глазу на глаз.

– Ты, Сергей Степаныч, наверное, удивлён, что Софья Андреевна допустила меня до переговоров. Ко мне она относится хотя без особых симпатий, но всё же терпит. Тем более когда я ей окажусь полезен.

– Ну и слава Богу. А я тебе благодарен, что могу хоть в малой степени помочь. Да и не без своей выгоды.

– Мы всё же свои люди, хотя ты не любишь толстовцев. Да я и сам во многом не люблю их, хотя меня числят в их среде. Я всё же больше люблю Льва Николаевича как писателя. И как человек он мне бесконечно дорог. Да и кто может равнодушным остаться к его страданиям? Ведь он бежал из ада, вот что! Ты это понял?

– Из ада? Не преувеличиваешь?

– Какое тут преувеличение! Тебе можно довериться, Сергей. Ты этим французикам и их обожателям не помощник. Вон как зыркают, ждут, что ты им жареных каштанчиков подбросишь.

– Не дождутся, Пётр, можешь быть уверен.

Большунов и особенно Дюран действительно с нетерпеливой озабоченностью смотрели в сторону Демина и Сергиенко, ожидая, когда же Сергей Степанович вернётся к ним.

Но Демин не торопился – внимательно слушал товарища.

Сергиенко от Черткова знал немало подробностей вражды между ним и Софьей Андреевной за права на печать произведений Толстого. И о завещании Льва Николаевича, которое подписывалось в лесу, на большом пне, втайне от жены и детей, в присутствии Черткова и ещё свидетелей, близких к нему людей, которым он доверял, Сергиенко тоже знал.

Но Софья Андреевна всё равно про завещание выведала.

Об этом узнал Толстой, и его жизнь в тенётах этой борьбы каждого с каждым стала для него невыносимой.

У Черткова и его помощников тоже были не только благородные цели. Но и свои, самолюбивые, которые порой брали верх.

Терзало душу Толстого и окрепшее желание уйти из барского дома. А этого он никак не мог осуществить. И наконец твёрдо решил бежать. Без Черткова, а с преданным ему, как никто на свете, Душаном Маковицким, не только его секретарём, но ещё и врачом.

– Всё же Лев Николаевич не мог обойтись без Черткова. Попросил дочь Александру вызвать его сюда телеграммой. Тот сразу и прибыл, – последнюю фразу Сергиенко сказал не без сарказма. – Потому что Лев уверен, что Чертков роялист больше, чем сам король.

– Пётр Алексеевич... По тебе вижу, что ты... Позволь, прямо скажу? – Демин придвинулся к столу, сколько ему позволял живот.

– Говори.

– Ты уверен, что Чертков выполнит все распоряжения Толстого?

– Почти. У них есть издательство «Посредник». Печатают книги для народа. Горбунов, издатель, уже приезжал сюда. Даже с корректурой очередной книжки.

– Это я знаю, – ответил Демин. – И что же, в чём твои сомнения?

– Я же сказал, что он роялист больше, чем король... То есть он толстовец больше самого Толстого. По их учёню в армии служить нельзя. А ведь к духоборам Лев Николаевич ехал. Все они тоже против государства в этом вопросе... Да и в других некоторых тоже...

– Ну и что?

– А то, что жандармы и шпики за ними рыскают. И тут их немало... Не заметил?

– Признаться, не особо.

– Поэтому и тебя предупреждаю: этого Иосифова, Перетц который, остерегайся.

– Стараюсь, не беспокойся.

– Всё же лучше старайся, по-дружески тебе говорю.

– Благодарю, Пётр Алексеич, скажи ещё... В завещании семье – ни копейки?

– Ну что ты. Ясная жене остаётся. Дрязги идут о гонорарах со всех изданий после смерти Льва.

– А Чертков...

– Он никого на версту к себе и Льву Николаевичу не подпускает, вот в чём беда. Стал таким неприступным стражем, который командует и Львом. А Лев-то ослаб и умирает.

Сергей Степанович почувствовал, что в горле пересохло. Он окликнул Нила Прохоровича и попросил чаю. Надо бы возвращаться за стол к тем, кто его дожидался, но он не хотел расставаться с Петром Алексеевичем.

«Подождут», – решил он и спросил Сергиенко о том, что ему подумалось сейчас:

– А что же о главном? О вере? Ведь он понимает, что ему предстоит предстать перед Богом?

– Как тут дела обстоят, не знаю. Но зачем-то он ездил в Оптину. Может, там это главное произошло? Может, он примирился с Церковью? Хотя, насколько я знаю, в своём отношении к церковникам, то есть к официальной её стороне, он стал ещё жёстче, чем прежде. Впрочем, что тут гадать...

Сергей Степанович опустил голову с заметно поредевшими на ней волосами, молчал.

Вернул его к действительности Нил Прохорович, принёсший на подносе большой фаянсовый расписной чайник и чашки с блюдцами.

– Может, чего изволите к чаю?

– А что предложишь? – спросил Сергиенко.

– Как же-с, выбор немалый. Есть медовые пряники, плюшки с присыпкой маковой. Баранки сдобные, коврижки с начинкой разнообразной...

– Подожди-подожди... Тебя как звать-величать?

– Нил Прохорович-с.

– Так, Нил Прохорович, скажи, а что для тебя Лев Толстой? Который волей судьбы, а может, самого Бога здесь оказался?

Масляная улыбка сползла с лица Нила Прохоровича.

Он даже выпрямился и со всей серьёзностью человека, который сейчас стал не половым, не владельцем буфетной при вокзале, а обыкновенным крестьянином села Астапово, который здесь вырос, пережил и голод, и холод, крестьянствовал. Потом, благодаря счастливым обстоятельствам, а более всего выгодной женитьбе и своей сметке, выбился в люди.

– Лев Николаевич в голодные годы нас от смерти спас. Весь Данковский уезд помнит, как зерна на посев доставили по его распоряжению. И муки привезли.

– Это хорошо, что вы это помните. А вот книги его читал ли? Ты ведь грамотный.

– Так у нас и школа есть, да. Тоже благодарствуем Льву Николаевичу. А что до чтения... Тут лучше моих детишек спросить. Они больше нашего читают.

– Хорошо, Нил Прохорович. А как насчёт его собственного учения?

Нил Прохорович пожал плечами:

– Тут лучше с нашим батюшкой поговорить, отцом Николаем.

– Ясно. Ну что же, Нил Прохорович. Хорошая у тебя буфетная. И сам ты, видать, неплохой человек, хоть и трудная у тебя работа.

Нил Прохорович опять превратился во владельца буфетной:

– Рады стараться, ваше благородие. Добрые ваши слова принимаем с почтением-с.

И, поклонившись, он пошёл к другим посетителям, которых в буфетной к вечеру заметно прибавилось.

Глава шестая

Жертва вечерняя

Астапово, 6 ноября 1910 года. Вечер

От француза и Большунова со товарищи Демин отделался общими сведениями, которые уже были известны всем, а о заявлении семьи Толстых умолчал.

Пригласив Теплякова идти отдыхать в дом, где они остановились, он распрощался с литераторами и вместе с Тепляковым покинул буфетную.

– Мне нужно на телеграф, – сказал он Ивану Ивановичу. – Пойдёте со мной?

– Что-то важное? – догадался Тепляков.

– Да.

В телеграфный народ было немного в этот вечерний час.

Демин попросил Теплякова стать за ним. И когда он отдавал бланк с текстом, оглянувшись, посмотрев, хорошо ли Тепляков прикрывает его.

Всё вроде получилось конспиративно.

Но телеграфист, как было ему приказано, все телеграммы отдавал на прочтение человеку, на которого ему указал жандарм Трофим Терентьевич, и все сообщения из Астапова передавались в Петербург кому следовало знать, что здесь происходит.

Когда шли к дому, где квартировались, на глаза Теплякову попались купола местной церкви, и он неожиданно для самого себя сказал Демину:

– Знаешь, Сергей Степанович, я, пожалуй, в храм зайду.

Демин не без удивления глянул на Теплякова.

– Есть желание... успокоиться.

Демин удивился ещё более.

– Может, и ты со мной? Нет? Ну, я пойду тогда...

Тепляков потоптался на месте, смущённо улыбнулся, как бы извиняясь за своё «ретроградное» желание.

– Что ж, тогда и я пошёл... Надеюсь, ты наше прибежище найдёшь один... не заблудишься, – это последнее слово Демина прозвучало со значением.

Впрочем, может, так только показалось Теплякову. Он кивнул Демину и, свернув в переулок, пошёл к площади перед церковью.

Служилась вечерня. Священник, невысокий коренастый человек лет пятидесяти, обходил храм, помахивая кадилком пред иконами в киотах, висевших на стенах. От кадила исходил лёгкий дымок, который долетал и до прихожан, расступавшихся перед священником.

На вечерне собрались в основном пожилые женщины да старики, почти-тельно склонявшие головы перед проходившим мимо них священником. Дойдя до Теплякова, он строго поглядел на него, внимательно разглядывая незнакомца.

Тепляков ответил таким же взглядом и лишь потом поклонился. Тот пошёл дальше, к открытым Царским вратам, и в это время началось пение, которое называется Догматиком Богородичным.

Это песнопение знал и любил Тепляков.

Пели несколько женщин, которые и составляли хор церкви. Голоса их негромкие, но чистые, согретые сердечной искренностью, которая была слышна в каждом слове, были близки сердцу Ивана Ивановича. И он сразу погрузился в эту музыку, которой проникся с детства:

Всемирную славу от человек прозябшую и Владыку рождшую, Небесную дверь воспоим, Марию Деву...

...Сия бо явися небо и храм Божества; Сия презраждение вражды разрушивши, мир введе и Царствие отверзе...

...Сию убо имуще веры утверждение, Поборника мамы из Нея рождшагося Господа...

Тепляков знал от матери своей, Нины, которая и объяснила любимому сыночку, что здесь поётся о всемирно славной Богородице, которая от людей произошла; Она Господа родила и осталась Марией Девой; стала небесной

дверью, храмом Божества; разрушила враждебную преграду, мир водворила и отверзла Царство Небесное. И потому, держась Её, опоры нашей веры, имеем мы Защитника – от Неё рождённого Господа.

Мама Ивана пела в церковном хоре, и голос её Иван узнавал и выделял из других женских голосов. Хор небольшой, но стройный, протяжный, негромкий. Но именно такой и должен звучать во храме, потому что он молитвенный – так с детских лет приучен был Иван понимать церковное пение.

И сейчас, здесь, в церкви Астапова, голоса певчих женщин напомнили ему и голос матери, и пение хора, услышанного в детстве, – особенно именно этот Богородичный Догматик.

Отец Ивана умер от ран, полученных на Крымской войне. Небольшое имение в Рязанской губернии пришлось продать. С помощью родственников переехали в Самару – обзавелись своим домом. Жили небогато, мама давала уроки музыки. Дядя помог Ивану, когда он поступил в Московский университет. Но курса Иван не окончил, вынужден был уехать из Москвы, потому что участвовал в заседаниях кружка, попавшего под надзор полиции. В церковь он ходить перестал, чем огорчил маму. После смерти отца она стала болеть, а возвращение сына из Москвы ухудшило её здоровье, и она стала увядать.

И только тогда, чтобы как-то утешить и поддержать маму, Иван стал водить её в церковь. И эта, казалось бы, тяжкая для него обязанность, понемногу превратилась в потребность молитвы и посещения храма. А когда мама умерла, Иван окончательно выздоровел душою – горе и вернуло его к Богу.

*...Сию убо имуще веры утверждение,
Поборника имамы из Нея рождшагося Господа...*

...Дерзайте убо, дерзайте, людие Божию, ибо Той победит враги, яко Всесилен.

Эти сокровенные, призывные заветы песнопения вернули его к юности.

Вспомнилась и мама, и её голос, и его горе, и как он победил сам себя. Конечно, была существенна и помощь батюшки Василия, настоятеля храма, куда он водил маму. Батюшка хорошо знал маму Ивана, ценил её как музыканта. Но и за Иваном наблюдал, знал, что он винит себя – ведь он не оправдал надежд, принёс матери немало горя.

Вечерня закончилась.

Прихожане подходили к кресту, который священник протягивал вперёд, давая им приложиться.

Подошёл и Тепляков.

Священник смотрел на седовласого незнакомца, явно ожидая, что он скажет, поцеловав крест.

Иван Иванович увидел карие серьёзные глаза батюшки.

И неожиданно для самого себя сказал:

– У вас очень хорошие певчие. Спаси Господи.

– Хорошие? – удивился священник. – Да ведь в хоре всего две женщины.

– Это ничего. Умеют петь, а это главное.

– Вот новости, – глаза батюшки подобрили. – В столицах у вас поют, я слышал, оперные певцы. А вы наших сирот хвалите.

Иван Иванович улыбнулся:

– Так ведь оперные певчие и портят всё дело. Громко, правильно, но ведь это только ноты.

– А надо?

– А надо молиться. Этому ведь в театрах не учат.

К разговору седовласого незнакомца и батюшки Николая, как звали местного священника, прислушивались старушки. За ними стоял высокий, с густой, посеребрённой проседью бородой почти до пояса, человек в чёрном пальто. Волосы на голове, тоже седые, поредевшие, открывали большой лоб и придавали ему внушительный вид.

Отец Николай, обратив внимание на этого статного господина, наскоро кивнув Теплякову, направился к нему.

Старушки расступились.

Все видели, как отец Николай, согнувшись, протянув руки вперёд, подошёл к солидному человеку как священноначальнику, прося благословения.

Солидный человек положил ладонь на склонённую голову отца Николая.

– Что ж вы, батюшка, с умным человеком не договорили. – Он посмотрел в сторону Теплякова, который остался стоять неподалёку. – Невежливо.

– Так ведь и вас нельзя оставлять, ваше высокопреподобие. – Стал оправдываться отец Николай. – Идёмте, прошу...

– Нет, ваши прихожане нас не поймут. Как же им из храма уходить, к кресту не приложившись?

Отец Николай поспешно обратился к старушкам, протянув крест для целования.

– Ваше замечание насчёт пения верно, – обратился солидный священник к Теплякову. – Вы – музыкант, позвольте спросить?

– Нет, ваше преподобие, – Тепляков понял, что перед ним кто-то из иерархов церкви. – У меня матушка была певчей. Вот она была музыкантом.

– Что ж, она вас правильно обучила.

– Благодарю.

– Меня не за что благодарить. Вы матушку свою почаще поминайте. По всему, она у вас была и остаётся самым надёжным наставником.

Тепляков внутренне вздрогнул.

Голубые глаза его расширились, выдали удивление.

Отец Николай, торопливо отпустив бабушек, обратился к священнику:

– Не угодно ли, ваше высокопреподобие, пройти... ко мне... вот сюда...

– А вы что же, поди, у местной хозяйки какой остановились? – обратился священник к Теплякову. – И не очень-то хотите туда идти?

Тепляков растерянно улыбнулся и развёл руками.

– Тогда просим вас с нами отужинать. Как, отец Николай? Не возражаете?

– Да я что же? Милости прошу!

Отец Николай, никак не ожидавший такого поворота событий, повёл гостей к себе в дом, который находился здесь же, неподалёку от храма.

В доме отца Николая уже всё готово к приёму высокого гостя.

Это был преподобный Варсонофий из Оптинского монастыря. Он не стал таиться от Теплякова, сказал, кто он, как только представился Иван Иванович. Видимо, у него имелся свой расчёт. А как только Тепляков сказал, что он не из Петербурга и не из Москвы, а из Самары, глаза отца Варсонофия потеплели, и он почему-то даже улыбнулся. Не смутило его и то, что Иван Иванович назвал свою провинциальную «Самарскую газету» и добавил, что, собственно, газету он использовал как повод для того, чтобы приехать сюда, в Астапово. Главное – ему хотелось увидеть Льва Толстого и лично убедиться в том, как поведёт себя великий писатель, который, судя по всему, про-

щается с жизнью земной и вот-вот предстанет перед Господом. Для него, Теплякова Ивана Ивановича, этот вопрос не праздный, а сущностный, важный и как для писателя, коим он является.

Преподобный выслушал Ивана Ивановича внимательно, глядя ему прямо в глаза.

Тепляков не смутился. Он находился в каком-то особенном состоянии, возбуждённом и тревожно-радостном одновременно. Он уже осознал, что ему удивительно повезло – встретился с человеком, перед которым можно открыться, высказать всё, что накопилось и наболело на сердце.

Перед ним не просто священник, которому можно довериться.

Преподобный!

Из Оптиной!

Нет, это не везение...

Это что-то другое!

Но что именно, он даже сам себе боялся признаться.

Отец Николай тоже был возбуждён и удивлён.

Думал ли он, что у него будет такой гость?!

Да и собеседник его, писатель, тоже гость редкий. Хотя он из провинции. Но и по виду, и по речам сразу видны его умение держать себя, не тушеваться, отвечать на вопросы очень даже трудные. Недаром же преподобный сразу отличил его. Это чутьё дано лишь старцам, каким и является преподобный.

Факт.

И писатель это тоже понял.

В разговор гостей отец Николай вступал, лишь когда к нему обращались. Почтевал гостей, отдавал распоряжения матушке, которая выполняла поручения и тут же удалялась.

– Отец Варсонофий, скажите, а что же Толстой нашёл в этих духовоборах? Насколько я понял, они отрицают священство вообще. Но старший-то всё равно у них должен быть? Да и не это только меня удивляет и поражает. Как можно отрицать таинства? Евхаристию? Ведь без этого нет единения с Богом. Неужели Толстой, с его обширнейшими знаниями, не понял такую простую истину, которую понимает каждый простой крестьянин? Даже неграмотная бабка понимает, что такое причастие. Как это с ним могло произойти?

– Видите ли, Иван Иванович, духовоборы близки Толстому именно потому, что они как раз отрицают священство. По их мнению, мы лишь нахлебники, никому не ненужные служители не Богу, а самим себе. Придумали, мол, обряды, чтобы деньги с народа драть. Церковь и всё вокруг неё тоже придумали. И про Христа тоже. Был он просто человек, наделённый особыми талантами и знаниями.

– Это я знаю, у него читал. Я не могу понять, как он, объявляющий себя христианином, в Христа и не верит? Если Он не Сын Божий, то чем Толстой тогда отличается от фарисеев и книжников? Новой своей придуманной сектой?

– Да, именно так. Он себя поставил на место Бога. К духовоборам потону и ехал, чтобы быть среди них первым. Чтобы они на него смотрели как на Бога. Хотя он им и всем нам не говорит, что он именно Бог, но вся его вера в том и состоит, что именно он и его учение есть истина в самом последнем её выражении.

Отец Варсонофий возвышался над столом. На нём была надета не ряса, а рубашка из плотной серой ткани, подпоясанная чёрным кожаным ремнём

Седая борода опускалась на грудь, волосы на голове до плеч, белые, необыкновенно лёгкие.

Строгость старцу придают и круглые очки. Но стоит внимательней посмотреть на него, как увидишь голубые глаза, которые сразу смягчают эту строгость.

В разговоре с Тепляковым он взял не учительскую, а дружескую ноту. Будто беседует с человеком, которого знает и помогает ему разобраться в том, что он хочет узнать.

– Скажите, отец Варсонофий, а это правда, что Толстой у преподобного Амвросия был? И у них была беседа?

– Да, правда. Когда Толстой от него вышел, следом вышел и старец. И сказал о Толстом: «Какой гордый человек!»

– И всё?

– И всё. Да больше и не нужно ничего говорить. Всё этим сказано.

– Да? – Тепляков вопросительно смотрел на преподобного.

Помолчали.

– Не хотите ли ещё чайку? Самовар-то у нас вроде справный.

– Хорош, хорош самовар, отец Николай! – Преподобный открыл крайник медного самовара, подставив под него фарфоровую расписную чашку. – И заварка у тебя славная, постаралась матушка, спасибо ей. Что задумался, Иван Иванович?

– Да как не задуматься?! Выходит, от гордости все грехи Льва Николаевича. Выходит, он отца Амвросия тоже учил. Хотя за советом к нему приходил. Послушать его. Может, и поучиться. А вышло... наоборот.

– Вполне возможно. Ведь прежде чем своё евангелие сочинить, он древнееврейский выучил. И греческий с латинским, само собой. Решил, что всю человеческую премудрость постиг. И стал проповедовать – как Моисей или как Магомет.

– Так зачем же к старцам в Оптину поехал?

– А чтобы убедиться, что он мудрее их.

– Наверное... Скажите, отец Варсонофий, вряд ли мне ещё когда-нибудь повезёт так, как сегодня... Как вы считаете, эта всемирная слава писателя Льва Толстого повлияла ли на него? На его гордыню? Так, что он пророчествовать пустился...

– Да, так и вышло.

– Выходит, писательство – вред?

– Отчего же? Творчество даровано человеку Богом. Талант нельзя в землю зарывать, вы же знаете. Надо этим талантом умело пользоваться.

– Как – умело?

– Да вы и сами знаете, Иван Иванович. Пейте чай, он горячий самый вкусный. Надо не быть теплохладными, помните?

– Помню, – ответил Иван Иванович, стараясь поглубже погрузиться взглядом в глаза преподобного. – Но ведь моя фамилия Тепляков. Выходит, я теплохладный?

– Что вы, Иван Иванович, – всполошился преподобный, – не наговаривайте на себя. Вашу фамилию можно истолковать и по-другому. Тёплый значит сердечный, дружеский. А высказываете свои мысли горячо и прямо. По-самарски.

– А вы что, самарских знаете?

– Знаю. Ведь я ваш земляк, Иван Иванович.

Тепляков чуть рот не открыл.

Преподобный улыбнулся.

– Свой дом у родителей в Самаре. Да не один, почти вся улица была наша... Давненько я оттуда в мир ушёл. А потом и в монастырь... Ну что, отец Николай, местечко для Ивана Ивановича у тебя найдётся? Теперь ведь поздно, ещё заблудится гость твой.

– Найдётся, конечно, найдётся! – торопливо запричитал батюшка.

– Право, мне неудобно как-то... – попытался отказать от ночлега Иван Иванович.

Но отец Николай замахал руками, наотрез не принимая возражения Теплякова.

Глава седьмая

«Церковь не в брёвнах, а в рёбрах»

Ночь с 6 на 7 ноября 1910 года

Не спалось.

Кровать не скрипучая, одеяло тёплое, ватное, подушка большая, мягкая, но Иван Иванович ворочался, всё никак не мог найти удобного положения, чтобы заснуть.

«Свой дом у родителей, – всплыли в сознании слова отца Варсонофия, – почти вся улица была наша...» Пстой-пстой, уж не Казанская ли? Купцов Плиханковых? Ну да, хлеботорговцы... Не только дома, но и пароходы свои имели. Но разве из Плиханковых вышел бы такой преподобный, как отец Варсонофий? А почему бы и нет? Ведь это они на Казанской церковь построили. Да и больницу... А старостой в Казанской не старик ли Плиханков был? Спросить бы... Да ведь неловко...»

Иван Иванович опять поёрзал в постели, перевернулся на другой бок.

Душно. Перестаралась матушка, слишком натопила печь. Как служанка в доме Озолина. Перетц рассказывал, что в первый же день, как в дом к нему привели Толстого, служанка закрыла заслонку печки, где сырые дрова не прогорели, тлели. Угарный дым почувствовали поздно ночью, когда не только у Толстого нестерпимо стала болеть голова, но и сам хозяин проснулся, почувствовав, что в доме беда. Слава Богу, быстро поняли, в чём дело, проветрили комнаты. Но больному от этого не стало легче, он забылся сном только к самому утру.

«Вот так у нас и происходит, – думал Тепляков, – заставь дурака Богу молиться... Да что там молиться, лоб расшибают и от учёности, и от усердия в делах даже и государственных. Выйти из дома, что ли... А Плиханковы – они, что, трудились из года в год, вот и целую улицу построили. Да и богадельня при храме есть... Но неужели из их рода вышел и преподобный? Вот тебе и купцы-миroeеды... Всё же, если выйти осторожно, найду дверь в сени... Дверь из горницы должна быть слева...»

Весь путь из дома во двор Тепляков рассчитал верно, но забыл про диван у стены. В темноте, пробираясь по горнице, Тепляков ударился коленкой о спинку дивана.

Отец Николай услышал стук, тут же проснулся и поспешно вошёл в горницу.

– Кто здесь? – испуганно спросил он.

– Простите, это я, Тепляков... Пробираюсь на двор.

– Так надо свет. Я сейчас.

Отец Николай на ощупь нашёл спички у свечи, поставленной на стол.

Чиркнув спичкой, он зажѣг свечу. Она осветила его широкий нос, подслеповатые глаза, которые щурились, разглядывая гостя.

– Вас не донимают... клопы? – спросил отец Николай.

– Нет. Душно.

– Это ничего. А я уж подумал про клопов. Веду войну. И, понимаете ли, победил их, как узурпатора Саула.

– Ну? И как же вам удалось... победить узурпатора?

– А один из них, понимаете ли, впился мне в ногу именно как узурпатор. Я было его прихлопнул, а он, представьте, улизнул. И ещё пуще меня тяпнул в спину. Вот тогда я повѣл войну всерьѣз. Новейшим, понимаете ли, вооружением. Аглицким. Мудрёное название, я коробочку вам могу дать по знакомству, потому как узурпатора я всё же победил.

– Вы прямо как царь Давид, раз узурпатора одолели. – Из соседней комнаты вышел отец Варсонофий.

В длинной, до пят, белой рубахе, белобородый, беловолосый, он походил на кого-то из библейских пророков, который неведомо как оказался здесь.

– И вы не спите, преподобный, – запричитал отец Николай. – Что же это, дом-то мой, оказывается, как печь огненная, раз вам, дорогим гостям моим, здесь душно и смрадно...

– Да не юродствуй ты, отче, – остановил его отец Варсонофий. – Дело не в духоте от печи твоей, а от печи сердечной, что спать не даёт. Так ведь, Иван Иванович?

– Кваску, может? Матушка моя и клюквенный морс готовит. Мастерича! – встрял отец Николай.

– Что ж, можно и морсу...

Отец Николай тут же исчез.

Преподобный, осенив себя крестом, устремил глаза на иконы, висевшие в красном углу, потом на свечу.

Сел к столу.

– Ведь это духоборы придумали: «Церковь не в брёвнах, а в рѣбрах». Мудро. Но ведь истолковали как: не нужна ваша церковь, она в рѣбрах, то есть в душе. А вы как считаете?

– Понимаю церковь как дом Божий. Церковь действительно не в брёвнах, то есть не в размерах её, не в украшениях и роскоши, а в рѣбрах – то есть место, где мне хорошо молиться, где я ближе к Богу.

– Толкование верное. А вот когда вы не в церкви, а дома, – продолжал испытывать преподобный Теплякова. – Молитесь ли по ночам? Когда вот не спится хотя бы?

– Нет, не молюсь.

– Но вечернее правило-то читаете?

– Редко. Больше приучен читать художественное.

– Всё больше западное?

– Да. Я ведь зарабатываю переводами. А на ночь скажешь: «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя» – вот и всё моё вечернее правило.

– Даже и так хорошо.

– Хорошо? Я и в храм только по праздникам стал ходить. Ленюсь. И что ещё подлее – оправдываю себя. Всегда ведь находятся поводы для оправданий.

– И это не главная беда.

– Как же не главная, если я причащаться стал только по большим праздникам? И то, если честно сказать, не всегда.

– Но всё же хорошо, что вы это понимаете.

– Ах, батюшка, вы меня слишком жалеете. Толку что понимаю? Не исправляюсь же. На исповедь все одни и те же грехи несусь. И каждый раз обещаю исправиться. А воз и ныне там.

Иван Иванович сидел у стола, опустив повинно свою голову. Он внутренним чувством понял, что Господь дал ему возможность исповедоваться у старца, с которым свёл его, конечно же, не случай, а само повеление Божие.

И потому он сейчас, здесь, сидя перед старцем, видя расположение к себе преподобного, решил воспользоваться минуткой.

Может быть, одной из главных в жизни.

Отец Николай принёс морс в глиняном кувшине. И кружки. Налил.

Видя серьёзные лица седых гостей, понял, что у них вышел уже не шуточный разговор.

– Если что надо, кликните меня.

Отец Варсонофий кивнул, дав понять хозяину, что он правильно всё понял.

Посмотрел на Теплякова, ожидая, чтобы он продолжил начатый разговор.

– Знаете, отец Варсонофий, у нас недалеко от Самары, вниз во Волге, один офицер облюбовал себе место, где поселится после ратных трудов. Купил дом небольшой, но с землёю, на которой задумал вырастить сад. Строил себе счастливое будущее. С женой и детьми, которых собирался вызвать. А пока любовался красавицей Волгой, она очень там хороша, да и холмы на правом берегу лесисты, ягоды, грибы – живи и радуйся после того, как смерть возле тебя ходила. Воевал он в Китае, бился с так называемыми боксёрами. Не трусил, храбро дрался. И вот узнали местные крестьяне, что у них поселяется офицер. Раз дом покупает, значит, богат. Значит, приехал с деньгами. И двое вполне добропорядочных мужиков решают его ограбить. Пришли ночью. И зарубили офицера. Кинулись деньги искать, а их нет. Вернее, есть, но всего-то рублей пять набралось – офицер-то деньги на покупку дома не привёз ещё. Мужиков тут же по горячим следам поймали. Суд. Каются мужики. Говорят им: понимаете, что вы опозорили не только себя, но и честь волжан самарских на всю Россию? Зарубили героя офицера за пять рублей. Понимаем, отвечают. Не знали, что он без денег. Зря убили. Спрашивают: «Значит, если б с деньгами, тогда бы по совести зарубили офицера?» Молчат. Один ответил всё же. «Не по совести бы его зарубили, а по делу». Ему говорят: «Но ведь убийцами всё одно остались!» «Да, – отвечают, – но убийцами всё же по делу, а не по напраслине». Вот как, батюшка. А мужики-то – прихожане местной церкви, между прочим, Казанской Божией Матери. Вот как они веруют. За хорошие деньги, выходит, не грех человека зарубить топором.

Свеча осветила бледное лицо Теплякова. Свет так падал на него, что сейчас отчётливо виделся шрам на щеке.

– Уж не вас ли пытались зарубить мужики? – спросил преподобный.

– Нет, это на войне с турками меня их сабля отметила. И пулей добавила. А имя убитого офицера – Алексей Люпов. Теперь там поклонный крест стоит.

– Вот как. А вам пришлось воевать на Балканах? Или на Кавказе?

– На Балканах. Под Стара-Загорой. Не слышали?

– Как же, как же. Ведь там Самарское знамя прославилось.

Лицо Теплякова преобразилось.

– Вот видите, – сказал преподобный, – вам приятно, что я о подвиге самарских волгарей знаю. Выходит, не все они такие, как те два мужика, о которых вы рассказали. Выходит, и на славные дела самарские мужики

способны. Добровольно пошли умирать за братьев по вере. Я такую веру тоже встречал на войне.

– Вы воевали?

– Пришлось.

– А как же... «не убий»?

– Так я тогда военным был, полком командовал.

– Полком?

– Да, был без пяти минут генерал.

– Но... как же...

– А вот так же. Меня ведь Павлом звали. Как тут не увидеть Промысла Божьего?

Тепляков догадался:

– Вас, как апостола Павла, Господь вразумил?

– Примерно. Огня небесного и светопреставления не произошло. Была такая же ночь. И я проснулся уже другим человеком. И утром ушёл в Оптину.

– Никому не сказавши?

– Да.

– Как Толстой?

– Так да не так. Вы ведь знаете, что Лев Толстой был в хибарке старца Амвросия. А теперь, когда старец уже отошёл ко Господу, в хибарке поселился отец Иосиф, воспитанник отца Амвросия. Толстой вновь пришёл туда. Уже руку протянул к дверной ручке хибарки. Да так и застыл. Повернулся и ушёл восвояси.

Тепляков неотрывным взглядом смотрел на преподобного.

Решился:

– А вы... открыли дверь хибарки?

– Открыл. Тридцать шесть лет тому назад.

Глава восьмая

Догорела свеча

Астанова. Ночь с 6 на 7 ноября. Утро 7 ноября 1910 года

Свеча восковая, светло-жёлтая, подсвечник литой, чёрный, с бороздками, украшенными звёздочками. Струйки воска, попадая на них, образуют небольшие наросты, похожие, если присмотреться, на застывшие листочки.

Пламя свечи ровное, светит тихо и молитвенно.

Иван Иванович опять вспомнил мать и как она пела при таком же свете, спокойном и нежном:

*Свете тихий, святые Славы Бессмертного,
Отца Бессмертного, Отца Небесного...*

Это песнопение о приходе Христа невидимыми волнами входило прямо в сердце Ванюши.

Мама, зажигая свечу на комоде перед образами, поворачивалась к нему, кивала и пела родным голосом:

*...Святого Блаженного Иисусе Христе
пришедше на запад солнца, видевшие свет вечерний...*

И тогда Ванечка восходил ко Христу, хотя понял это спустя годы. А тогда, ребёнком, слёзки начинали тихонько течь по его чистым щекам, как воск по тонкой свечке, стоящей на комоде перед ликами Христа, Богородицы и Николая Чудотворца.

Преподобный тоже смотрел на свечу, и духовным своим взором видел всё, о чём думал и что представлялось Ивану Ивановичу.

Видел он его и в храме во время пения «Херувимской», когда Ванечка, а потом уже подросток Иван, слыша эти небесные звуки, тоже умилялся и тоже плакал.

Кроме этих двух песнопений в душу его проникала и «Заступница усердная», особенно когда все прихожане хором пели о Богородице, надежде и спасительнице всех и вся.

– Да, Иван Иванович, блаженны чистые сердцем. – Отец Варсонофий продолжал смотреть на свечу. – А чистые сердца у нас в детстве, рядом с мамой, когда она поёт «Свете тихий». Но ведь и в храме, когда пели «Херувимскую», тоже слёзы текли, тоже сердце умилялось... А потом вспомнилось вам другая женщина, та, избранница, она перевязывала раны и говорила: «Терпите, терпите» – с милым акцентом...

«Господи, что это он?» – поразился Иван Иванович, что незнакомый ему человек рассказывает про его жизнь и думы.

– Да, женщина приходит в нашу жизнь, как приходит цветение яблонь весной, – не видя удивления Теплякова, продолжил отец Варсонофий. – И её имя, ещё вчера чужое, вдруг расцветает, становится родным, как горный цветок, названия которого вы не знали... Да, Иван Иванович, мне вот мама говорила не один раз: «Ну что же ты, Павлуша, всё не женишься? Ты хорош собой, на тебя девицы засматриваются, а ты всё никак не выберешь себе суженую...» И на одном званом обеде я решил: какая со мной рядом сядет, на той и женюсь. И представьте, садится со мной рядом священник. И заводит разговор о молитве Иисусовой. И я понял тогда, что не жениться мне... Другое предназначение приготовил мне Бог.

– А как же вы, – решил спросить его Тепляков, – как же вы победили плоть? Толстой описывает свои похождения к дурным женщинам, кутежи, пьянки. Да и у Блаженного Августина то же самое... Да кто только не раскаивался в грехах своей юности! В безобразиях именно с женским полом.

– Нет, меня эти напасти обошли стороной. Мне нравилось моё военное ремесло, весь ему отдавался. А в свободное время читал много, театр любил – но недолго. Не скажу, чтобы церковь в ту пору сильно меня звала... Нет. Понемногу вера моя крепла. До той самой поры, когда среди ночи я не проснулся... Больной. Да ведь у вас то же самое было, Иван Иванович!

– У меня? То же самое? – опять изумился Тепляков, не переставая вглядываться в преподобного.

И будто впервые увидел его белое лицо в обрамлении седых волос и голубые глаза, сейчас без очков, пристально смотревшие куда-то мимо него.

– Да, то же самое, когда выбор вы сами себе определили. Вы похоронили своего боевого товарища. Болели... А девушка эта, болгарка, была рядом... Она ведь санитарка, вас лечила... И вы решили ей признаться, что полюбили её. И ваша судьба определилась.

– Послушайте, отец Варсонофий, это ведь невозможно... Это ведь мистика какая-то...

– Я тоже, как вы, удивлялся, когда мне в Оптиной многое обо мне рассказывали и предсказывали. Чтобы лучше верил. Даже про мои намерения рассказывали. Чтобы я понял, что есть и другое зрение – духовное.

Преподобный улыбнулся.

Улыбка была доброй, приветливой. Но всё равно Иван Иванович не мог прийти в себя – отец Варсонофий описал его решимость там, на войне, когда он признался Албене, санитарке, что полюбил её. И именно когда похоронил малоросса, весёлого, расторопного тёзку Ивана.

– Иван Иванович, а как горный цветок у болгар называется? Красный такой...

– Албена... А вы, что, на Балканах воевали?

– Нет, не пришлось. Меня в Туркестан тогда направили. Ну вот, за циркового артиста, надеюсь, меня не принимаете? И что я могу многое в людях разглядеть не как гадалка-цыганка, а как священник, доживший до седых волос. Ну, успокоились?

– Вроде.

– Поговорим о том, что вас интересует. Вы же собираетесь написать о Льве Толстом. Обязательно напишите, что наша Церковь вовсе не предавала Льва Толстого анафеме. Он отлучён от Церкви, от исповеди, причастия, других таинств. Но в любое время может вернуться к нам, покаившись, то есть признав свои заблуждения.

– Я понимаю разницу между анафемой и отлучением.

– Это хорошо, что понимаете. А то ваша братия почти поголовно этого не понимает.

– Да, к несчастью, так. Но я собираюсь написать совсем о другом: о их взаимоотношениях с Антоном Павловичем Чеховым.

– Ага, ведь Чехов – ваш любимый писатель.

– Я вроде вам об этом не говорил.

– Упоминали.

– Хорошо, я выскажусь подробнее, – сказал Тепляков, поняв, что открывать душу надо всю, а не какую-то частичку её. – В какой-то момент жизни, лет тридцать пять мне было, я понял, что у меня, оказывается, многое сходится с судьбой Антона Павловича. В том смысле, что я не только восторгаюсь Чеховым как писателем, но и по биографии будто его повторяю. Та же подёнщина в газетах, тот же ранний успех. А потом усталость от газетщины, ставшей в тягость. Захотелось писать серьёзные вещи. Но вечная забота о куске хлеба не давала возможности это сделать. Писал литературное только урывками, часто по ночам. И брат у меня, как у Антона Павловича, талант, пропавший рано. Правда, у моего брата Володи успехи были сильнее, чем у Николая Чехова. Но эта внешняя сторона жизни. Хотя заботы о семье, как и у Антона Павловича, легли на мои плечи. Схожесть я увидел в другом. Я прочёл «Даму с собачкой».

Иван Иванович замолчал, желая увидеть, произвела ли на его собеседника последняя фраза.

Но лицо отца Варсонофия никак не изменилось.

Он продолжал всё так же сидеть на стуле – прямо, не сгибая спины, внимательно смотря то на Ивана Ивановича, то мимо него.

– Чем же вас так поразила эта повесть?

– Понимаете, её я понял как прямой ответ Льву Толстому на его «Крейцерову сонату».

– Вот как.

– Да, представьте. Чехов, по сути дела, написал гимн любви. Вроде про курортный романчик рассказал. Ялта, море. Центр пошлости, от которого больше всего страдал Чехов. И больше всего ненавидел. И вдруг... Рождается чувство. Да какое! Ведь они же, влюблённые, семейные люди! Казалось бы,

окунаются в безобразии – это по Толстому-моралисту. Ведь его Анна Каренина под поезд бросается, нарушив священный завет «не прелюбодействуй». А эти чеховские герои – прелюбодеи? А вот и нет. Наоборот! Они, сами того не понимая, вырываются из рамок пошлости, в которой живут. И начинают страдать, обманывать, она – мужа, он – жену. Но расстаться не могут, как ни стараются. Как раз они и становятся провозвестниками любви, нарушая и толстовские, и привычные нормы семейной жизни. Это вовсе не значит, что Чехов проповедует измену супружескую как норму жизни. Или безбрачие. Нет! Он в отличие от Толстого видит в любви, и плотской в том числе, не разврат, не мерзость, как утверждал Толстой, а полноту любви, полноту!

Иван Иванович разгорячился, говорил напористо, убежденно.

Преподобный всё так же внимательно его слушал.

– Я высказал свою мысль другу, близкому мне человеку. Так он в лицо мне рассмеялся. Дескать, так далеко можно зайти с твоими-то мыслями! Ничего, мол, не понимаю в отношении женщин. Я ведь его спрашивал ранее, что он чувствует, вступив в половую связь с женщиной. Он ответил: восторг! А я чувствовал лишь угрызения совести, уныние. Была у меня связь с одной курсисткой. Я не знал, куда от неё деться. И в другой раз, с другой, – то же самое. А в третий она сама, к моему удовольствию, стала меня избегать. И я решил, что Толстой прав: половая связь – мерзость, особенно для женщин. Но Чехов... так сумел написать эту изумительно прекрасную вещь, что я понял: он вовсе не пропагандирует измену, он утверждает любовь. В этом-то всё дело! Надо любить – вот отгадка. Чехов страдает вместе с героями этой истории. И оставляет в конце многоточие. Пишет, что главные муки у них ещё впереди... Как и у него самого, между прочим.

Отец Варсонофий молчал.

Иван Иванович было подумал, что зря затеял этот разговор. Что священнику, особенно такому, как преподобный, не следует вникать в тонкости литературного письма, разбираться в них...

– Ну почему же не следует?.. – отец Варсонофий опять прочёл мысли Теплякова. – Попы могут разбираться и в литературе.

– Да? И что вы мне скажете? Что я не прав? Ошибаюсь?

– Нет, Иван Иванович. Церковь ведь разрешает развод в случае измены одного из супругов. Вашим героям следовало бы подать на развод, вот и всё. Но Чехову это неинтересно было писать, я думаю. Он вообще любил многоточие. Тем самым показывая сложности жизни. И тиски, в которые люди попадают. Особенно совестливые, как его любимые герои. Так?

– Так! – радостно вскинулся Тепляков. – Ох, если бы эти слова Толстого сказать! Ведь вы же неслучайно сюда приехали? Вас же сюда послали?

– Послали.

– И что же? Чертков не пустил?

– Не только Чертков. Но и вся семья против. А уж врачи тем более.

– Вы со всеми говорили?

– Ну как со всеми... С главными-то говорил. Но они в один голос заявили: нельзя. Будто бы он сам категорически против.

– В это можно поверить. Но как знать, что он бы решил, узнав, что вы рядом? И как бы этот разговор повернулся?

– Ну, пожалуй, и так могло произойти. Если бы он был здоровьем покрепче...

– Чертков... Удивительно всё же, как этот человек мог взять верх над такой глыбой, как Толстой! Вам не кажется, что в самой фамилии Чертков скрыт истинный смысл этой личности?

– Так считает Софья Андреевна. Она во всём винит именно Черткова. И никто её не переубедит.

– Так ведь есть письмо от семьи, где и её подпись. Там написано обратное.

– Что письмо... – раздумчиво ответил преподобный, снимая нагар со свечи. – Будет ещё письмо, увидите...

Свеча догорала.

Иван Иванович вспомнил Макбета Шекспира:

*Конец, конец, огарок догорел...
Жизнь только тень, она актёр на сцене,
Сыграл свой час, побегал, пошумел –
И был таков...*

– Вы думаете? – Лицо отца Варсонофия изменилось, словно он увидел нечто, заставившее расширяться его голубые, как бы прозрачные глаза.

Иван Иванович испуганно смотрел на преподобного.

Тот встал, осенил себя широким крестом.

– Лев Николаевич Толстой скончался.

Стрелки часов на привокзальной станции показали время: 6 часов 5 минут.

На этих отметках их остановили – навсегда.

Глава девятая

«Со святыми упокой»?

7 ноября 1910 года. Утро, день.

Весть о кончине Толстого в это туманное, промозглое утро тут же разнеслась по всему Астапову. Затем по России, а днём уже все столицы Европы знали, что русский гений покинул земной мир.

Телеграф захлёбывался от непомерных нагрузок, хотя начальник Рязанско-Уральской железной дороги ещё накануне распорядился доставить в Астапово дополнительно два телеграфных аппарата.

У одноэтажного дома начальника станции Озолина, приземистого, вытянутого вдоль улицы, толпа народа всё прибавлялась и прибавлялась, хотя начальствующие распорядились уже с половины дня седьмого ноября пускать народ для прощания с Толстым.

Всем хотелось взглянуть, как выглядит Лев уснувший, уже не могущий говорить свои слова: для одних – зовущие к неповиновению власти и Церкви, ибо они только зло и творят; для других – наоборот, не противиться злу; для третьих – слова, которые произносит добрый и заботливый радетель простых людей, крестьян по преимуществу, ибо он сам барин, а брался за соху и серп; для четвёртых – слова, сказанные великим писателем земли русской, неважно, граф он или обыкновенный землепашец.

Проститься с Толстым Тепляков сумел, лишь когда стали допускать народ в дом Озолина. Он миновал прихожую, вошёл в гостиную, увидел сначала нескольких художников, зарисовывающих человека, лежавшего на железной кровати у дальней стены. Была ширма сбоку от окна, столик на гнутых ножках, на котором лежали какие-то лекарства в бутылочках

и ещё какие-то вещицы, видимо, необходимых для больного; огарок свечи в подсвечнике, такой же, как у отца Николая; керосиновая лампа с зелёным абажуром; венские стулья у столика. Бросились в глаза светло-коричневые, с белыми вставками обои за кроватью усопшего, на которых кто-то из художников обвёл тень от лежащего на кровати больного.

Пахло лекарствами и гипсом – с лица Толстого уже сняли посмертную маску.

Подойдя ближе, Тепляков увидел лицо усопшего: выпуклые кустистые брови над плотно закрытыми глазами, огромный лоб, седые волосы, уложенные тщательно, как и борода, окладистая, почти по грудь.

Впечатление у Теплякова сложилось такое, будто Лев сердит, измучен, зол, никак не успокоен. И само тело, закрытое по грудь одеялом с белым пододеяльником, показалось Теплякову каким-то слишком маленьким – может быть, потому, что Иван Иванович видел Толстого только на фотографиях, а не живым, и представлялся ему могучим стариком.

Некоторые из проходящих мимо Толстого крестились. Но никто не прикладывался к неподвижному лицу его. Это показалось Теплякову странным, как и то, что у постели не сидели ни Софья Андреевна, ни родные – как он узнал позже, Софья Андреевна уже нарыдалась, произнося лишь одно: «Прости! Прости!».

Ей стало плохо, и её увели в вагон, где она жила эти дни. Дети были при ней или в хлопотах о гробе и других неотложных делах, связанных с доставкой усопшего в Ясную, где он завещал себя похоронить.

Сбоку от кровати, ближе к столику на гнутых ножках, стоял высокий человек, бородатый, важный, осанистый. Он наблюдал за процессией, двигающейся мимо кровати с усопшим, время от времени слегка кивая тем, кто его приветствовал.

По осанке и бороде с проседью Тепляков догадался, что это Чертков.

Рядом с ним стоял человек ниже ростом, в тёмном костюме, в очках, наблюдавший, как бы кто из людей не сделал что-нибудь такое, что могло бы выйти непопавшим по отношению к Толстому.

Это был врач и секретарь Душан Маковицкий.

За порядком наблюдали и руководили движением людей полицейские, данные жандарму Трофиму Терентьевичу в подкрепление.

Некоторые из интеллигентных граждан, приехавшие в Астапово проститься с Толстым, прилично одетые, на самом деле тоже были присланы сюда вести наблюдение и управлять событиями.

Они обнаружили себя сразу же, когда добропорядочный по виду деревенский мужик, стоящий в очереди на улице, затянул было заупокойную прилично звучащим баском:

Во блаженном успении вечный покой...

Сразу же к нему кинулся полицейский.

Полицейский прошипел:

– Прекратить!

– Да что такое? – возмущённо вскинулась какая-то дама.

– Не положено! – ответил полицейский.

– Не положено? – раздалось из другого конца очереди. – Разве мы не православные, а?

– Покойный ни песен, ни речей на своих похоронах не разрешил! – отозвался приземистый плотный господин, пришедший на подмогу к полицейскому.

...Подаждь, Господи, рабу Божьему Льву, –

послышался другой громкий голос.

– Прекратить! – уже крикнул полицейский, проталкиваясь туда, откуда донёлся голос.

– Батюшку Николая сюда! – крикнул кто-то из астаповских.

– Да его звали! – откликнулся другой голос.

– И что?

– Говорит, не велено.

– Как это?

– А вот так. Покойник церкви не признавал!

– Не церкви, а попов! – это выкрикнул молодой человек, по виду студент.

– А нам-то что? – высказалась и пожилая женщина, из простонародья. – Мы нашего благодетеля провожаем. Мы что же, не христиане?

...Вечная па-а-а-мять, вечная па-а-а-а-мять, –

всё дружнее разделились голоса, прерываемые окриками полицейских, которые толкали и оттаскивали поющих в сторону от одноэтажного дома, вытянувшегося вдоль улицы.

К крыльцу пробирались мастеровые паровозного депо, несшие венок. Вслед за ними шли их товарищи, уже по приказу начальства изготовившие памятную доску, которую решено было установить на доме Озолина. Текст надписи уже успели согласовать с управляющим железной дорогой и начальством, которому передали содержание надписи по телеграфу.

К приземистому, коренастому гражданину приблизился Трофим Терентьевич, гремя саблей:

– Прикажете производить аресты?

– Да вы что? – тихо, но со свирепостью в голосе прошипел тот. – Успокаивайте, взывайте, увещивайте, грозите... И без рукоприкладства!

– Слушаюсь!

И к народу:

– Граждане! Если молчание... уважительно к покойному... не водворится... вынуждены будем завершить прощание!

Народ заволновался.

– Как это?

– Слышите? Молчите!

Народ пошумел, но успокоился.

Людской ручеёк снова потёк в дверь дома.

Вновь прибывавшие опять попробовали затянуть:

Во блаженном успении вечный покой...

А почивший человек с кустистыми бровями и огромным лбом над ними, седой бородой и сомкнутыми устами, казалось, сделает усилие, напряжётся, вскинет гневные глаза и хрипло выкрикнет: «Да что же это? Когда мне дадите покой?»

Важный, осанистый господин чуть покосился в сторону окна, где никак не мог успокоиться народ, и пожевал тонкими губами, словно что-то съел: «Ну что за люди? – сказал себе. – Учишь их, учишь, а все без толку. Вот опять запели... Ну какой вам «вечный покой»? Да ещё «во блаженном»? Надо пойти наших людишек подбодрить. Никак не научатся за порядком следить».

И он важными шагами направился к двери, чтобы отдать указания нужным людям.

Тепляков стоял чуть поодаль от очереди, совершенно не зная, что делать дальше, куда идти.

– Вы, простите, к хозяйке нашей пойдёте? – спросил кто-то Ивана Ивановича.

Он оглянулся и увидел Иосифа Марковича, вопросительно на него смотревшего.

– Она про вас спрашивала. То есть отъезжаете или что?..

– Да-да, – опомнился Тепляков, – вещи. Да и проститься надо.

– Но надо и билет... А народу, как видите, многовато. Думаю, надлежит отъезжать с поездом, который гроб повезёт...

– Почему?

– Видите ли, гроб с поезда, предполагаю, сразу постараются доставить в усадьбу, если народ не помешает... В том смысле, чтобы Льва Николаевича проводить... Нам будет затруднительно... Всё видеть...

– Не понимаю вас.

– Надо выехать так, Иван Иванович, чтобы всё видеть.

– Я как-то не подумал, – признался Иван Иванович.

– Понимаю. О житейском ли сейчас? Но Мария Ивановна... Ей ведь не до высоких дум. Предлагаю сейчас взять билеты и ехать. Я уже договорился.

– Вы правы, Иосиф Маркович.

Иосиф Маркович не напрасно подписывал свои статейки как Перец или Горчица – он всегда поспевал к горяченькому, служил той остренькой приправой, без которой никак не обойтись человеку, знающему толк в кушаньях.

– Я, Иван Иванович, разузнал, что к телу будут допускать ещё и завтра. И поезд отправится, следовательно, тоже завтра. Ну а нам билеты я попросил отложить для себя и для вас на завтра. Если не возражаете. – Он указал рукой на путь к зданию вокзала и пошёл, пропуская Теплякова вперёд.

Иван Иванович хотел было поблагодарить Иосифа Марковича, но тот выставил ладонь, предупреждая его:

– Не надо, я же понимаю, что вы после молитвы и разговора возвышенного... Разве тут подумаешь о каких-то билетах? Ах, Иван Иванович, такие людшки, как я, вам, высоколобым, нужны, вот я и помогаю... Сюда, сюда, вот здесь подождите меня, я сейчас...

И он быстро направился к билетной кассе, заранее приветливо, как давнему знакомому, кивая человеку за стойкой, отгороженной от зала ожидания невысокой деревянной преградой.

«И правда, зря я про Иосифа Марковича плохо подумал. А как же Демин? Может, и за него похлопотать?»

– Ну вот, теперь можно к Марии Ивановне поспешить.

Он вручил Теплякову билет, взял за него деньги, аккуратно упаковал их в портмоне и поглядел поверх очков на Ивана Ивановича, сказал:

– Лучше всего сейчас отобедать. Вы ведь и завтракали второпях. А теперь можно и помянуть усопшего раба Божьего Льва. Или у вас так не принято? Надо после похорон поминать?

– Да, после похорон.

– А сейчас как надо себя вести?

– Как и у вас. Думать о покойном. Молиться.

– Так сколько времени ждать, пока его в Ясную Поляну привезут?! И там не сразу ведь в землю зарюют. То есть, я хотел почтительнее сказать... похоронят. Но ведь без панихиды?

– Да, без панихиды.

Иосиф Маркович вёл Теплякова в буфетную. Иван Иванович послушно шёл за ним, но после слов Иосифова остановился.

– Кто вам такое сказал?

Иосиф Маркович пожал плечами, отчего его воротник пальто приподнялся. Посмотрел сквозь очки на Теплякова несколько даже растерянно.

– Я и сам удивился... Сказать не могу, но сведение почти достоверное...

– Вот именно – почти. Сейчас много говорильни вокруг Толстого, Иосиф Маркович. Нам с вами надо опираться только на проверенные факты.

– Конечно, конечно. Но не всегда, знаете ли, можно оглашать источник сведений... Информациён, как говорит наш французский друг... Может, чайку позволим себе?

– Пожалуй.

Они вошли в буфетную, выбрали небольшой столик.

В буфетной было пусто.

К ним подошёл Нил Прохорович. Непривычно серьёзный, без торопливой услужливости.

– Чайку, Нил Прохорович.

Он кивнул и ушёл.

– Иван Иванович, вижу, что вы взволнованы, – спокойно, но с чувством сказал Иосифов. – Простите мою назойливость, но это уже проклятие профессии. Везде совать свой нос... Тем более он у меня длинный. Один невежливый коллега сказал однажды, что мне когда-нибудь его больно прищелят. И прищеляли уже...

Тепляков участливо смотрел на Иосифа Марковича. И ему сейчас, в переполненности чувств, перемешанных неотвратимостью и неизбежностью, которые рождает смерть, растерянностью и стремлением к прощению всех и вся, захотелось сказать Иосифу Марковичу что-то хорошее, искреннее. Но что, он и сам не знал.

Сказал первое, что пришло:

– Иосиф Маркович, простите меня. Я ведь о вас плохо думал. И позавчера, и вчера. Это оттого, что мы всегда торопимся с осуждением, не терпится нам всех осудить. А вот вы хороший человек. Подумали и позаботились об мне, грешном.

– Спасибо на добром слове, Иван Иванович. В вас сразу видно порядочного и умного человека. И это понял не только я, но даже надменный Большунов. Не говорю уж о Сергее Степановиче. Ему по статусу положено вас любить.

– Кстати, мы совсем не подумали о нём.

– Не тревожьтесь, он сам всё устроит. Увидите.

Нил Прохорович принёс чай и баранки.

– Свеженькие, с пылу-с жару, – сказал он.

И ушёл.

Теплякову показалось, что глаза у владельца буфетной заплаканные.

Чай был вкусный, настоящий на травах.

– Знаете, Иосиф Маркович, вчера такой же чай у отца Николая пил. Наверное, это фирменный, астаповский.

– Я в чаях плохо разбираюсь. Плохо запахи чувствую. Хотя нос у меня вроде должен ароматы различать. Но нет! Не чувствую.

– Вы всё про нос. Как Сирано де Бержерак.
Иосиф Маркович улыбнулся.
– Э, если б я был поэт... А то лишь репортёришка.
– Ну что вы! Вас вся Россия читает.
– Это вы по доброте своей говорите. А вот отец Николай не добрый. Врата церкви затворил. И народ стал учить, что молиться за Толстого можно только келейно. И отпевать нельзя. Некоторые бабки и мужики очень сердились.

Иван Иванович объяснил, что отец Николай поступил правильно – Толстой ведь не раскаялся.

– А вы знаете, какая была последняя запись в дневнике? И какие его последние слова?

– Неужели и это знаете?

– Запись такая: «Сначала по-французски, неразборчиво что-то... А потом отчётливо: *«Вот и план мой. Делай, что должно, и пусть будет что будет... И всё это на благо и другим, и, главное, мне»*⁷.

Иосиф Маркович помолчал, а потом, глядя Теплякову в глаза, сказал:

– Я своими глазами видел телеграмму, которую послали в Петербург. А они в таких донесениях всё в точности передают. Так что вам, Иван Иванович, сомневаться не надо. Можете у себя написать: «Из проверенных источников».

Он перегнулся через столик и тихо добавил:

– Насчёт Маковицкого не узнал. Он ведь на карточки за Львом всё записывал. И засовывал карточки в карман.

– Ночью Толстому совсем плохо стало. Агония. В муках умирал... Но что-то бормотал... Будто бы слышали: «Бежать, бежать»... Вот так, Иван Иванович.

Иосиф Маркович сел в обычное положение, взял чашку с чаем, отхлебнул.

Иван Иванович, потрясённый, не пил, не ел свежие баранки, такие поджаристые, красивые, мягкие и вкусные.

Глава десятая

Умер русский человек

9 ноября 1910 года. День, вечер

В купе вагона вместе с Тепляковым и Иосифом Марковичем оказались двое господ, модно одетых – один молодежавый, красивый, другая – актриса с узнаваемым лицом для всех столичных любителей театра.

Ещё один господин лет пятидесяти, одетый в шубу с меховым шалевым воротником и того же меха шапке-боярке, присматривался, кто оказался с ним рядом.

Актрису он узнал, учтиво поклонился.

Шестой пассажир, лет сорока, явно из интеллигентов нового времени, о чём свидетельствовали и пенсне на серебряной цепочке, и газета, которую он тут же принялся читать, едва тронулся поезд.

⁷ После смерти Толстого Д. Маковицкий издал «Яснополяские записки», откуда взят этот текст.

Время от времени он хмыкал недовольно, что-то прочитав, видимо, неприятное, потому что снимал пенсне, оглядывал соседей подслеповатыми глазами, снова надевал пенсне привычным, быстрым движением руки и принимался читать.

Иосиф Маркович приказал проводнику принести чай, достал из саквояжа свёрток, в котором оказались баранки от Нила Прохоровича, предложил рядом сидящему господину присоединиться к трапезе. Но тот отказался, сказав, что отобедал. Театральные люди, сидевшие напротив, приняли приглашение, не церемонились, особенно молодежавый человек, назвавшийся Виктором Нестеровым, артистом. Он отрекомендовал свою спутницу, известную актрису Александру Тихоновну Покровскую. В отличие от своего спутника, свободного в движениях и разговоре, на все вопросы она отвечала односложно. Чай пила маленькими глотками, скромно, но с достоинством, благодарилась за угощение.

Человек в пенсне бросал на актрису быстрые взгляды, от чая с баранками отказавшись решительно и даже с неким недовольством.

В купе заглянул Демин, обрадовался, что Тепляков в поезде, кивнул Иосифу Марковичу. Поздоровался и с солидным человеком в шубе и шапке-боярка, назвав его по имени-отчеству – Гурий Сидорович.

Покровской он поцеловал руку.

Человек в пенсне, инженер-путеец Никанор Власович Одинцов, внимательно посмотрел на Демина, оторвавшись от газеты, буркнул: «Здрасьте» – и снова принялся читать.

– Позвольте спросить, – обратился Нестеров к Теплякову, когда тот назвал себя, – а не имеете ли вы отношение к Владимиру Теплякову, артисту?

– То-то я смотрю, знакомые черты лица! – оживился Нестеров. – Если убрать шрам, то даже очень!

– Совсем не похож. Был Володя белокур, ростом выше, в отца. А я в мать, она самарская, кровь с татарской перемешана.

– Нет-нет, – настаивал Нестеров, – похожи. Глаза-то голубые. Разве у татар такие бывают?

– Ещё как бывают! В Россию, на Волгу целая ветвь болгар ушла. То есть болгар, они и светловолосые были, и светлоглазые. – Иван Иванович улыбнулся. – Вообще с русской национальностью трудно определиться. Лучше всего, чтобы не запутаться – по вере. Православный – значит русский. И ещё по Родине. За Россию – значит, русский тоже.

– Это уж вы загнули, – инженер-путеец оторвался от своей газеты, поправил пенсне. – Русский останется русским, а татарин – татарин, сколько вы его ни пытаетесь переделать. Уж поверьте мне, я с ними работаю, не понаслышке знаю.

– А зачем их переделывать? – спокойно возразил Иван Иванович, попивая чаёк. – Вот вы дайте шашку или ружьё тому же татарину, отправьте его воевать за Россию, тогда увидите, как в бой он идёт, как кричит «ура» и за нашу Родину умереть готов. Я тоже это не понаслышке знаю.

– Я не о том, уважаемый..

– Иван Иванович, – подсказал Тепляков.

– Да, Иван Иванович. Но ведь татарин как молился своему Аллаху, так и молится. Какой же он русский?

– И правильно делает, что свою веру хранит. Если бы наша вера в том была, чтобы все другие себе подчинять, как, к примеру, католики, то никог-

да бы Россия не стала империей, на зависть всем нашим супостатам. И потому православие – опора самая надёжная нашей державы.

– Да? – инженер-путеец отбросил на грудь пенсне на серебряной цепочке, воинственно поглядел на Теплякова. – Тогда позвольте вас, уважаемый Иван Иванович, спросить, почему же Лев Николаевич Толстой, которого мы имеем честь проводить в последний путь, великий писатель и проповедник добра и равенства всех людей в мире, не принял ваше православие? Если оно такое, как вы заявили, истинное? И опора державы?

Иван Иванович, не ожидавший такого напора от случайного попутчика, несколько смутился. Но по привычке своей не отступить, если речь заходила о вере, о понятиях, дорогих его сердцу, ответил:

– Видите ли, уважаемый Никанор Власович, – начал он, – судя по вашему имени-отчеству смею предположить, что вы из рода купеческого, исконно русского. Родители вас одели, обули, выкормили, выучили в Москве или Петербурге. Судя по вашему виду и газете, вы, вероятней всего, присланы в Астапово проинспектировать, всё ли хорошо организовано, чтобы достойно похоронить Льва Николаевича.

– Ну, и что из этого? – всё так же воинственно ответил инженер-путеец, который действительно был направлен обеспечить беспрепятственный путь поезду, которому предназначено везти гроб с телом Толстого.

– Из этого следует, Никанор Власович, что государство наше, которое прочно стоит на основе православной веры, не только понимает, что Толстой, великий писатель и мыслитель, достоин не только соответствующих похорон, но даже и почестей. Хотя он государства нашего не щадил, а веру даже казнил, называл грязной и лживой. Почитайте его трактат «Церковь и государство». Он хоть и за границей издан, а у нас по России имеет широкое хождение. Отсюда эрго: православие как раз та вера, которая умеет мирно жить и соседствовать со всеми другими верованиями, и даже с такими могучими противниками, каким был Лев Николаевич. Ведь он не предан анафеме, а отлучён от Церкви, – вспомнил Тепляков наказ преподобного Варсонофия. – Вы это понимаете, Никанор Власович?

– Да знаю, знаю, – всё так же раздражённо ответил инженер. – Вы, очевидно, тоже какой-нибудь поп, только не в рясе.

– Ошиблись, Никанор Власыч. Я всего лишь писатель.

– А я вашу книжку читала, – неожиданно вступила в разговор актриса Александра Тихоновна, – про вашего старшего брата.

Она сняла шаль, расстегнула пальто, стал виден строгий жакет, под ним белое жабо. Волосы оказались густые, мягкие, искусно уложенные на голове венцом.

Покровская являлась актрисой на первые роли, в провинциальных театрах гастролировала – сейчас она приехала из Липецкого театра, уговорив дирекцию отпустить её проститься с Толстым. Виктор Нестеров вызвался сопровождать её.

– Я рад, – отозвался Тепляков. – Потому-то эта книга написана о дорогом мне человеке.

– Это чувствуется. Вы сердцем её писали, а не чернилами.

– Спасибо.

– На самом деле, – поддержал Александру Виктор Нестеров, игравший в театре роли героев-любовников, – я книгу вашу за один присест прочёл. Потому что видел вашего брата в Москве, на сцене. Гамлета он играл замечательно. Я у него многое взял, признаюсь честно. Ох, как он страдал!

В сцене с матерью Гертрудой. Да что я вам рассказываю. Вы, конечно, спектакль видели.

– Да, видел.

– Скажите, Иван Иванович, а почему он так рано умер?

– Лёгкие.

– Вот и у Толстого тоже лёгкие сдали, – вступил в разговор Гурий Сидорович, с которым поздоровался Демин, когда проходил мимо их купе.

Он снял свою шубу и шапку, оказался в чёрной парадной тройке. Волосы аккуратно причёсал, хотя они были редки и жидковаты. Зато борода густая, окладом. Усы тоже пышные, но в меру.

– Принеси и мне чайку, милый, – сказал он проводнику, пришедшему за пустыми фаянсовыми чашками и заварным чайничком. – И чего-нибудь закусить.

– Да вот баранки у нас славные, – сказал Иосиф Маркович. – Нил Прохорович угостил, буфетчик из Астапова.

– Да знаю я этого прохиндея, – веско отозвался Гурий Сидорович. – Но выпечка у него и вправду славная!

Он взял баранку и громко захрумкинул, так, что инженер посторонился и спрятал во внутренний карман пиджака свою газету.

– Ну что, инспектор, – обратился к нему Гурий Сидорович, – а хорошо тебя Иван Иванович отбрил! – Он усмехнулся. – Все вы, чиновничьи души, быстро паутиной зарастаете. Вот потому Лев Николаевич вас и не любил.

– А кого он любил? – возразил инженер-инспектор. – Вы, Гурий Сидорович, лучше меня знаете, что Толстой был неуправляем. Он и железные дороги отверг. А сам на них и ездил.

– Вот и доездили. В третьем классе, говорят, ехал. Мужики курили махру и матерились. А он с ними за руку.

– А как иначе? Раз пахал, сеял с ними, изволь и мат их выслушать вперемежку с «Господи прости», – саркастически высказался Одинцов Никанор Власович.

– Не пойму я вас, служивых. То хвалите Толстого, революционером чуть ли не делаете. То браните за верные слова за веру его же. Так какая же у него вера? Вы поняли?

– Без государственного устройства люди жить не могут! – твёрдо ответил Одинцов.

– А-а, вот вы как! Выходит, и без насилия не обойтись. Как же не противиться злу? Иван Иванович, что по этому поводу думаешь?

Поезд приближался к большой станции.

– Смотрите, смотрите! – вскрикнул Тепляков, повернув голову к окну. – Народ-то, народ! Они знают, что поезд тело Толстого везёт!

– Да, конечно, – сказал Гурий Сидорович.

Все в купе приблизились к окну, увидели людей, стоящих на коленях.

Это были и простые мужики в зипунах, и бабы в платках и кацавейках, некоторые с детьми на руках. Можно было различить среди стоящих на коленях и людей в пальто и кепках, мастеровых и разночинного звания людей.

Поезд сбавил скорость. Миновал людей коленопреклонённых, перрон, здание вокзала. Но не остановился, хотя некоторые люди встали с колен и побежали по перрону.

Скоро все они исчезли из вида, открылся пристанционный привычный вид – приземистые склады с грязными крышами, местами уже припорошёнными снегом, домишки рабочего люда.

Опять потянулись поля, за ними перелески – безрадостный, убогий вид холодной ранней зимы, ещё не успевшей набрать силу.

Пассажиры отвернулись от окон, уселись на свои места.

Глава одиннадцатая

Двуликий Толстой

9 ноября 1910 года. День, вечер

Впечатлительный Тепляков, сидевший у окна, всё не мог прийти в себя от увиденного.

– А было ли у нас такое когда-нибудь? – спросил он, обращаясь не столько к попутчикам, сколько к самому себе. – Чтобы на коленях... Да и вообще – как они узнали?

– Телеграф, – бросил реплику Никанор Власович Одинцов. И тоже спросил: – Но зачем же на колени становиться?

– А зачем поезду не остановиться? – вопросом на вопрос ответил артист-премьер. – Не дать народу попрощаться с великим человеком!

– Затем, господин артист, чтобы избежать беспорядков, поезд будет следовать без остановок, – объявил Одинцов.

– Вот как, – всколыхнулся Гурий Сидорович, – выходит, без горячего чая я остался.

– Нет-нет, предусмотрено. – Иосиф Маркович вышел из купе и через время вернулся с чайником, в котором был кипяток. – Заварка у меня есть, тоже предусмотрено.

– Не предусмотрены только митинги и бомбисты, Иосиф Маркович, – пояснил Одинцов, всё же решивший напиться чаю. – У вас и сахарок есть?

– Как же, как же, Никанор Власович, пожалте. Колотый рафинад.

– Тогда позвольте и бараночку.

– Угощайтесь, милости просим.

– Так что же, Иван Иванович, – обратился Гурий Сидорович, купец первой гильдии, известный и в столицах миллионер-благотворитель Тахтаров. – Разъясните, если «непротивление злу»... по Толстому... есть не заблуждение, то отчего это власти так перепугались, что поезд на всех парах должен двигаться без остановок?

– Это пусть вам пояснит господин Одинцов, – ответил Иван Иванович.

– Приказ свыше! – Никанор Власович пил и ел, казалось, с удовольствием. – Да и разве вы не знаете, что теперь происходит на митингах, которых бомбисты только и ждут. Им, извините, наплевать на теории Толстого, им важно побольше беспорядков устроить да кого-нибудь из начальства убить.

– Нет уж, и вы извините, – вступил в спор Нестеров. – Просвещённый народ видит в Толстом защитника угнетённых – вот почему он встал на колени. Это же грандиозно! Это великолепно!

– Виктор Иванович, вы не на сцене, – попыталась урезонить его Покровская.

– Александра Тихоновна, простите, но я потрясён! Не могу сдерживать своих чувств! Это как будто Гамлета несут четыре капитана...

– ...А у вас в это время парик слетел, – съязвила с невинным видом Покровская.

– Ну, Александра Тихоновна... Допустим, был казус. Но ведь всё равно аплодисмент был. Меня вызывали на поклон, сколько раз, вспомните...

Но велеречивый тон актёр всё же оставил.

– Скажите, – пришёл на выручку Нестерову Иван Иванович, – а как обстоит дело со «Властью тьмы»?

– Ох, не вспоминайте про эту пиесу, Иван Иванович. Были прошения. Но опять отказ.

– И правильно. Нечего пугать народ кровавыми картинами, – сказал как отрезал Одинцов.

– Вот-вот, держать и не пищать! – Гурий Сидорович славился благотворительными делами. И не боялся резких высказываний, которых даже высокие чиновники вынуждены были терпеть.

– Это вы удачно скаламбурили, – Покровская улыбнулась купцу. – Я бы с удовольствием сыграла главную разлучницу в пиесе Толстого. Это же настоящая народная трагедия. Куда лучше «Горькой судьбины» господина Писемского.

Купец почтительно, но всё же несколько снисходительно посмотрел на актрису:

– Нет, Александра Тихоновна, эти роли вы всё же оставьте для Пелагеи Стрепетовой, которая «Горькую судьбину» уже сыграла. Ваши роли другие. Например, у Чехова. Вы играли Заречную, а теперь пришло время Аркадиной⁸.

Это замечание, столь неожиданное для купца, столь точное в отношении актрисы уже не первой молодости, а главное – в понимании существа драматургии, вернуло Ивана Ивановича к действительности. Он с нескрываемым одобрением посмотрел на Гурия Сидоровича.

– Ну, вы уж совсем меня в стареющие дамы зачислили, – возразила Александра Тихоновна. – А я ведь сейчас Жанну де'Арк играю. Орлеанскую деву, между прочим.

– И играйте дальше, дай Бог здоровья и вам, и вашему коллеге, – внушительно, с расстановкой, показывая свою осведомлённость, ответил купец. – Вы ведь не за внешнюю схожесть с Девой зрителя взяли, а нутром своим, зрелостью ума и таланта. Вам по стати вашей играть не злодеек из просто-народья, а королев из самого Шекспира и Шиллера.

«Вот это да, – подумал Тепляков, – вот тебе ещё один купец-миroeд!».

Ему опять вспомнился преподобный Варсонофий, и он перекрестился, аккуратно ставя пустую чашку на столик.

«Тот наставлял про веру, а это про театр наставляет получше Большунова. А если его про Шекспира спросить? Ответит ли? Не захваляваю ли обыкновенного дельца, который поднаторел в продаже спектаклей, как в продаже муки? Ведь актёры и антрепренёры есть высшего сорта, как мука, а есть мука и сорта второго, и с добавками. А есть и вообще несъедобная...»

– Гурий Сидорович, – вступил Тепляков в разговор, – вы так верно оценили и «Чайку», и «Орлеанскую деву», что мне захотелось вас спросить, если позволите, конечно... О Толстом как драматурге, и особенно его отношении к пьесам Чехова, которого вы упомянули. Можно?

– Спрашивайте, – ответил Тахтаров, откидываясь не мягкую спинку вагонного дивана.

⁸ Главные героини пьесы А Чехова «Чайка».

– Почему Толстой Чехову говорил, что его пьесы плохие? Даже хуже, чем у Шекспира? Теперь всем известно, что Шекспира он терпеть не мог, даже статью о нём разгромную написал, читали?

Казалось, Тахтаров должен смутиться от такого вопроса, но ничуть не бывало. Он раскинулся поудобней на сиденье, чуть повернувшись к Ивану Ивановичу.

– Статьи не читал, но слышал, что он говорил про Шекспира. И про Чехова. Чехова-то он любил как сына, как человека и рассказчика. Даже больше – как человека. Сергиенко говорил, что даже дочь свою не против был выдать за него. Но Чехов этого не захотел. Что, не так говорю?

– Нет, отчего же. В воспоминаниях Сергиенко, с которым я имею честь быть знакомым, о Чехове и о любви к нему дочери Толстого написано. И что Чехов не ответил на её письма, тоже написано. Но вот почему он, великий писатель, не увидел другого великого писателя как драматурга в первую очередь, ни слова не сказано. Тут загадка или что? Как вы думаете?

Ответа ждал не только Иван Иванович.

Ответа ждали все, кто находился в купе.

Более других, конечно, актёры.

– По моему разумению, Толстому была чужой жизнь ваша, – он даже пальцем указал на инспектора. На палец был надет перстень с печаткой – монограмму купцов Тахтаровых изготовили по личному заказу самого Гурия Сидоровича. – Да он и не считал ваших товарищей нужными к изображению на сцене. Ему нужна была соль.

– Вы имеете в виду соль земли?

– Именно. А если он изображал таких, как вы, то как живых трупов.

– Однако, – инженер-инспектор покривился, даже надел пенсне, чтобы лучше рассмотреть Гурия Сидоровича.

– Да, многоуважаемый Никанор Власыч, да, не сердчайте на меня, старика. Я со Львом Николаичем беседовал. Вернее, как беседовал: его надобно было слушать и запоминать. Антон Палыч его тоже слушал. Возражать было нельзя – с тобой ведь говорит титан. И если б Шекспир пришёл к нему в Ясную, титан бы усадил его за стол, как Антона Палыча. И стал потчевать чаем с клубничным вареньем. Правда, сватать никого из своих дочерей за этого Вильяма не стал, как за любимого своего Антошу. А вот воспитывать его ещё как стал – хоть по-аглицки, хочь по-французски. Да хоть и по-латински – с иноземными языками ему не занимать статью.

Никанор Власович ещё более нахмурился, опять снял пенсне, тем показывая, что разъяснения Гурия Сидоровича ему кажутся по меньшей мере странными и он более не намерен их слушать.

Александра Тихоновна рассеянно улыбалась, показывая, что чудачества богатого кушца-миллионера ей милы, но не более того.

Иосиф Маркович воспринял сказанное Тахтаровых с преувеличенным вниманием.

А Иван Иванович радостно рассмеялся, увидя в сказанном купцом народную, чисто русскую, добродушную усмешку над иноземным гением.

– Значит, насколько я понял, вы считаете жизнь таких, как мы, недостойной пера классика, – весело сказал Тепляков. – Но ведь Чехов доказал обратное. Вы же сами предложили бы Александре Тихоновне играть Аркадину в «Чайке». Значит, вы не говорите вслед за Толстым, что пьесы Чехова ещё хуже, чем у Шекспира. Противоречие, Гурий Сидорыч.

– А почему это вы решили, что я всё на свете должен повторять вслед за Толстым? Вон глядите, за окном опять народ с Толстым проститься при-

шёл. Что ж, и я на коленки встану, когда его гроб в могилку опускать будут. А пока вот чай пью и баранки ем. Я же не живой труп. Что скажете на это, Иван Иванович?

Тепляков не ответил, снова припал к окну.

Смеркалось.

Вдоль железнодорожного пути, прямо на земле цепочкой стояли люди на коленях.

Ближе к вокзалу, где начинался перрон, стоял стационарный служащий с зелёным светофорным кружком в поднятой руке, указывая, что путь свободен.

«Поразительно, — думал Тепляков. — Он смог написать о власти тьмы посильнее, чем Шекспир. Ведь в своей пьесе он не показывает, как этот Никита со своей любовницей душил младенца в подвале. В этот самый момент девочка Анюта не может уснуть от страха. Она чувствует сердцем, что творится что-то ужасное. И спать не даёт дедушке-работнику. И всё спрашивает его, спрашивает, почему ей так страшно. Вот что поразительно! Там, в подполье, вырыта яма, там своими руками Никита душил ребёнка. А на сцене только страдающая девчушка и её страх. И спившийся дед, который пытается успокоить её.

Есть ли по силе воздействия такая сцена у Шекспира? Нет! Разве что в «Макбете», когда он во время трапезы видит за столом убитого короля. И спрашивает: «Кто это сделал, лорды?»»

«Да, сцена прекрасна, сильна, — продолжал думать Тепляков, — но ведь у Толстого сильнее! У него девчушка снова и снова тербит деда, не даёт ему спать. И ужас нарастает, сцена всё длится и длится, и зритель уже не в силах переносить, что свершается. И уже хочет крикнуть: «Хватит! Прекратите! Мы поняли, что такое власть тьмы!»

Тепляков всё всматривался во тьму за окном поезда.

И будто видел девчушку и деда на печи. Она тормошит его и всё спрашивает, спрашивает, почему ей так страшно?»

«Но ведь побеждает не власть тьмы, — продолжал думать Тепляков. — На свадьбе, при всём честном народе, среди общего веселья Никита всё-таки находит в себе силы сбросить ярмо тяжести с души. Да, растлил девицу, отравил и обворовал хозяина, жену его под себя подмял, а дочь её обрюхатил. И чтобы выдать её замуж, ребёночка согласился задушить. Во всех грехах кается Никита перед всем народом».

«Вот! — думал Иван Иванович. — Вот и объяснил Толстой, что такое власть тьмы и какой выход у человечества. Надо припасть к ногам Отца. Раскаяться! Как Никита, он ведь упал в ноги Отцу. И Отец обнял сына, прижал его к себе.

Вот где Толстой бьёт без промаха. А его мудрования? Статьи о Церкви? Где он хулит всё и вся? Это как? Ведь Церковь и есть Христос, который глава её! В Троицу сошёл Святой Дух на апостолов, и это рождение Церкви — Святой, Соборной, Апостольской, Нераздельной! А стяжание Святого Духа и есть смысл христианской жизни! Но ведь всё это и отрёк тот же Толстой, тот самый, который написал свою «Власть тьмы»! Её жуткую силу и именно власть!»

Иван Иванович отошёл от окна, перестав глядеть во тьму.

Сел на своё место.

А поезд, со своим проектором, похожим на глаз Циклопа во лбу, словно какое-то неземное чёрное чудовище, разрывал пространство, проглатывая всё на своём пути — живое и мёртвое.

Глава двенадцатая

Один машинист на всех

9 ноября, вечер, ночь

Чтобы не обидеть Гурия Сидоровича, Тепляков сразу же, как только миновали очередную станцию со стоящими на перроне людьми, обратился к нему, чтобы продолжить разговор:

– Вы не подумайте, Гурий Сидорович, что я хочу вас неудобными вопросами в неудобное положение поставить. Вы же ведь не критик, как Большунов, например. Мне просто хотелось бы знать ваше мнение о Чехове как драматурге. Потому что как раз об этом я и хочу написать.

– Ну и что вам моё мнение? – с некоторой издёвкой над собой ответил Тахтаров. – Чехов хорош в театре художественном. Так господин Алексеев-Станиславский с господином Немировичем-Данченко и назвали свой театр. На любителя. Кто любит копаться в душе. Но тут разуместь надо. Вот в «Мариинке» «Чайка», говорят, с треском провалилась. А у Алексеева – все от неё в восторге. Вот вам и ответ.

Виктор Нестеров, явно заинтересовавшись поворотом разговора, живо откликнулся:

– Это потому, что новую жизнь в новом театре показывают. Не боятся правды жизни.

– Да какая там правда, – перебил артиста инспектор, – сплошное нытьё. Все всем недовольны, всё плохо и потому скучно.

– Это оттого, что Треплев стреляется, вам скучно? – У Нестерова даже глаза расширились, как в минуты подъёма чувств, которые он стремился подчеркнуть. – Чехов первый показал, что новое искусство не понимают и не принимают самые близкие Треплеву люди. Даже мать ему чужда. Не говоря уж о любовнике этом, писателе. Они-то и есть управители жизни. Они-то и есть пошляки. И пошлость торжествует!

Нестеров даже раскраснелся, произнеся свои слова как театральный монолог.

– Bravo- bravo! – Одинцов даже похлопал в ладоши, глядя на артиста. – Вот не думал, что Чехова можно записать в революционеры, как Горького Максима, он же Пешков Алексей.

– Да у вас все революционеры, – отпарировал Нестеров. – И Толстой из них первый.

– Ну, знаете ли!.. – Одинцов, надев своё пенсне, в упор смотрел на артиста. – Это уж слишком!

– Господа, полноте, – попыталась успокоить спорщиков Александра Тихоновна. – Вспомните, где мы находимся. И кого едем хоронить.

Спорщики отвернулись друг от друга, а Гурий Сидорович, накинув шубу на плечи, вышел из купе.

Следом вышел и Тепляков.

В тамбуре Тахтаров достал портсигар, с инкрустацией на верхней крышке, предложил Теплякову сигару.

Тепляков смотрел, как Тахтаров отрезал кончик сигары специальными щипчиками, дал их Теплякову.

Иван Иванович неумело хотел сделать то же самое.

Тахтаров помог ему.

Помог и раскурить сигару.

Тепляков, смущаясь, сказал:

- Сигар не курю, шато де икем не пью – только в книжках читал.
- Не беда. Беда – Толстого и Чехова не читать.

Тепляков дружески улыбнулся:

– Гурий Сидорович, я ведь только хотел выяснить, прав ли я? Антон Павлович, относясь к Толстому как к гению и как к старшему товарищу, даже, может, как к отцу, постепенно выходил из-под его влияния. Или нет? Я у него прочёл, к удивлению своему, что Толстой просто невежествен, когда пишет о сифилисе или о полном отвращении женщиной половой любви.

- Чехов это пишет как врач.
- А как писатель? Ведь он никогда не тыкал пальцем в лоб читателю, за что его укорял Толстой.
- Ну да, Толстому обязательно надо учить, я же говорил.
- Слава Богу, вы промышленник, а в литературе и театре понимаете больше, чем господа-артисты. И уж тем более чем этот инженер-следователь... или кто он там ещё? Вы верно сказали, что Толстой и Шекспира бы посадил за стол и принялся его учить. Это очень точно.

Тепляков пыхтел сигарой неумело, в отличие от Тахтарова, который курил, получая от курения удовольствие, вдыхая терпкий сигарный аромат, задерживая его во рту.

– А скажите вы мне, Иван Иванович, почему всё-таки Треплев стреляется? Чехов хотел сказать, что модернизмы эти ведут к гибели? Тригорина – писатель, Аркадина – знаменитая артистка. Вроде должны быть противуветсом. Ан нет. Пошлаки! Где ж выход?

Колёса поезда отстукивали свой ритм, в тамбуре дым от сигар плавал волнами и уходил в щели дверей.

– Я тоже много думал об этом, Гурий Сидорович. Чехов, наверное, выход видит в Нине Заречной. Она ведь станет настоящей актрисой. Посильнее нашей Покровской.

- Почему?
- Потому что ей пришлось пострадать.
- Ага. И купцы к ней пристают.
- Пристают, – согласился Тепляков. – Но есть купцы такие, как вы. Мне посчастливилось, кроме вас, замечательного купца встретить. Из наших, самарских. Плиханков, не слышали?

- Нет.
- Он теперь преподобный Варсонофий. В Оптиной служит.
- А-а-а! Так это он приезжал Толстого исповедать и причастить?
- Он.
- А ведь наш титан был в шаге от спасения, – продолжил Иван Иванович. – В Оптину ездил. К преподобному Иосифу чуть не вошёл. К дверной ручке уже тянулся. Да так дверь и не открыл. Это мне рассказал отец Варсонофий.

Гурий Сидорович помолчал, потушил сигару.

- Может, и правильно сделал. А то бы и этого старца учить начал.
- Думаете?
- Уверен. Э, Иван Иванович, слава кружит голову куда сильнее, чем золото. Скольких она в могилу увела! Учись смирению, пока не поздно. Пойдём, а то простужу тебя.
- Я закалённый. Научился по утрам обливаться холодной водой.

- Ну? А что ж и брат твой этой закалкой не занялся?
- Некогда было.
- Вот и Антону Павловичу тоже некогда было здоровьем своим заниматься. Да что там – сам Лев Николаич от простуды лёгких скончался. А ведь какой коренник был! Когда с этой хворобой научатся справляться?
- Я думаю, не в этом всё же дело. Видите ли, Гурий Сидорович, вот ночь наступила, а паровоз летит вперёд. Потому что у паровоза и всего поезда есть машинист. Он поездом управляет. И в театре должен быть машинист. И в литературе. Этот машинист один, верно?
- Да, верно. Машинист один для всех нас сразу. Его Господь Бог звать.

Глава тринадцатая

История одной фотографии 9 ноября 1910 года, ночь

- В купе было душно, но тепло.
- От вас пахнет сигарами, – сказала Александра Тихоновна.
  - Хорошо хоть не махрой, – съязвил Одинцов.
  - Это ничего. Мне и её приходилось курить. Когда я играла в пьесе Максима Горького «На дне».
  - В «Художественном»? – удивился Тепляков. – Вы ведь...
  - Нет, к сожалению, не у Алексева. В антрепризе.
  - Александра Тихоновна Настю играла, а я Ваську Пепла, – с достоинством пояснил Нестеров. – Максим Горький! Он ведь тоже у Толстого был. В Гаспре, в Крыму. Снимок есть, они втроем – Толстой, Чехов сидят, а Горький сзади стоит.
- Иосиф Маркович, услышав это, как-то странно улыбнулся и даже опустил голову, чтобы никто не заметил его реакции на слова артиста.
- Но Нестеров уловил ухмылку Иосифова и воинственно посмотрел на него.
- Что? Вы, уважаемый, кажется, не поверили мне?
  - Нет-нет, что вы, – поспешно возразил Иосиф Маркович, – как же я могу вам не верить, такому замечательному артисту?..
  - А что же тогда улыбаетесь? – не унимался Нестеров.
  - Да я по поводу этой фотографии... Просто мне приходилось ею заниматься...
  - В каком смысле?
  - В нашу газету, в которой был опубликован этот снимок, обратился господин Сергиенко, о котором тут упоминалось. Он свидетельствовал, что снимок лично его, действительно сделан в Гаспре, на террасе дачи госпожи Паниной. У неё Лев Николаевич на лето снял этаж. Это ведь особняк, построенный князем Голицыным в виде средневекового замка. Граф Панин этот особняк выкупил, оставил в наследство жене своей...
  - Да что вы нам историю особняка рассказываете! – возмутился Нестеров. – Говорите по существу!
  - Извините, Виктор Иванович, но без предисловия тут нельзя. История ведь почти криминальная...
  - Криминальная?

– В некотором смысле. Сейчас поймёте. Антон Павлович по приглашению Льва Николаевича приезжал к нему. Чехов знал, что граф нездоров, и лечил его как врач. Приезжал к нему несколько раз. И в один из приездов Пётр Алексеевич Сергиенко сделал этот замечательный снимок. И другие тоже сделал, где Лев Николаевич с Антоном Павловичем на тахте сидят...

– Ну и что из этого?

– А то, что Алексея Максимовича в это время в Гаспре не было.

– Как так? С неба он, что ли, на эту террасу в Гаспре опустился? – насмешливо спросил Виктор Нестеров.

– Нет, Виктор Иванович. Как я выяснил, это новшество фотографического дела. Новейшей техники печати. Её применил один из известных наших фотографических мастеров, фамилию которого называть не буду. Он впечатал фигуру Горького между Толстым и Чеховым. Я лично был в одном из ателье. И при мне провели эту процедуру, или, чтобы благороднее выразиться, применили художественный приём: кого хочешь можно рядом с великими людьми поставить.

– Простите, но для чего делать эти махинации? – спросил Одинцов, заинтересовавшись рассказом Иосифа Марковича.

– А для того, чтобы открытка, сделанная с фотографии Сергиенко и другой фотографии, где Горький запечатлён, лучше продавалась – вот для чего. Потому что Горький в широких массах популярен.

– Э, мастак этот шулер! – подытожил Гурий Сидорович. – Интересно, привлекли его к ответу?

– Нет. Закона-то ещё не придумали. Только предупредили, чтобы он дела эти прекратил.

Инженер-инспектор опять злорадно усмехнулся.

– А жаль, ведь за шулерство и по закону привлечь можно.

– Но погодите, – вступилась за безымянного мастера Александра Тихоновна. – Ведь здесь можно говорить о художественной сметке...

– Если бы, – поправил её Иван Иванович, – если бы Горький был равен и Толстому, и тем более Чехову...

– Не понял вас, – возразил Нестеров, – чем это Горький вам не угодил? Разве Чехов не вышел из числа академиков, когда не приняли Алексея Максимовича?

– Да, такое было, – согласился Тепляков. – Но вот мне довелось читать некоторые письма Антона Павловича... Он со своею деликатностью пишет о Горьком, что тот был у него в Ялте. Хорошо пишет. Но и указывает на одну подробность, которая мне запомнилась.

– Какая же это подробность? – поинтересовалась Александра Осиповна.

– «Никак не могу привыкнуть к его рубахе, – пишет Антон Павлович. – Не пойму, зачем она ему...»

– Э, да это прямо по-чеховски, не в бровь, а в глаз! – высказался Гурий Сидорович. – Маскарада терпеть не мог Антон Павлович!

– Маскарада? Может, Горький как раз рубахой своей подчёркивал связь с народом! – воскликнул опять театрально Нестеров.

– Ну да, с народом, – поддакнул ёрнически Гурий Сидорович. – Из самой его толщи вышел! А что из семьи купцов второй гильдии произошёл, забыл почему-то сказать. А вот Чехов не стеснялся своего купеческого происхождения. И что отец дело по миру пустил, тоже не скрывал. И что голодная жизнь у него была, семью содержал, подёнщиной газетной занимался. И нигде и никогда не выпячивал этого! Вот потому он и отличает-

ся от этого Пешкова, который себе псевдоним эдакий народный придумал: Горький!

В дверях купе показался проводник.

– Господа, сейчас будет переформировка состава. Вагоны повезёт другой паровоз. Прошу оставаться на своих местах, вплоть до прибытия в пункт назначения.

Глава четырнадцатая

Без Креста

9–10 ноября 1910 года

Станция назначения оказалась та самая Козлова Засека, от которой Толстой с Маковицким начали свой путь к кончине Льва Николаевича в Астапово.

Из вагона, на котором крупными буквами написано: «Багаж» – вынесли гроб и уложили его на специально подготовленную для похорон подводку в упряжи. На козлах уже сидел солидный кучер, готовый направить сильную лошадь в путь к Ясной Поляне.

Среди людей, готовых к поездке, Тепляков увидел не только крестьян, но и людей вполне городского вида.

Среди них и полицейские.

Теперь Иван Иванович понял, насколько оказался прав предусмотрительный Иосиф Маркович.

Если бы Тепляков прибыл сюда позже, то всё событие прошло бы мимо него.

Крестьяне грудились у гроба. Наконец было решено, кто первыми поднимет гроб на свои плечи.

Ими оказались четыре рослых, сильных человека, заранее подготовившихся к последним проводам своего барина, который оказался для них своим, родным человеком.

Софью Андреевну, её сыновей и дочерей усадили в барские коляски. Были ещё коляски, в которые садились сопровождающие траурный поезд.

Тепляков обратился к человеку в картузе, приличном суконном кафтане, стёганом, с ватной подкладкой, в сапогах:

– Далеко ли до усадьбы?

– Нет, не очень – вёрст пять. У меня тарантас удобный, доставлю к барскому дому без промедления.

Тахтаров удовлетворённо кивнул и обратился к Теплякову:

– Видите, Харон тут как тут. Идёмте и вы, Горчица с Перцем. Согласны ехать на дрогах?

– Да что вы, Гурий Сидорович, ведь по этой дороге Лев Николаевич всегда пешком от Ясной ходил. И нам так надлежит, думаю.

– И то верно, идём с народом. – И Гурий Сидорович пристроился к колонне людей, идущих за гробом.

Рядом с ним пошли и Тепляков, и Иосиф Маркович.

Чуть левее, с краю колонны, оказался крестьянин средних лет, бородастый, серьёзный, ничуть не смутившийся, что идёт рядом с городскими господами.

Это был Яков, грамотный крестьянин. Рукастый, работающий. Яков и дом построил, и лошадаками обзавёлся – для разных перевозок, в том числе и пассажиров, приезжающих в Ясную, к Толстому.

Дорога шла холодным полем, в жухлой стерне по обочинам. Одинокие голые деревья, уснувшие, казалось, навсегда, чернели над канавами, покрытыми первым ледком, дополняя унылую картину.

Гурий Сидорович, узнав, что крестьянина зовут Яков, запросто обратился к нему:

– Скажи-ка, Яков, как же вы так быстро узнали про Льва Николаича?

– Э, барин, теперь мы живём при телеграфе и железной дороге.

– Это понятно, а вот полиция когда к вам подоспела? Что им тут-то делать?

– А для порядка. Депутаций, видите, как много. А будет ещё боле.

– Так ведь и раньше приезжали. И без полиции обходилось.

– Ноне случай особый. Потому и наши, деревенские, все придут с Львом Николаичем проститься. Окромя тех, что уже пришли.

– Это понятно. – Гурий Сидорович повернулся к Теплякову, шагавшему рядом. – Скажи, Иван Иванович, не кажется ли тебе, что теперь можно изменить своё мнение о Толстом?

Тепляков смотрел на лежащее справа от него серое бескрайнее поле, которое, соединяясь с таким же бескрайним небом, словно хотело сказать, что жизнь безнадежна и беспроглядна в этой мгле, которой нет ни начала, ни конца.

– Смутно как-то... – ответил Иван Иванович, вглядываясь в серую мглу, которую всё же понемногу рассеивал холодный ветер.

Вот ветер подул резче, напористой, и взгляду открылась лесная даль, которая уже не казалась безрадостной.

Но она показалась Теплякову словно незаконченной – как будто художник забыл написать что-то существенное, которое дополнило бы пейзаж, сразу преобразив его.

«В чём дело? – думал он. – Что я ищущ?»

И тут его осенило: «Церкви! Вот на том взгорке должна стоять церковь!»

И он даже приподнялся, словно и в самом деле на краю поля увидел невысокую церквушку: одноглавую, деревянную, с кровлей тоже деревянной, лемехами.

– Что ты? – спросил Гурий Сидорович. – Что увидел?

– Нет, я так... Показалось... – Он повернул голову к Якову и громко спросил: – Яков, у вас что же, церкви нет?

– Отчего же, имеется.

– Так что же её не видать?

– А как увидеть, ежели она в соседней деревне, в Кочаках. Тама и Льва Николаича крестили.

– И что же, туда приходится ходить? А если немощные?

– Поп на то есть. – Яков даже повернулся к Теплякову, чтобы лучше увидеть, кто с ним говорит.

– Скажи, а ваши, яснополянские, что с Львом Николаичем пахали и сеяли, они его веру обрели? – спросил Тепляков.

– Не понимаю, о чём вы, – недовольно ответил Яков.

– Ну в Бога, Иисуса Христа, они верят? Или разуверились, как Толстой?

Яков полностью развернулся к Теплякову.

Иван Иванович увидел хмурое скуластое лицо Якова, загорелое, с тёмными насмешливыми глазами.

– Это у нас жандармский ротмистр так спрашивал. Вы, что ль, тоже из них?

– Разве похож? – спросил Тепляков.

– Вроде нет.

– А что же спрашиваешь?

– А вы чего интересуетесь? – на вопрос вопросом ответил тёртый мужик Яков.

Гурий Сидорович рассмеялся.

– Тебя не проведёшь. А скажи-ка, от родителей ты отделился?

– Ну.

– Детишек сколь?

– Трое.

– А кто же за ними ходит? Жена-то тебе помощница в делах да по хозяйству. Как тут за малыми уследить?

– Бабка Лукерья есть.

– А-а! – обрадовался Гурий Сидорович. – Бабка Лукерья! Тогда всё в порядке.

Яков впервые за всё время улыбнулся.

– Вот вы, барин, всё понимаете.

Тепляков тоже улыбнулся, но неприветливо.

– Выходит, я непонятливый.

Гурий Сидорович сказал примирительно:

– Не сердчай, Иван Иванович. Если Яков и жёнушка его в церковь не ходят, так это за делами, потому что некогда! А молится за них и за нас с тобой бабка Лукерья. Так, Яков?

– Глякось, сколь народу у леса собралось! – сказал Яков, продолжая шагать твёрдыми, уверенными шагами.

И правда, у лесной опушки грудились люди.

Стояло несколько повозок, запряжённых лошадьми.

Двое крестьян держали на высоких жердях привязанное к ним красное полотнище, на котором белой краской было написано:

«Дорогой Лев Николаевич! Память о твоём добре не умрёт среди нас, осиротевших крестьян Ясной Поляны».

Крестьяне с этим полотнищем встали впереди гроба, и колонны людей пошли по дороге к Ясной.

– Тут недалеко аллея берёзовая есть, по ней любил наш титан прохаживаться. – Гурий Сидорович вытер пот со лба – всё-таки тяжело ему было шагать вровень с Яковым и другими крестьянами.

Но он всё же шагал.

Как и Иван Иванович, и Иосиф Маркович.

Вот показалась из-за деревьев усадьба Толстых.

Гурий Сидорович отошёл в сторонку от колонны, подозвал к себе Якова. Полез во внутренний карман пиджака, вытащил из бумажника купюру.

– Уважь, Яков. Это не тебе, а бабке твоей Лукерье. Пусть она помолится за помин души раба Божьего Льва. Келейно, то есть дома. А деньжат пусть попу вашему отдаст, сколько рука возьмёт. Я тебя очень прошу, Яков. Не откажи.

– Спаси Господи, барин. – Яков взял «красненькую».⁹

– Меня Гурием Сидоровичем звать. А товарища – Иван Иванович. Он не сыскарь, не полицейский, а писатель. А писателям всю правду надо знать, потому он и расспрашивает. Как покойный Лев Николаевич вас всех расспрашивал, чтобы до самого дна правды добраться.

– Это мы понимаем.

В одном из любимых мест Толстого, неподалёку от берёзовой аллеи, в том самом месте, где Лёвушка зарыл «зелёную палочку», которая всем людям должна была принести счастье, вырыли могилу для большого почившего Льва.

Здесь собрались родственники, господа, крестьянские яснополянские жители.

Но среди них оказались и городские, одетые кто как. Кто выглядел как студент – таковые были на самом деле, кто – как лавочники (это были ряженные, нанятые полицией). Были и любители присутствовать на всех значимых в уезде событиях.

А тут событие случилось экстраординарное.

Как и в Астапове, ни оркестра, ни пения хоров не было – опять всех пришедших на прощание предупредили, что покойный запретил и речи произносить.

Родные приготовили комнату, в которой установили гроб с покойным.

В усадьбу потянулось нескончаемое количество депутатов, с венками, соболезнованиями, и хорошо, что Толстой строго запретил не произносить никаких речей, а то бы пролилось большое количество никому ненужных слов.

Прощание длилось два дня.

От барской усадьбы гроб несли на руках, менясь четвёрками.

В предзимней тишине лишь слышен был шум деревьев – берёз, лип, осин.

Когда гроб с телом опустили в могилу, все собравшиеся встали на колени.

Над могилой гробовщики делали холмик в виде четырёхугольной коробки – гробнички.

Но вот её разровняли, утрамбовали. Стоящие плотной стеной родственники, близкие, почитатели Толстого застыли в немой сцене.

«А где же крест? Ведь всё-таки он верил, что Бог есть!» – мелькнуло в сознании Теплякова.

Но ни креста, никакого иного надгробия не поставили – ни стелы, ни звезды Давида, ни глиняной магометанской усыпальницы с полумесяцем и звездой над куполом её.

Только хорошо утрамбованный холмик-гробничка в виде прямоугольной коробочки с четырьмя углами.

Весной на ней зазеленеет кладбищенская травка.

Тепляков вздохнул, поёжился.

Становилось всё холоднее и холоднее.

Ещё слышнее зашумели от ветра верхушки деревьев. Все они были голы, черны.

«Так распорядился человек, не только прочитавший, но и изучивший труды на родных языках Сократа, Марка Аврелия, Авиценны, Заратустры, Ветхий и Новый Заветы на древнееврейском, греческом, латинском язы-

⁹ Красненькая – так в описываемое время называлась десятирублёвая купюра.

ках, – продолжал думать Тепляков. – Тридцать лет он создавал свою теорию Жизни и Смерти. Создавал своего бога. Но даже не открыл трудов никого из Святых отцов христианских! Никого из святоотеческой православной веры! Никого! Считал, что все они неверно пересказывают и толкуют Святое Писание. Предание вообще никуда не годится. Только запутывает людей из столетия в столетие, из поколения в поколение...

И вот итог.

Прямоугольная коробочка-гробничка из утрамбованной земли.

Без креста».

Продолжение следует.

Галина
ТАЛАНОВА

У СПОКОЙНОЙ ВОДЫ

***

И небо будто купол цирковой,
Затянутый нежнейшим серым шёлком.
И мостик выгибается дугой.
И чёрный пёс на тучу воет волком.
Трюкачкой цапля ринулась в пике
За серебристой в речке чешуёю.
Шумит сосна на странном языке,
Роняя солнцем выжженную хвою.
Качаются как пьяные цветы.
Сверкает купол огненной зарницей.
И яблоки ныряют с высоты,
И молнии сверкают, будто спицы.
Но я плыву,
Пускай смертельный трюк.
И купол почернел уже по краю.
И с тополя летит на землю сук,
Он мелких веток догоняет стаю.
Я вижу дождь, что движется стеной.
И вспоминаю милых, что далече.
И день жужжит, как пчёл тяжёлый рой,
И обнимает вкрадчиво за плечи.
И примеряет траурный платок,
Коль молния оставит головёшки.
На паутинке серебристой строк
Я, как гимнаст, взлетаю без поддержки.

-
- Галина Таланова (Галина Борисовна Бочкова) – биофизик, кандидат технических наук, автор девяти книг стихов и семи – прозы. Член Союза писателей России. Живёт в Нижнем Новгороде. Работает в ООО НПО «Диагностические системы». Лауреат премий «Болдинская осень» (2012), журнала «Север» (2012), им. М. Горького (2016), Нижнего Новгорода (2018), золотой лауреат Международного конкурса «Её Величество Книга!» (2016), золотой дипломант VII Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» (2016), дипломант международных конкурсов им. О. Бешенковской (2015), им. де Ришелье (2016, 2017), им. Мацуо Басё (2016), премии-ордена им. Кирилла и Мефодия (2016), «Русский Stil» (2017), дипломант Международной литературной премии «Диас» (2024, 2025), «Звезда полей» им. Н. Рубцова (2023), А. Фета (2024), журнала «Зарубежные задворки» (Германия, 2018), Купринского конкурса «Гранатовый браслет» (2022), И. Григорьева (2016), финалист международных премий Ф. Абрамова (2023), Ф. Искандера (2022), лонг-листер премии им. И. Бунина (2011, 2012, 2015, 2017), шорт-листер Международной премии им. Ф. Достоевского (2017) и других. Имеет около 190 литературных публикаций.

***

И надо всего-то для счастья
Журчание тихой воды.
И чтоб стрекоза на запястье
Уселась, вспорхнув с лебеды.
И синюю чашу над речкой,
Где пухом плывут облака,
Без тучки,
Что, белой овечкой
Прикинувшись,
Ждёт ветерка,
Чтоб сбиться с собратьями в стаю,
Ударить по ивам грозой.
Я снова тебя вспоминаю,
Бродя по песочку босой...
Следы осыпаются..
Память
Все замки хранит на песке, –
Ракушками стопы изранить,
Что жили когда-то в реке.
Остался кусок перламутра.
И радуго сердце хранит.
И осень встречаю я мудро,
Ведь в охру окрашен весь вид.
Вода, что упала без чувства,
И сонные стайки мальков,
И жизни спокойное русло,
Что ждёт не дожждётся оков.

***

А бабочка крылом обломанным трепещет
И бьётся на стекле веранды голубом.
И кажутся чудными старинные все вещи,
Которыми с любовью наш заселяли дом.
Должно быть, я сама немного старомодна,
Коль память берегу о близких и родных.
И потому теперь от боли не свободна,
Что подступает к сердцу и резко бьёт под дых.
А время как вода течёт и прочь уходит,
Хотя ещё плыву и вижу облака.
И цапли мельтешат на низком небосводе,
Качая в клюве рыбу, что принесла река.
И я, как будто цапля, застыла без движенья,
Высматривая строчки, что память принесёт.
И чувствую себя живой ещё мишенью,
Которой предстоит последний перелёт.
Я чувствую уже ту птицу, что как камень
Однажды рухнет с неба в пожухлую траву.
Ощупываю вещи из юности руками.
И бьюсь как мотылёк, увидев синеву...

И протираю пыль, разводы на окошке –
И мотыльки взлетят, как на ветру зола.
И бабочка парит вдоль узенькой дорожки,
С крылом, что обломилось, всего лишь до угла.
Она летит как лист, что сорван ветром,
Как будто катер скачет на волнах.
И день насквозь пропитан мёдом, светом,
Хоть нелегко ей делать каждый взмах.

***

Мой мир затих как сад.
Он перестал шептать
Тоскливыми ночами.
И тают лета дни,
Как горький шоколад,
Зажатый в кулаке.
И годы за плечами.
Беззвучен маховик
И дней, и целых лет.
Стираются до блеска
Зубцы и шестерёнки.
И хочется вернуться
Туда, где клином свет
Сошёлся на дощечке
У глупенькой девчонки:
Там замок среди гор
И близкие стеной.
Там чёрные цветы
Размером с человека.
И ключик к сердцу там,
Конечно, заводной.
И жизнь течёт рекой,
Что вышла из-под снега.
Но трепет крыльев тут –
И бабочку платком
Накрою, как сачком,
Без капли сожаленья.
Она живёт, как я
И как трава, молчком
И тешит в тишине
Надежду на паренье.
Как крылышки дрожат,
Хотя ладонь нежна!
И помнит ли она
Ту гусеницу в прошлом?
Я помню, что была,
Как куколка, одна.
Спелёнатые крылья
Не видела во взрослом.
Ах, этот ветхий шёлк
Как бранные слова.

И ветер будто парус
Натягивает крылья.
Спасибо, что я есть.
И кругом голова.
Баюкаю слова,
Что кажутся всем пылью.
Чешуйки на крыле –
Без них же не взлететь
И не услышать мир,
Где звуки льются флейтой!
И облака нежней,
Чем розовый зефир.
И солнце на закате
Сад поливает лейкой.

***

Будто мы листья с птичьей повадкой
Бьёмся о землю, взлетая опять.
Этот полёт наблюдаю украдкой.
Больше мне некого в жизни терять...
Всех потеряла.
Лежат под землёю,
Что зарастает игривой травой.
Сердце уже постоянно не ноет,
Что не бывать никогда им со мной.
Память о детстве, как старая рана,
Вдруг ожила в подсознание, во сне.
Зыбкие тени родных из тумана,
Будто в проталине мох по весне:
Мягко спружинит,
Теплом обнимая,
Память шепнёт,
Что всё так далеко.
Вот уже я подхожу ближе к краю,
Где лишь стеною туман-молоко.

***

И в предчувствии новой беды...
Как хотелось бы им поделиться!
Я грущу у спокойной воды.
Дни мелькают как острые спицы.
Вижу серые тени ершей,
Окуньков, что сбиваются в стаи.
Режут небо две стайки стрижей.
Рухнул мостик, оставив две сваи.
Поднялась, скрыв песочек, вода.
Как сердечки – листочки кувшинок.
И уходят сквозь пальцы года.
И летят парашюты пушинок,
Их уносит теченьем река,

Их не вынесет где-то на берег.
И от этого снова тоска,
А лягушки зашлись от истерик.
Одиночество стало родней,
Чем любовь, что в окошко стучится,
Заливается как соловей,
Что растопит всю боль под ключицей.

***

И март, как будто впрямь апрель,
Взглянул в глаза прохладной синью,
Разлив по сердцу акварель,
Где всё пропитано полынью...
Стоял, красуясь, сухоцвет,
Ведь март другой хранила память,
Хотя прошло немало лет...
А дни те продолжают ранить...
Всё было будто бы вчера.
Там снег лежал в лесу по пояс,
И вдоль дороги льда гора...
...Я всё никак не успокоюсь...
Я шла по насту, что слепил,
Проваливаясь с каждым шагом.
И мачты кораблей-могил
Стеной стояли за оврагом...
А я искала старый крест,
Как будто выписанный вязью,
И, одинокая как перст,
Смотрела в небо без боязни...

***

Зачем стучусь в захлопнутую дверь?
И смотришь сквозь цепочку ты с тоскою.
И льётся свет под дверью через щель.
И сердце всё никак не успокою.
А годы между пальцами водой
Все протекли,
На доньшке осталось.
И лучик солнца каплей золотой
С щеки сбегает, вызывая жалость.
Ты не откроешь.
Только слышу я
Биенье сердца где-то за стеною.
И из-под ног скользит опять земля,
Хоть всё не вечно, знаю, под луною.
И мы не вечны.
Канем в темноту.
И сумерки гущаются и зреют.
Тебе прощу смиренно немоту,
Но руку протяни ко мне скорее.

Пускай цепочка с двери соскользнёт.
Ведь годы исчезают между пальцев.
И для души готовится отлёт.
И на земле мы просто постояльцы.
Родные души.
Половинки две
Разломанного жизнью абрикоса.
Но косточка любви, что в глубине,
У одного теперь уж под вопросом.
Но всё стучу...
И знаю, что упасть
Той косточке,
Чтоб прорастало древо.
И зацвела под осень снова страсть.
И ты подхватишь строчку из напева
О той любви,
Что всё ещё живёт
И сердце бередит,
Как птица вишню...
И говорит про скорый перелёт.
Но делаешь вид снова, что не слышно.

МОЕМУ ОТЦУ

Осколок ожил через сорок лет
И шевельнулся робко где-то в теле.
И вспышка заслонила белый свет.
А после всё: остановилось время.
Ты никогда войну не вспоминал.
Исчез тот мальчик,
Что когда-то из-за парты
Ушёл на фронт.
Не в памяти провал,
А просто ветер перепутал карты.
Тебе спасибо,
Что меня берёт:
О той войне узнала лишь из книжек.
Был как в ночи кострища огонёк,
К которому хотелось сесть поближе.
Всё прогорело.
Серая зола,
Что легче пуха,
Что уносит ветром...
И снова смерть глядит из-за угла,
Распахивая землю метр за метром.
Другое поколение.
Та война лишь помнится,
Как детская игрушка.
И непонятно,
В чём же их вина.
Растерянно под цель подводят мушку.

***

Пугают новой войной,
Что перетрёт в труху мой город.
В нём беспилотники как рой
Настырных ос и вечный холод.
И в нём по норам под землёй,
Как крот, запрядешься от света
И ощутишь прозрачной тлёт
Себя, когда свистит ракета.
Должно быть, мир сошёл с ума.
Кружит, как снег, бездумно пепел.
И под землёю – как тюрьма.
И скрип деревьев – стоны петель,
Где выживаешь, не живёшь.
Жизнь – словно сон дурной и рваный.
И всё унять не можешь дрожь.
И каплет жизнь водой из крана.

***

Песок остывает,
Что тёт между пальцев,
И воздух темнеет, как будто вино.
И снова похожи мы все на скитальцев,
Что ищут своё золотое руно...
Волшебная нить,
Что свивалась из света
И вязью ложилась на серый листок,
И как паутинка тянулась из лета,
Запутав в сомнение таинство строк.
Ведь всё облетает:
И листья, и годы.
От рыжего солнца порхает зола.
На чёрных носилках небесные своды
Несёт за собою с одышкой мгла.
Декабрь подступает.
И щёлкают счёты.
И белое с чёрным мешает слеза.
Но мёдом наполнены все ещё соты,
Как камушки в море, промыты глаза.
Их гнойный фонарь на ветру освещает...
И сердце сожмётся: и это пройдёт.
Кукушка замолкла.
Бот спит на причале.
Но ждёшь всё от жизни, как снега, щедрот.

ОСТАНЕТСЯ МОЙ ГОЛОС

**Фёдор
СУХОВ**

Фёдор Григорьевич Сухов – русский поэт-фронтовик, старший лейтенант, командир огневого взвода противотанковых орудий, награждён медалью «За отвагу», орденом «Красной Звезды» и «Великой Отечественной войны», лауреат Всесоюзной премии им. А. Фадеева ЦК ВЛКСМ за лучшее поэтическое произведение о войне к 25-летию Победы – поэму «Былина о неизвестном солдате». Ф. Сухов прожил ровно столько, сколько просуществовал СССР: 1922–1992 гг. Окончив в 1954 году Литературный институт им. М. Горького с отличием, Сухов для работы выбирает разрушенный Сталинград, нуждавшийся в литературных кадрах. В 1957 году вступает в Союз писателей СССР и занимается только серьёзным литературным творчеством. *«Я о войне не заикался, почти ни слова не сказал»*, – заявил поэт в конце 60-х годов, а ведь первое его стихотворение увидело свет в газете «Красная Армия» в 1944 году – *«Нам не забыть эти места, где мы друзей похоронили...»*. Позднее поэт написал ставшее знаменитым стихотворение *«Провожали меня на войну»* (1954), вошедшее во все антологии стихов о Великой Отечественной, поэму *«В подвале универмага»*, переработанную в текст *«Земляника на снегу»* (1958–1974), выбрав сложнейшую тему о пленённом генерал-фельдмаршале Паулюсе – *«Тем генералы хороши, что нет души у генералов...»*; в 1968–1969 годах родилась поэма *«Былина о неизвестном солдате»* с печальными начальными строками: *«Нас всё меньше и меньше, нас почти никого не осталось...»*. «Всё творческое развитие Ф. Сухова убеждает: он не мог уйти от темы войны, она неистребимо жила в нём. «Былина о неизвестном солдате» – самобытное и богатое смыслом и самим звучанием произведение. Так ещё никто не говорил о войне. Фёдор Сухов открывает перед нами новую правду о ней», – отметил литературный критик Вадим Кожинов.

**Е.Ф. Сухова, дочь,
хранительница литературного наследия поэта,
кандидат филологических наук, доцент**

НА СВОЕЙ ЕДИНСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

ВЫЗЫВАЮ НА СЕБЯ ОГОНЬ

Мне говорят, что я такой-сякой,
Я злюсь, бешусь и, остывая, плачу...
А может, я действительно плохой,
А может, вправду ничего не значу?

Скажи, как быть мне, как мне поступить,
Мой давний друг? Но рядом нету друга.
Какой ценой спокойствие купить,
Что полюбить и что мне разлюбить,
Скажи, мой друг? Но рядом нету друга.

Зову его, далёкого, зову,
Вываю всей испытанной любовью.
Но вижу только пепел да золу
Да серых галок над печной трубою.

Я вижу, как слетелось вороньё
Над полем, изувеченным войною.
Выкаркивая дикое враньё,
Оно уже вскружило надо мною.

А друга нет, его всё нет и нет,
Быть может, никогда его не будет.
Взошла луна, её унылый свет –
Меня он не согреет, не остудит.

Хочу забыться я, заснуть хочу,
Но кто-то вдруг натруженной ладонью
Меня тихонько стукнул по плечу,
Как будто облил ключевой водою.

Я вскакиваю. Кто это? Постой,
Да это... Друг мой, кто это? Постой-ка...
Пилотка с зазелёненной звездой,
Окопная простая гимнастёрка.

Кирзовые большие сапоги,
И весь измокший парус плащ-палатки,
И автомат, и сбоку у ноги
Точёный черен шанцевой лопатки.

Я узнаю, себя я узнаю –
Далёкого, былого, фронтового,
Себе, далёкому, я руку подаю
И говорю приветственное слово.

Потом иду я, сквозь огонь иду,
И падаю, и – снова поднимаюсь.
Несу свою священную звезду
К победному, торжественному маю.

Забыт, и сон забыт, забыт покой,
Иду и свято верую в удачу.
Так, значит, я не очень-то плохой,
Так, значит, я чего-нибудь да значу.

А если иноходец мой, мой конь,
А если он споткнулся в самом деле,
Я вызываю на себя огонь:
Тяжёлые, гремите, батареи!

И не жалею, мой давний друг, меня,
И не печаль опущенного взгляда –
Ты сам погиб от своего огня,
От своего тяжёлого снаряда.

1960-е

* * *

Просыпаюсь вместе с петухами,
С пастухами – на ноги встаю
И хватаю жадными руками
Водяную скользкую струю.

Чудотворной свежестью колодца,
Той водой, что льётся из ковша,
Я смываю с глаз своих коросту,
Чтобы с солнцем сблизилась душа.

Чтоб она, душа моя, понуро
По большой дороге не брела.
Чтоб её, как дерево, минула
Молнии калёная стрела.

А уж если встречу с неминуемой,
Тучей повстречаюсь грозовой,
Встану под берёзою дремучей,
Под её развесистой листвою.

В жаркий полдень там, где водянела,
Там, где млела скошенная рожь,
Я услышу всей спиной, всем телом
Зябко набегающую дрожь.

И тогда-то грохнет надо мною,
Вздрагнет потемневшая земля –
Новою неслыханной войною
Ополчится небо на меня.

Только я без стога и без крика
Сгину в полыхающем огне –
Я давно убит на той великой,
На своей единственной войне.

1966

* * *

Могила Неизвестного Солдата,
А над могилой памятная дата...
А над могилой памятная дата
Великой, сокрушительной войны.

Могила Неизвестного Солдата
Под сенью древней каменной стены.
Сменяется почётный караул,
Печатный шаг торжественен и чётко.
...Пехотный полк успешно развернул
Атаку с занимаемых высоток.

Рванулся из окопов. Кто бы знал,
Что значит приподняться и рвануться?
Боюсь, моя далёкая весна,
К твоим тяжёлым ранам прикоснуться.

Воспоминая глухи и пестры.
Вдруг сердце запрокинул пулемётчик.
Снежинок легкокрылые персты
Легли на леденеющие очи.

Потеря единичного бойца
Не очень-то великая потеря.
Полк без потерь в посёлок ворвался,
Спиной запорошённую потя.

Передохнуть бы, посидеть в тепле
Каким-то чудом уцелевшей хаты.
Но так уж повелось, знать, на земле
Своим теплом лишь греются солдаты.

А пулемётчик, тихий паренёк,
Он даже со своим теплом простился.
Декабрьской ночи траурный веночек
На траурную землю опустился:

Кроваво обозначился закат,
Снежинки пеплом сыплются с заката.
Бельмом окна взглянула на солдат
Давным-давно не топленная хата.

Сильнее заворачивал мороз,
Щетинился примкнутыми штыками.
Рассыпчато хрустел он, как овёс,
Нешибкими, усталыми шагами.

Полк уходил на запад, на закат,
Юлясь, стелилась по полю позёмка,
Змеилась возле овдовевших хат
Другого одинокого посёлка.

Но вскоре всё утихло, улеглось.
Смягчился, успокоился мороз,
Он больше нос свой никуда не сунет,
Он чуть ли не до пояса оброс
Седой, слюнявой бородой сосулук.

Оттаяли, очнулись, отошли
Небесно голубеющие очи.
Он приподнялся, встал с сырой земли,
Покинутый, забытый пулемётчик.

«Держись, дружок, подальше от огня», –
Струилась в уши чья-то осторожность.
Но он сказал:

«Да разве можно?
Товарищи! Да как же без меня?..»

Шагал солдат с увала на увал,
При пушке был он и при миномёте.
Случалось так: он даже побывал
В штрафной, изрядно поредевшей роте.

А умирая, об одном просил,
Чтоб больше небо никогда не мглолось,
Чтобы его могильный холмик был
Последнею солдатскою могилой.

Чтоб жаворонок высоко вспорхнул,
Хмельной от солнца, радости, весны.
...Сменяется почётный караул
Под сенью древней каменной стены.

**Виктор
БОЧЕНКОВ**

МИХАИЛ АЛЕКСЕЕВ: ОТЧИЙ КРАЙ, ТРУД, ДОСТОИНСТВО ЧЕЛОВЕКА

В очерке «Познай самого себя!..» Михаил Алексеев указывал, что день его рождения в официальных биографиях и в паспорте не совсем точен. Он родился не в мае 1918 года, а около Михайлова дня. Собор архистратига Михаила и прочих святых небесных сил бесплотных, как называется этот праздник полностью, приходится на 21 ноября нового стиля.

Но, касаясь детства, писатель не сумеет обойти ни в автобиографии, ни в некоторых других своих произведениях голод 1933 года в Поволжье. После него в Монастырском Саратовской области, а тогда – Нижне-Волжского края, от шестисот домов осталось только сто пятьдесят. В 1934-м Михаил Алексеев остался один в избе-пятистенке. Сам доил корову и пёк хлеб. Голод ускорил смерть отца и матери, а братья разлетелись кто куда. «Я, вероятно, должен был бы написать о тридцать третьем целую книгу, но никак не соберусь с духом: ведь для этого мне пришлось бы пережить всё сызнова». И всё-таки она была написана. Роман «Драчуны» Михаил Алексеев опубликовал с продолжением в трёх номерах журнала «Наш современник» в 1981-м...

Кое-как сводя концы с концами, Михаил Алексеев окончил в 1936-м школу, а потом поступил в Аткарское педагогическое училище. Отправив туда документы, он по дороге домой увидел кем-то брошенную или потерянную «Правду». Там сообщалось о смерти Горького. Это произошло 18 июня 1936 года. Михаил Алексеев в своих воспоминаниях упомянул о снимке: Горький в гробу. Действительно, «Правда» от 20 июня опубликовала фотоснимок, где у гроба писателя, обложенного венками, стояли в Колонном зале Кремля Молотов, Сталин, Орджоникид-

-
- Виктор Вячеславович Боченков родился в 1968 году в Калуге. Окончил Калужский государственный педагогический институт, Литературный институт им. А. М. Горького. Кандидат филологических наук. Автор монографии «П. И. Мельников (Андрей Печерский): мировоззрение, творчество, старообрядчество» (2008), работ по истории русского старообрядчества, сборника литературоведческих эссе «По голгофским русским пригоркам» (2020) – о творчестве отечественных и зарубежных писателей. Публиковался в журналах «Москва», «Наш современник», «Молодая гвардия». Лауреат Национальной премии «Имперская культура» имени Эдуарда Володина (2022).

зе и Андрей Андреев. Вторая и третья страницы тоже были отведены траурной теме. «В своей избе, одинокий и несчастный, я проплакал до самой ночи: умер человек, который был мне так нужен. В самый трудный час своего сиротства я вспоминал о нём или брал в руки его книгу, и мне неизменно становилось легче»¹. Приводя это признание, я думаю, потрясла бы кого-нибудь сейчас, до самых слёз, смерть какого-нибудь писателя – так, словно бы ушёл самый близкий тебе человек? Вряд ли. И не потому, что мы очерствели, хотя и эту причину можно упомянуть. Нет писателя, который был бы выразителем совести народной, как бы высоко жизнь и власть имущие его ни вознесли...

Алексеев не закончил педагогическое училище: был призван в армию. А там, дальше, война... Он прошёл путь от рядового до подполковника. Был командиром миномётной роты, заместителем командира батареи, политработником, военным журналистом. Первым его крупным произведением стал роман «Солдаты» (1951–1953) о заключительном периоде Великой Отечественной войны. Мирным будням советских воинов посвящена его повесть «Наследники» (1957). Михаил Алексеев окончил Высшие литературные курсы, работал редактором военного издательства.

Но я вернусь к его автобиографии «Познай самого себя». В детстве Михаил Алексеев представлял себе писателей необыкновенными людьми. У них голова должна быть обязательно больше, представлялось ему, чем у всех других людей. «Шутка сказать: написать книгу! Книги ведь пишут Пушкины, Гоголи, Толстые и евангелисты Иоанн, Матфей, Марк, Лука да ещё апостол Павел – этих последних я начитался у нашего соседа, кулугурского священника отца Василия, или Василия Гордеевича, как по-простому звал его мой отец. Так что сочинители, думалось мне, люди иного мира, и к ним не применима наша земная мера»².

Всё точно. «Кулугурский» значит старообрядческий. Это расхожее уничижительное прозвище, сами старообрядцы себя так не называли. Работая с документами архива митрополии Русской православной старообрядческой церкви, я уточнил, о ком идёт речь. Священник Василий Гордеевич Дмитриев был рукоположен для старообрядческого прихода села Монастырского в 1923 году. Население здесь было смешанным, старообрядцев жило немало. В 1931-м, когда полным ходом пошла коллективизация, судебная тройка при Полномочном представительстве ОГПУ Нижне-Волжского края приговорила священника, обвинив в контрреволюционной пропаганде, к десяти годам заключения. Я не знаю дальнейшую судьбу соседа семьи Алексеевых. Сами они старообрядцами не были, но соседство, как видим, на ребёнка влияние оказало, внушив своё, пусть пока наивное, представление о серьёзности и высоте писательского труда.

Потом другая книга, попавшая юному Михаилу в руки, дала понять, что литературное ремесло ему по силам. То был роман «Большевики», автор – полный тёзка, тоже Михаил Алексеев. Возможно, в воспоминаниях имелось в виду издание 1928 или 1929 года, подготовленное «Московским рабочим», около трёхсот страниц. Оказывается, и с самой обыкновенной фамилией можно сочинять романы!

В 1950-е годы Михаил Алексеев писал только о войне: «Солдаты», «Наследники», «Дивизионка»... «Вишнёвый омут» стал попыткой уйти

¹ Алексеев М. Н. «Познай самого себя!..» // Собр. соч. В 6 т. М., 1977. Т. 6. С. 14.

² Алексеев М. Н. Там же. С. 19.

к деревенской теме. Главный герой романа Михаил Харламов был напрямую списан с деда писателя, о чём Алексеев рассказал в «Познай самого себя!..», как и его мать – Настасья Хохлушка, соответственно, прабабка писателя. «С прабабушки и с деда началось в селе Монастырском увлечение садами... Дедушкин сад – это был для нас, детей, мир почти волшебный. Мы росли в этом мире. И гибель сада в тридцатых годах – незаживающая рана в моём сердце»³. В романе подробно рассказывается, как это происходило. Только действие разворачивается в военные сороковые.

Если у Чехова вырубают вишнёвый сад, у Алексеева – напротив, герой засаживает молодыми деревьями весь участок своей земли. Если Глеб Успенский раскрыл власть земли над крестьянским миропониманием, то Алексеев показал власть человека над землёй. Я сказал, что «Вишнёвый омут» – поворот к деревенской теме. Так и не так. Это не означает радикальных перемен: нужно было осознать, откуда взялся тот человек, что победил в войне. А значит, заглянуть в давно ушедшие времена...

Не будем сейчас пытаться выяснять причины, но факт есть факт: роман был отклонён журналами «Октябрь» (Всеволод Кочетов) и «Нева» (Сергей Воронин). Возвращённая рукопись осталась у Алексеева, и, как он сам признавался потом, её «чуть не выкрал из моего письменного стола совсем ещё юный тогда поэт Владимир Фирсов и отнёс в журнал «Молодая гвардия» в августе, кажется, 1961 года, а в ноябрьской и декабрьской книжках этого журнала роман был напечатан и с тех пор издаётся чуть ли не каждый год в разных московских издательствах»⁴.

Нужно добавить, что в 1962 году «Вишнёвый омут» опубликовала «Роман-газета» (№ 11). Тогда же отдельной книгой выпустило роман в свет издательство «Молодая гвардия». Он разошёлся по Советскому Союзу огромным тиражом. Неоднократно переиздавался в последующие годы. Был экранизирован в 1985-м.

Всё имеет свою историю. Селение Савкин Затон, где разворачивается действие, названо было по фамилии здешнего семейства. Глава его, Гурьян Дормидонтович Савкин, водился и дружил, как рассказывали, с нечистой силой Вишнёвого омота. И жена у него будто бы была колдуньей. Вокруг села расстилались княжеские и графские земли. Ими владели Шереметевы, Чаадаевы, Нарышкины и многие другие именитые фамилии, только Савкин Затон не принадлежал никому из них. Изначально это было владение одного подмосковного монастыря. «Сюда, в один из глухих уголков Саратовщины, высылались на работу узники монастырской обители – в основном беглые мужики северных окраин России, преимущественно владимирские и вологодские». Здесь сложились особые говор и уклад. Одним из первых поселенцев был прадед Гурьяна Савкина. Семейная история этого рода – одна из линий романа. Она протянется с XIX века до самого начала 1940-х. Гурьян Дормидонтович – это сила буйная, это стихия: может полуторагодовалого быка кулаком убить одним ударом, а захочет – по миру пустит. Савкины живут в селе сами по себе. «Когда-то в Савкином Затоне насчитывалось всего двадцать дворов, а ныне их уже пятьсот. В селе – невиданное дело! – три церкви, три веры: старообрядческая, православная и третья, уж не знаю, какая, – вера Савкиных. За сотни лет Савкины так расплодились, что составляли едва ли не треть села».

³ Алексеев М. Н. Там же. С. 9.

⁴ Алексеев М. Н. Там же. С. 34.

Вишнёвый омут безначален, у него одного – нет истории. Он как будто бы всегда существовал близ Савкина Затона. И никто не знает, когда он возник, почему его так назвали. Он олицетворяет собой неведомую силу и внушает страх. Но именно вокруг него завязывается действие.

Откуда-то издалёка пришёл в село неведомый человек. Здесь, на берегу речушки Игрицы, взялся он корчевать дубы, осины, вязы, срубленные деревья оттащивал сам: лошади у него пока не было. То был Михаил Аверьянович Харламов. Мать его, по прозвищу Настасья Хохлушка, была из Полтавской губернии. Он выкупил земли и решил посадить яблони и груши. «Чтоб люди перестали вишнёвого омута бояться». Им движет сила созидательного преобразования. Конфликт «Вишнёвого омута» выстроен на столкновении двух стихий: стяжания и созидания, преобразования и эгоистичного властвования над природой и людьми, которое ломает человеческие судьбы. Девушку Ульяну, Ульку, которой нравился Михаил, силой выдали замуж за одного из сыновей Савкина; во время венчания она сошла с ума. Её истязали плетью...

Сад со временем вырос. В нём поселились птицы. Он стал мало-помалу менять отношение людей к жизни, сделавшись в селе своеобразной точкой притяжения, вызывая у Савкиных зависть. Примеру Харламова последовали некоторые другие жители.

Есть в романе другие символы мироустройства, та же, например, печь в крестьянской избе. Это любимое место детей. Зимой здесь тепло, бабушка Настасья рассказывает сказки про ведьм, домовых и водяных. В печи пекут блины и лепёшки. Отсюда можно наблюдать за проказами загнанных в дом от холодов ягнят и козлят. Печь – почти живое существо, собирающее вокруг себя взрослых. Она у Алексеева – олицетворение исконной доброты, щедрости и женского начала; сравнивается с «хорошо потрудившейся деревенской бабой», с насупленной мачехой, с невестой (когда её поздней осенью побелят). Всё зависит от того, как и для чего используют печь, что происходит вокруг. На печи сушат яблоки, снопы конопли, с неё можно прыгать в принесённую с мороза солому. Изба – целая вселенная, печь – её центр, всё движется вокруг неё, вся жизнь и быт. В любое время года...

А живучий осокорь, который не так-то просто срубить? В конце романа, когда уже случился на усадьбе Савкиных пожар – не вызвавшая сочувствия у односельчан беда, – но ещё не пришла новость о свержении царя, герой по имени Карпушка решил свалить вековое дерево. Не смог. «Осокорь, поживший на свете не одну сотню лет и переживший не одно царство на земле, достигший не менее тридцати метров в высоту и метра полтора в ширину, крепко держался за породившую его землю и вовсе не хотел расставаться с жизнью. Он выбросил роскошную, буйную свою крону к самому небу и весело шумел ею в вышине, глядел во все стороны на раскинувшийся перед ним и исчезающий в далёкой сизой дымке огромный мир. Чего только ни делал с ним Карпушка, к каким только злодейским ухищрениям ни прибегал, чтобы сгубить дерево, а осокорь стоит себе да стоит! Сначала Карпушке думалось, что вот он подрубит вокруг ствола кору, и осокорь засохнет. Но не тут-то было! Осокорь и не помышлял сдаваться. Назло человеку он зацвёл ещё гуще, земные соки, спеша на выручку своему дитищу, неужеримо рванулись к ветвям прямо по древесине, а через месяц зарубцевалась и рана, оставив после себя только бугристое, узловатое кольцо»⁵.

⁵ Алексеев М. Н. Вишнёвый омут // Собрание сочинений: в 6 т. М., 1976. Т. 3. С. 130.

Алексеев обладал умением в небольших эпизодах раскрыть множество смысловых значений. Тут ведь не просто неудача в расчистке земли. Тут, конечно, и злая человеческая воля-прихоть, не знающая себе меры, когда всю природу хочется подчинить; тут и борьба со временем, с прошлым, которое было до тебя, и с будущим, которое уходит в века корнями. Тут столкнулись, как в поединке (да почему «как»?!), неистощимая, стихийная сила жизни и ограниченность человеческого разума, которому не всё, однако – к счастью или нет – подвластно. Только своя почва, только родина даёт силы держаться и стоять. «Живи! Люблю упрямых!» – сдался Карпушка, не желая признать, что проиграл.

Первая часть романа завершается событиями мировой войны и Февральской революцией, но действие не выходит за рамки села. Перед Савкиными встаёт неотвратимый вопрос: «Что же теперь будет?» Ломается весь прежний уклад, и уходит, стало быть, их власть... Сам Гурьян погибает; рассвирепевший бык на сельской тропе вогнал в него оба рога... «Две тёмные силы не уступили друг другу, писал об этом эпизоде поэт Василий Фёдоров в «Литературной России». – Бродячий свирепый бык – это вторая половина того же Савкина, тёмная душа его, обезумевшая от ярости»⁶. С его смертью гибнут и «корни старого мира» в селе.

Вторая часть романа посвящена становлению нового, советского уклада в Савкином Затоне. Михаил Харламов останется при саде, правление колхоза назначило его старшим садовником. У него внуки... Ему также свойственна та прежняя философия глубинного родства: человек, ставший отныне «хозяином» земли, не чужд ей, но слит с ней, связан. «...Почему не учат вас любить родную природу? Не научившись любить её, вы не научитесь и по-настоящему любить родину свою, а человек без родины – не человек, а так, тля, букашка»⁷.

Люди перестали бояться тёмных сил Вишнёвого омута. Человек медленно стал меняться, стал раскрепощённой и свободней, но, если снова вернуться к Михаилу Харламову, не от уз родства. Даже когда нет веры в Бога, должно оставаться что-то святое в людях. Характерным кажется его разговор с внуком Иваном, который зовёт его в Народный дом на лекцию «Религия – опиум и дурман для народа». «Я, признаться, и сам не шибко верю в Бога, а пойду, к примеру, ко всенощной и простою на ногах с вечера и до самого аж утра. А в нардоме и одного часу не вытерплю», – признаётся Михаил Харламов. Там курят, в чаду горланят частушки. И сам этот нардом – сарай сараем. «Хоть умом-то и соображаю: всё это выдумка поповская, никакого Христа на самом деле нету. Вот оно и опиум!» Но в церкви вся обстановка подчёркивает святость места. Главное здесь – ощущение родства, встречи с родными. «Там и огни паникадил, и картины разные, нарисованные, наверно, самыми лучшими рисовальщиками. А хор? Поют-то в нём знакомые всё люди, наши же затонские мужики да девчата. А как поют! На глаза слёзы навёртываются, а за спиной вроде бы крылья вырастают». «И не в иконах, не в паникадилах тут дело, Ванюшка! А чтобы было в том нардоме всегда светло, чисто, чтобы, подходя к нему, захотелось снять шапку. А ведь у вас там и шапок-то не сымают... А в церковь не войдёшь в шапке, сдерёшь её с головы ещё в ограде. И на пол не плюнешь, как в нардоме, а ежели

⁶ Фёдоров В. Д. Трагедия любви // Литературная Россия. 1963. № 4, 25 января. С. 5.

⁷ Алексеев М. Н. Вишнёвый омут // Собрание сочинений: в 6 т. М., 1976. Т. 3. С. 183.

и плюнешь, сват Иван Мороз такую затрещину залепит, что век помнить будешь...»

Родство в этом споре с внуком понимается шире, чем обычная связь людей: брат, сват, кум, кума. Тут даже не родство, тут духовное единение вокруг святого делания, пусть оно стало привычкой. Образ сада, прирастая другими смыслами, расширяется до символа, до бесконечного количества значений от библейского сада-рая до социально-политического устройства в стране и вообще в мире.

«Дуб растёт сотни лет, – рассуждает дальше Михаил Харламов, – а спилить его можно за десять минут, придумаете же такую технику – за один миг спилите... Только скучно будет вам жить на голой-то земле. Социализм, о котором вы так много балакаете с твоим дядей Павлом, без сада не дюже красен. Так я думаю...»⁸

Зимой 1942 года затонцы были вынуждены вырубить сад, посаженный Михаилом Харламовым. Требовались дрова, чтобы топить печи. Чтобы выжили дети тех, кто ушёл на фронт... Это было дороже всего. Сад ведь можно снова посадить. После войны.

«Вишнёвый омут» вызвал множество статей в литературных журналах и газетах. Я солидарен со многими критиками, но давайте к ним обратимся позже. Сохранилось несколько читательских откликов на роман. Начнём с них.

Этот, на имя тогдашнего главного редактора, был очень неодобрительным:

«Уважаемый товарищ ПРИШВИН!

Читал ноябрьский номер журнала «Молодая гвардия». Казалось бы, что само название журнала говорит о молодёжном духе его содержания. Но увы! Открываешь журнал и натыкаешься на неинтереснейший роман Михаила Алексева. Этот роман пропитан мрачным и цвёлым запахом давно минувших дней. Зачем он нам, молодым, этот запах? Разве не о чем сейчас больше писать? Что узнает молодой читатель из произведения под очень удачным заголовком «Вишнёвый омут»? Ничего! На протяжении почти ста страниц читатель встречает только описания свадеб (в основном!). Причём невест здесь, как по трафарету, выдают замуж насильно. И в обоих случаях их разлучают с любимыми.

Хочется спросить редакцию журнала, подготовившую роман к печати, и его автора: что нового почерпнул молодой читатель из этого произведения? На каком факте здесь можно остановиться и сказать: «Вот это молодёжь! Наша, советская! Вот это сила, свежесть!»

Такого факта нет в романе Алексева. Нет его и в повести Бориса Костюковского. В самых больших материалах журнала № 11 безвозвратно потерял главный герой наших дней – молодой строитель. Это строитель нового общества. Он слесарь и геолог, секретарь обкома комсомола и архитектор, строитель ГЭС и художник. Это герой сегодняшнего дня. О нём-то и должен писать журнал «Молодая гвардия». Но пока ещё этого нет.

Правда, должное нужно отдать рассказу Юрия Качаева. Он сумел хорошо показать молодёжь как она есть. Но что такое рассказ на несколько страниц по сравнению с романом?

⁸ Алексеев М. Н. Вишнёвый омут // Собрание сочинений: в 6 т. М., 1976. Т. 3. С. 184.

В заключение хочу выразить надежду, что журнал будет писать о молодой гвардии наших дней. Писать интересно, увлекательно.

С уважением к вам А. Аникин⁹.»

Судя по пометке в левом верхнем углу, письмо было передано Олегу Смирнову. Он вёл отдел прозы.

Я попробовал представить себе этого читателя: кто он? Ну, во-первых, владеет печатной машинкой, значит, знает, как слово на бумажном листе «появляется на свет». Не дворник, не рабочий. Интеллигент. Но для него не существует прошлого. Оно как отрезано. Задачи литературы ограничены исключительно настоящим. Читатель ищет молодого героя-современника, но именно в русле официальной литературы и критики; герой этот – создатель, творец и строитель – действительно привлекателен, в том числе как образец собственного жизнестроительства. А прошлое... Не лучше ли от него избавиться совсем? Почему так? Да отчасти потому, что всюду перед глазами лозунги: следующее поколение – через каких-то двадцать лет! – будет жить при коммунизме, пусть ненужный, «цвѣлый запах» прошлого навсегда останется позади. По идеологическим «трафаретам» начала шестидесятых мыслит автор письма. Вместе с тем понятен и его интерес к происходящему в стране: то, что свершается сейчас, на глазах, действительно велико и достойно литературы. Однако «неинтереснейший роман» он почему-то прочёл, похвалив только заголовок...

Работая над этой статьёй, я листал старую подшивку «Литературной России». Самое начало 1962 года. То же самое время, когда был опубликован «Вишнёвый омут» и некий читатель Аникин требовал публиковать произведение о современности... Мне попалось на глаза стихотворение Роберта Рождественского «Дом». Оно удивительным образом перекликалось с тем, на что сетовал читатель комсомольского журнала. Значит, за откликом стояло не просто настроение отдельного человека, кстати, оставшегося в своих оценках в явном меньшинстве, но он выразил образ мыслей определённой части людей. Герой Рождественского тоже стремится уничтожить все следы прошлого, а оно продолжает ему являться:

*Не передашь никаким врачам,
как лампы дрожат
погасшие.
Как появляется
по ночам
прошлое
прошагавшее... <...>
Поймите,
я дом этот
знаю весь!
Знаю его
до косточки.
Я в нём переставил
каждую вещь,
перелистал
до корки.*

⁹ Аникин А. Письмо А. Пришвину, 12 ноября 1961 г. // РГАСПИ. Ф.73М. Оп. 1. Д. 29. Л. 17

*Всю рухлядь из дома
выжег огнём
(старьё горело прекрасно!).
Я перекрасил
все стены
в нём –
а прошлое
прёт
сквозь краски!
Как будто со мной играет
оно!
То вдруг далеко,
то близко...
Поймите,
богам
я не верю давно
и хохочу
над призраками!..
Но прошлое
бродит!
Его глаза
глядят
широко и бессонно.
Оно исчезает,
мне пальцем
грозя,
с первым дыханием
солнца.*

Сформировался особый тип беспочвенного человека (и писателя), для которого события прошлого, славные или горестные, не стали его личным со-бытием. Эти стихи – его исповедь или, если угодно, манифест. Прошлое иррационально и чудовищно. Оно не поддаётся осмыслению. Его лучше уничтожить. С восходом солнца наступает новый отсчёт времени. Призрак уходит, готовый вернуться. Он страшен. С утром начинается новая история государства, с прошлым проведена межа, разорвана связь и в сознании «жильца». Старьё надо сжечь, точнее, «выжечь», то есть очистить огнём. Среди стилистических значений этого глагола есть и такое. Здесь, в стихах. Он неспроста. Это очищение от истории. И Рождественский пишет это, когда поднимается движение в защиту памятников старины. Можно возразить: имеются в виду только годы «культа». Но это не оговаривается – раз; это всё равно стремление разбить прошлое на фрагментарные куски – два.

Остаётся сделать ещё несколько коротких примечаний к письму. Повесть Бориса Костюковского «Где прячется солнце» рассказывала о мальчишке по имени Андрейка, который живёт в забайкальской степи, его отец – колхозный пастух, занесён на Доску почёта... И Андрейка многое перенял от него, он знает, что делать, чтобы овцы давали больше шерсти, как за ними ухаживать, как стричь и кормить, выгонять на водопой. Ребёнок живёт в мире, где люди и животные почти равны, здесь вместо домов – юрты, здесь есть буддийский дацан, где ламы молятся богам, здесь в авторское повествование исподволь входит особый мир бурятских сказок. Может быть, эта повесть не шедевр, но те «строители», о которых говорил автор пись-

ма, здесь точно ни к чему. Она без них хороша. Если попытаться сформулировать её тему в двух словах, я бы сказал так: человеческая чистота. Разумеется, в духовном смысле. Чистота отношений ко всему, что тебя окружает: животные, люди, труд, вообще – мир как таковой... Рассказ Юрия Качева «Третий лишний» – это «романтика преодоления»: геологи в тайге, двое парней и девушка. Суровая природа и человеческое мужество, всё побеждающее, кроме собственных страстей. Ну, молодёжь тут, конечно, показана, только нельзя ведь всю её разностороннюю жизнь втиснуть в рамки одного жанра.

В архивной папке с читательскими откликами сохранилось письмо группы военнослужащих из Томска:

«Дорогая редакция!

Прочитав роман Михаила Алексеева «Вишнёвый омут», напечатанный в журнале «Молодая гвардия», мы, группа воинов, решили написать вам письмо. Мы от души хотим поблагодарить товарища Михаила Алексеева за эту замечательную книгу. Но его адреса мы не знаем и поэтому решили обратиться через редакцию. Мы желаем товарищу Алексееву дальнейшей плодотворной деятельности и, если это возможно, иметь переписку»¹⁰.

И ещё одно письмо. Оно написано на обычном тетрадном листе в линейку. Судя по почерку, человек не слишком уверенно владел мастерством изложения своих мыслей на бумаге, но главное здесь – то искреннее чувство, пусть сбивчиво выраженное, с каким он старался это сделать, взявшись за перо:

«Товарищ Алексеев! Прочитав ваш роман «Вишнёвый омут» в журнале «Молодая гвардия» в № 11 и № 12, мы остались опьянёнными этим рассказом о прошлой жизни и настоящей, за этот рассказ мы вам очень признательны и верим в вашу силу в дальнейшем – просветить людей, не постигших такой жизни и продолжающих жить с закрытыми глазами как на прошлое, так и на настоящее. Мы вас просим просветить людей, которые не постигали [не разбираю одно слово: прошлой? простой? – В.Б.] жизни, а настоящая жизнь у нас перед глазами, а прошлую жизнь мы помним пересказами истории и наших предков, наших дедов и отцов, матерей, а вы нам яркую картину прошлой жизни описали в своём рассказе. После прочитанного у нас осталось самое хорошее впечатление о вас. Тов. Алексеев, просим вас написать ещё что-нибудь необыкновенно интересное, в чём выражаем к вам искреннее признание»¹¹.

Внизу стоит несколько подписей, они выведены тем же почерком. Я разбираю «Павлов» и имя «Виктор». Странное дело (я не впервые замечаю такое): человек, овладевший грамотой далеко не во всех её тонкостях (скажем так), понял и принял роман, авторские идеи, искренне сопереживает событиям и героям, но тот, кто освоил печатную машинку, обладая, следовательно,

¹⁰ Военнослужащие в/ч 01031–3. Письмо в редакцию журнала «Молодая гвардия», 1961 г. // Там же. Л. 18. Под письмом указано, что оно написано «по поручению группы воинов», далее следуют фамилии: младший сержант Нагорный, рядовые Егупов, Давлетгаров, Хафизов, Орлов, Зарипов и др.

¹¹ Групповое письмо М. Алексееву, 1961 г. // Там же. Л. 19.

намного большим уровнем образованности, не узрел в нём ни «мысли семейной», которая тесно переплетена с преемственностью поколений, с осмыслением человеческого предназначения на земле, ни проникновенного лиризма тех страниц, когда разговор идёт о человеке и природе, их едином сосуществовании (опасный омут, прозванный Вишнёвым, становится своеобразной, почти мифологической осью бытия), не почувствовал даже алексеевского юмора... Вспомнить, к примеру, рассказ, как Карпушка ловил за хвост волка (бирюка), когда хищник охотился на его овец зимой в закуте. Это же действительно смешно! Это почти особый жанр – народная байка. Но – стоп.

Под настойчивую директиву писать о молодом строителе «Вишнёвый омут» точно не подходит. А действительно, что узнает молодой читатель из произведения под этим «очень удачным заголовком»? Что-то же в нём тронуло солдат и младшего сержанта из Томска – людей, безусловно, не пожилых, – подтолкнув написать в редакцию?

После того как «Вишнёвый омут» был опубликован, редколлегия «Молодой гвардии» – уже с Олегом Смирновым во главе, исполнявшим обязанности главного редактора, поскольку Андрей Пришвин вскоре ушёл, – выдвинула роман на соискание Ленинской премии¹². Награда была в итоге присвоена, но позже, в 1966-м, и другая – Государственная премия РСФСР имени Горького.

А теперь посмотрим, что писали об «Омуте» в ведущих литературных изданиях. На роман откликнулись и «Нева», и «Октябрь», которые его прежде отвергли¹³. Приведу краткие выписки из некоторых статей.

Искра Денисова («Октябрь»): «Новый роман Михаила Алексея «Вишнёвый омут» крепко берёт за душу глубоким «чувством земли», знанием деревни, её быта, а главное – любовным проникновением в психологию трудового человека, посвятившего всю жизнь и всю силу рук своим украшению земли». «Очень сильно и поэтично воплощает Михаил Алексеев светлую идею, зародившуюся в недрах народной души и мудрую от векового опыта многих поколений: если добро и красота идут вместе, рука об руку, они непобедимы. И это слияние нравственного и эстетического начал, столь характерное для народного творчества, выражается в романе «Вишнёвый омут» в характере главного героя – простого крестьянина Михаила Аверьяновича Харитоновича». Искра Денисова также отметила крепкую связь романа с эстетикой народных героических сказов и былин, величие подвига главного героя, поставившего себе

¹² Выписка из решения редколлегии журнала «Молодая гвардия», б/д // РГАСПИ. Ф. М-73. Оп. 1. Д. 18. Л. 1.

¹³ Денисова И. В. Порыв к красоте // Октябрь. 1962. № 3. С. 206–207; Шевелев Н. Сады будут цвести // Наш современник. 1962. № 5. С. 219–220; Литвинов В. Что есть доброта? // Москва. 1962. № 5. С. 200–202; Назаренко Я. Сад цветёт // Нева. 1962. № 6. С. 202–203; Бахметьева Е. Новый роман Михаила Алексея // Звезда. 1962. № 6. С. 202–203; Цыбин В. Д. Поэзия родной земли // Знамя. 1962. № 10. С. 219–221; Щеглов С. Сад у Вишнёвого омута // Сибирские огни. 1962. № 11. С. 183–185. Газетные публикации: Фёдоров В. Поэма о душе народной // Литература и жизнь. 1962. № 5, 12 января. С. 3; Осетров Е. В начале было Слово // Литературная газета. 1962. № 76. С. 3; Тубарина О., Гагулина Н. Правдиво, интересно // Правда. 1962. № 283, 10 октября. С. 4 (читательское письмо в газету); Полторацкий В. Семья Харламовых // Литературная газета. 1963. № 19. С. 3; Шахмагонов Ф. Поэзия и жизнь // Труд. 1962. 17 июля. С. 4; Асеев Н. Конец Вишнёвого омута // Известия: Московский вечерний выпуск. 1962. № 163, 11 июля. С. 6; Фёдоров В. Трагедия любви // Литературная Россия. 1963. № 4, 25 января. С. 5. К этим откликам о «Вишнёвом омуте» можно добавить статью Николая Далады, написанную в качестве предисловия к сборнику Михаила Алексея «Избранное» (издательство «Московский рабочий», 1967 г.).

цель «насаждать красоту и добро, заронить в людские души радость открытия прекрасного». На это способен лишь сильный духом человек.

Владимир Цыбин («Знамя»): «А нравятся мне они, герои Алексеева, потому, что люди это жизнерадостные, гордые, творящие жизнь и ненавидящие зло. Это могучие натуры. Алексеева отличает любовь к людям сильным, активным, крепко стоящим на ногах. Такие люди могут совладать с землёй. Они и любят её, землю, заботятся о ней...» Писатель утверждает свою веру в красоту, в силу и правду того дела, которое начал Михаил Харламов. Пусть его сад вырублен до последнего деревца, он воскреснет в будущем. «Тема красоты нарастает к концу романа; красотой всё больше определяют отношения людей. Это пафос произведения; пафос этот современен».

Елена Бахметьева («Звезда»): «Одним из достоинств романа является то обстоятельство, что Михаилу Алексееву удалось найти убедительную пропорцию между общественно-исторической жизнью страны в целом и личной судьбой человека. Социальные события не выпирают из повествования и не выглядят стальным каркасом, к которому прикрепляется живая плоть человеческого бытия. Не события сами по себе, а человек в событиях – в центре внимания Михаила Алексеева. Одной-двумя фразами, брошенными как будто мимоходом: «Царя, вишь, в Петербурге убили, Александра Освободителя»; «Где-то далеко-далеко, именно на самом краю света, началась война, и о Петре вспомнили»; «Сват, слышь-ка, царя, вишь, спихнули» и т.д. – автор ведёт общественно-историческую нить событий, порой изменяющих устоявшийся быт затонцев. Так по отдельным звеньям, порой далеко отстоящим друг от друга, восстанавливается вся цепь. Причём эта цепь крупных социально-общественных явлений органически вплетена в ткань повествования». К особым удачам романа критик – автор вузовских учебников по русской советской литературе – добавляет «поэтичное, эмоциональное и вместе с тем конкретное и достоверное описание природы». Алексееву в «Вишнёвом омуте» удалось передать ощущение «полноты бытия в единстве человека и природы». Недостатки – ненужная иногда сентиментальность. «Иногда кажется нарочитой многократно подчёркиваемая символика живительной силы сада. Несколько прямолинейным кажется конец романа. Но это всё – досадные частности».

В. Литвинов («Москва»): «Сад же этот – от первого саженца – у нас на глазах: в живописном, пластическом изображении. Мы знаем каждую яблоню поимённо, её нор и каприз, её почти что человеческую историю. Действие романа неизменно возвращается в сад и завершается тогда, когда обрывается жизнь яблонь, вырубленных вдовами в студёную военную зиму. Сад здесь с полным основанием можно назвать главным героем романа (говорят ведь о некоторых книгах: «герой её – город» или «герой её – целина», хотя в любом таком случае никто не обманывается в действительной цели художественного произведения, всегда принадлежащего только человековедению, но не почвоведению или садоводству). К человеку каждой своей ветвью обращён и сад Михаила Алексеева».

Н. Шевелёв («Наш современник»): «Язык писателя, образный, выразительный, скорее всего не предмет непосильного труда и поисков художника, а, на наш взгляд, живая стихия, выражение, так сказать, его души. Умело используя эту речевую стихию, Алексеев придаёт своему повествованию то сдержанно спокойный, порой шуточный, то резкий, стремительный тон». «Благородство, душевный мир, красота его героев учат по-настоящему любить и понимать жизнь, дорожить ею, ненавидеть подлость, ложь – всё то, что делает человека не хозяином жизни, а её рабом». «Алексеев не мора-

лист в строгом смысле этого слова, в его романе нет назойливых поучающих ноток». «В романе немало лирических, философских отступлений, свидетельствующих о большой наблюдательности писателя, о его мастерстве». Недостатки: «некоторая скороговорка в последних главах; недостаточно показаны события, связанные с Великим Октябрем в деревне. Автора могут упрекнуть в том, что он недостаточно полно раскрыл характер коммуниста Орланина. Однако в этом случае критикам можно возразить: зато показал рост самосознания беспартийных людей, борьбу их за коммунистические идеалы. Автор как бы подчёркивает всей своей книгой мысль о том, что партийность – в народе, в массе тружеников города и деревни, вставших под руководством партии на светлый путь новой жизни». Интересный для критической статьи ход: недостатки превращаются в достоинства...

Евгений Осетров («Литературная газета») отметил по поводу одной из сцен романа: «Читатель испытывает от прочитанного облагораживающее, возвышающее чувство. Впечатление такое, словно слушаешь бесхитростный, правдивый рассказ, сидя в деревенском доме, где доподлинно знают всё случившееся в округе, где воздают по заслугам за доброе и злое. Но рассказ этот не замкнут в стенах дома. Огромные события, происходящие в стране, решающим образом влияют на судьбы героев».

Наблюдения критика продолжают тему, которой коснулась Елена Бахметьева в «Звезде»: «Автор менее всего склонен своими образами иллюстрировать сцепление исторических событий. Самые лирические страницы посвящены героям, находящимся в привычной для них атмосфере родной деревенской жизни. Тяжкий труд, праздник, забавное происшествие – всё пленяет непосредственностью, глубиной и точностью изображения. Вчитайтесь, с каким знанием и непридуманной симпатией рассказывает писатель, чем хороша русская печь». «...» «Вишнёвый омут» – не этнографическое исследование, не хроникальное повествование о жизни захолустного края. Автор видит и свет, и тени: он далёк от поверхностного взгляда на патриархальный хозяйственный уклад. Ему известна «скудость» старой деревенской жизни, и поэтому наиболее привлекательные и сильные герои его книги настойчиво ищут дорогу к правде новой действительности».

Критические замечания Евгения Осетрова касались нарушения границ и норм литературного и народного языка, излишней «натуралистичности» некоторых сцен и отдельных реплик в них».

Отклик поэта Василия Фёдорова в газете «Литературная Россия» на роман уже упоминался. Отмечая, что реализм Михаила Алексева обладает «романтическими крыльями», автор подробно остановился на любовных линиях в обеих частях «Вишнёвого омута». Но нужно отметить статью ещё одного заметного советского поэта о романе. Она называлась «Конец Вишнёвого омута», а опубликовал её в «Известиях» Николай Асеев.

Статья, надо сказать, особая.

Николай Асеев признался прямо, что не любит произведений о старой деревне. «Они нагоняли на меня всегда тоску своей беспросветной небесной серостью, безнадежностью ковильных пространств, угнетали характерной своей бесперспективностью, утверждением того, что ничто не изменится в мире от века и до века»¹⁴. Но что-то его заставило прочесть «Вишнёвый омут» до конца. То же самое советский футурист писал в частном пись-

¹⁴ Асеев Н. Н. Конец Вишнёвого омута // Известия: Московский выпуск. 1962. № 163, 11 июля. С. 6.

ме Алексееву в ноябре 1961 года, за полгода до публикации статьи. Писатель полностью привёл его в очерке «Познай самого себя!..». Асеев тогда признался, что ему не нравится ни «Деревня» Бунина, ни «Степь» Чехова. «Я уже не говорю о деревне Ф. Гладкова – тёмной, безрадостной, в которой как бы и петухи не кричат, и телята не мычат. У Вас деревня многоцветная, многозвучная, на великолепном фоне природы, в которой Вы разбираетесь любовно, отточенно. Вы знаете и голоса птиц, и названия растений так, как ни из какого ботанического или орнитологического атласа не узнать. Вы с природой заодно, не наблюдатель, а участник её дел»¹⁵.

В письме Асеев высказал свои замечания по поводу отдельных героев и сцен, в статье оставил их в стороне. Если Василий Фёдоров уловил в «Вишнёвом омуте» ноты романтизма, то Асеев – признаки совсем другого метода. В статье он говорил о «романе-сказке». Михаил Алексеев, умело используя «сказочный, вернее – сказочный способ рассказа», сумел избежать «натуралистических подробностей идиотизма старой деревенской жизни, не уклоняясь, однако, от деталей бытовых и не замалчивая стародавних навыков и традиций, введшихся, как земля под ногти, в крестьянский обиход»¹⁶. Речь, скорей, не о сказке, а об элементах мифологической прозы. Тут можно согласиться.

«Вишнёвый омут» нельзя никак отнести к типу «скороспелой беллетристики». В нём нет желания удивить или поразить, роман не претендует ни на сложность, хотя Асеев и оговорился, что автор, задумав написать историю крестьянской семьи, замахнулся едва ли не на «Ругон-Маккары» Золя, ни на упрощённость. Такие писатели, как Михаил Алексеев, «рассказывают о той жизни, которую сами пережили и которую видели собственными наблюдательными глазами. Видели мир, людей, горе и радость, видели птиц, зверей, растения, вошедшие в их речь как какой-то иной язык природы...» Асеев отметил особую роль пейзажа в романе. «Природа у таких авторов, – писал он далее, – это не пейзажи, развешанные для украшения комнат, для показа обстановки, а также куски их жизни, вошедшие в плоть и в мысль...»¹⁷ Природа – тоже участник действия. Пейзаж подчёркивает противостояние полярных сил. «Сила добра, сила труда хоть и терпит от звериных навыков старой деревни, но сама не впадает в зверство, не превращается в свою противоположность. Наоборот, гибнет мрак, гибнет омут, в который бросались люди с горя или пьянства. И торжествует семья Харламова, в своём третьем уже колене продолжающая дедовские заветы, дедовский пример упорной воли»¹⁸. Роман, отмечал Асеев, написан с большой чуткостью к событиям, как бы далеко или близко ни отстояли они от сегодняшнего дня.

Поэт оговорился в своей статье, что «Вишнёвый омут» уступает произведениям Шолохова, где также показана деревня, но «несравненно сильнее, многообразнее», где, по его мнению, величественнее предстаёт перед читателем всё, что было выстрадано народом. Это субъективный взгляд; думаю, что на таком уровне нет иерархии: что лучше или хуже, сильнее или слабее. Такое сопоставление вряд ли правомерно... Асеев ушёл из жизни через год, в июле 1963-го. Когда Алексеев писал «Познай самого себя!», не стал вступать с ним в спор. Он только осторожно оговорился: «Поскольку в связи

¹⁵ Алексеев М. Н. «Познай самого себя!» // Алексеев М. Собрание сочинений: В 6 т. М., 1977. Т. 6. С. 35.

¹⁶ Асеев Н. Н. Указ. соч. С. 6.

¹⁷ Асеев Н. Н. Там же.

¹⁸ Асеев Н. Н. Там же.

с судьбою «Вишнёвого омота» было потревожено имя Шолохова, должен сообщить, что при одной из встреч с Михаилом Александровичем в Ростове-на-Дону последний бросил одну лишь весьма краткую фразу: «Крепенький ты романчик написал». Сказано это было в присутствии многих донских писателей...»¹⁹

Отклики наглядно свидетельствуют о том, что «Вишнёвый омот» стал новым словом в русской советской литературе.

В 1964-м Михаил Алексеев включил роман в отдельный сборник, куда вошли также повести «Биография моего блокнота», «Дивизионка», «Наследники», «Хлеб – имя существительное». Книгу подготовило издательство «Молодая гвардия», на неё откликнулся и комсомольский журнал. Автор короткой рецензии В. Софронова отталкивалась от повести «Хлеб – имя существительное», но это вполне относится к другим произведениям Михаила Алексеева, и я согласен с её мнением: «Писатель ведёт разговор, имеющий целью не внутрилитературную и вообще не теоретическую полемику, а посильное вмешательство в жизнь, такую ещё сложную и такую свою для него. Судьбами многочисленных героев, представленных в повести не только в «чистой правде золота», но и в «медных пятнах быта», он подводит нас – не иллюстрирует, а именно подводит! – ещё к одной истине: духовный мир человека, его духовное богатство далеко не всегда гарантированы «интеллектуальностью» той или иной профессии, как и не составляют только её монополию. Помимо образа жизни, характера человеческого труда, они зависят ещё и от характера самого человека»²⁰.

В январском номере 1972 года журнал «Молодая гвардия» опубликовал статью критика и литературоведа, преподавателя Литературного института Владимира Архипова «Герой и его земля», посвящённую творчеству Михаила Алексеева вообще. Роману «Вишнёвый омот» автор отвёл особое место, анализируя его – как особое этапное произведение – в контексте всего творчества писателя:

«Без «Вишнёвого омота» Михаил Алексеев – автор нескольких произведений. После «Вишнёвого омота» он – писатель определённого круга идей и тем, творческая индивидуальность, как любит говорить современная критика. То есть человек, взявший своё и открывший своё в сфере действительности. Кроме того, без «Вишнёвого омота» ни «Солдаты», ни «Наследники» как-то неполны. Они не объяснены в главном и решающем. Они – эпизоды. Конечно, вполне законченные и завершённые, но эпизоды. Не будь «Вишнёвого омота», мы не подозревали бы, что «Солдаты» и «Наследники» – тоже части огромного исторического полотна. Единого и нерасторжимого: «Вишнёвый омот» втянул в глубины свои все другие вещи художника и объяснил их как явления большой истории России. Истории русской демократии, русского крестьянства, взятого в бурный период скачков и изломов – в период, когда рушились и решались основы жизни крестьянства как класса. Отсюда масштабность произведения, что выявляет в авторе «Вишнёвого омота» писателя шолоховской школы. Об этом говорит и бесстрашие перед сложным и противоречивым материалом, как и нежелание упрощать его, нежелание приводить к общему, заранее известному знаменателю. Автор в изображении будто не знает про своих героев – ни что они сделают, ни что с ними

¹⁹ Алексеев М. Н. «Познай самого себя!..» // Алексеев М. Собрание сочинений: В 6 т. М., 1977. Т. 6. С. 38.

²⁰ Софронова В. О времени и о человеке // Молодая гвардия. 1965. № 1. С. 311.

станет. Да и сами герои будто не знают самих себя. Они всегда у Алексеева поступают не так, как мы предполагаем, и не так, как сами они хотят. Они «иные», они всегда больше самих себя. В подобной обрисовке – высшая объективность изображения, что является одним из важнейших завоеваний русского реалистического искусства, идущего от Пушкина»²¹.

В сентябре 1965 года журнал «Молодая гвардия» опубликовал новое произведение Михаила Алексеева – «Повесть о моих друзьях-непоседах». Впоследствии автор её отредактировал и поменял заголовок: «Сказки брянского леса». В журнальной публикации то был заголовок первой части. Повесть состоит из двух частей, но вторая, проанонсированная в «Молодой гвардии», так и не вышла.

«Сказки...» или «Повесть...» – как угодно – рассказ о поездке на Десну, на Брянщину, куда-то подальше от городов. Лес, рыбалка, писательская компания, где все знакомы и друг друга хорошо знают, встречи с людьми... «Почему мы, авторы, не рассказываем биографии своих книг?» – спрашивает Михаил Алексеев. Если это негласный запрет, ему хочется переступить его. За очерком об отдыхе на природе, где, как всегда у Алексеева, особую роль играет пейзаж, где, как и в других его произведениях, красота природы, по словам критика Александра Овчаренко, неотделима от человеческой красоты, встаёт особенный пласт – повествование о писательском труде и о том, как создаётся книга. А создают её в том числе люди, которые ему встречаются, делятся чем-то сокровенным. Хоть одной фразой, сочувствием своим.

Только один пример. В «Вишнёвом омуте» есть одна героиня, Фрося, по прозвищу Вишенка. О её судьбе Алексеев рассказал матери писателя Николая Грибачёва, который и пригласил его к себе на Брянщину, где жил. Та выслушала, «сумрачно задумалась и вдруг выдохнула, как бы что-то давно пережитое, выстраданное: «Была Вишенка, да птица склевала...» «Я вздрогнул, – признавался Михаил Алексеев, – и, боясь, что разревусь прямо на глазах этой мудрой старухи, убежал в свою комнатку, а ночью написал всю главу заново, и кончалась она у меня этими трагическими словами».

Алексеев рассказывает и о том, как пишут его друзья, как и чем живут. «Повесть о моих друзьях-непоседах» – сплав эссеистики, дневника, ироничного юмора, самых разных наблюдений, размышлений о встречах, об увиденном, о творчестве, писательском труде – своём собственном, своих друзей и предшественников. Диапазон широк: от особенностей поэзии Есенина, который почему-то никогда не упоминал название Оки, хотя родился на её берегах, до секретов рыбной ловли, в том числе зимой. И это показано со знанием дела, до мельчайших тонкостей и деталей, да так, что за этим занятием раскрывается и характер человека. На страницах «Повести...» упоминаются Владимир Солоухин, Иван Стаднюк, другие писатели, то там то тут звучат стихи: Александр Твардовский, Константин Симонов, Николай Грибачёв, Сергей Смирнов. А вот брянский поэт Илья Швец, который в середине 1960-х уже был автором нескольких сборников. Он «попробовал сочинять стихи про ландыш, но на полпути бросил, поняв, видно, что сам ландыш – высокая поэзия, что лучше просто сказать «ландыш» и ничегошеньки не прибавлять к этому, ибо если сочетание красок и запахов не может заменить этого единственного в своём роде цветка, то и сочетание слов не спо-

²¹ Архипов В. Герой и его земля // Молодая гвардия. 1972. № 1. С. 284.

собно заменить этого единственного слова – «ландыш». Разговорное и нежное «ничегошеньки» здесь точно на своём месте. Михаил Алексеев смело вводит в «Повесть...» сказовые элементы: от первого лица звучит история пожилой женщины, лесничихи, как её называет автор, о войне. Это монолог, который представляет собой целиком и полностью особое русско-украинское наречие, говор, свойственный южным районам Брянской, Курской и Орловской областей. И Алексеев не стал ничего «переводить», облегчать и менять. В итоге диалектизмы органично вошли в общее повествование, сделав его язык оригинальнее, шире, богаче. Такой приём, рассказ в рассказе, используется и в других произведениях.

«...Прижала сыночка до сердца, выскочила через другую дверь на зады, побежала вниз, к болоту, в камышах укрылась, сидю, дрожу вся как лист осиновый, во рту сухо, а вода рыжая, ржавая в болоте. Бачу, ктось иде прямо на мене... Хвать – баба какая-то, и тоже с ребёночком грудным. Увидела, кинулась до мене, дрожит вся, плачет без крика и слёз. «Бежим в болото, – каже, – а то немец вот-вот приде». Зашли с нею по шейку в воду. Детей держим в пригоршнях над головою, шоб не захлебнулись в той воде и не простудились...»

Голодные дети стали кричать, а немцы – стрелять из автоматов на голос. В болото не полезли. Лесничиха, спасавшая ребёнка, вплетается в общую канву цельным и равноправным персонажем в ряду со всеми другими. Её язык обретает в «Повести...» полное равноправие с «общепризнанным» «литературным». Это не экзотика, а речевой портрет, это законченное в своём сюжете краткое повествование, сказ. Но можно ли (нужно ли) описать это обычными словами?

В моём сознании возникает совсем несопоставимый образ: другая женщина, Сикстинская мадонна, которая описана Вересаевым в коротком рассказе «Мать», десяток абзацев всего... Писатель недоумевает: все этой картиной восхищаются, а глянешь на репродукцию и не поймёшь, что в ней такого. В Дрездене он отправился в картинную галерею и, увидев подлинник, вернулся другим человеком. «Мне, неверующему, хотелось молиться ей». Сам того не ожидая, Вересаев осознал святость подвига, который предлежит Матери и Сыну, осознающим, какое страдание ждёт их впереди. «И перед их жизнью всё окружающее было бледным и мёртвым». В коротком эпизоде из «Повести...» – тоже подвиг материнства, только другой: готовность пожертвовать собой, но спасти ребёнка. Для рассказчицы он обыкновенен и естественен, этот подвиг, как и её речь, та простота слова, за которой – бесхитростная простота жизни. Попробуйте нарисовать этих женщин в камышах среди болотной воды, которая дошла им до горла. Кричащему ребёнку нельзя дать грудь. Страдание уже свершается, хотя болото не голгофский холм. Ничего общего с Рафаэлем. Ничего даже в плане общего замысла, только женщина и ребёнок. Однако, прочитав, хочется вслед за Вересаевым повторить: «... Вдруг светлая, поднимающая душу радость охватила меня – радость и гордость за человечество, которое сумело воплотить и вознести на высоту такое материнство».

Ради чего рождается человек? Не ради ли подвига – пусть маленького, но своего, совершенного для других и во имя другого. В двух коротких рассказах, совершенно разных по стилю и замыслу, по времени, по сюжету, по задачам, отражается суть единой человеческой природы – подлинной, не искажённой звериным началом. Не в том ли и состоит великая миссия писателя, чтобы её открыть, показать, снова и снова донести тому, кто возьмётся за труд открыть книгу.

При кажущейся пестроте тем «Повести...» все они сводятся к одной. Она и есть тот единый стержень, который держит произведение. Это высокая тема малой родины. Истоки того чувства, которое называют иностранным словом «патриотизм», нужно искать «в том безвестном для многих, бесконечно малом уголке, который велик уже одним тем, что для кого-то из нас является отчим краем». Его, этот уголок, нельзя предать, не изменив себе.

В 1967 году в издательстве «Московский рабочий» вышел сборник «Избранное» Михаила Алексеева, куда он кроме «Сказок брянского леса» включил «Вишнёвый омут», «Хлеб – имя существительное», «Дивизионку».

Завершая первую часть «Повести о моих друзьях...», Алексеев словно бы лишний раз решил пояснить, что цель их поездок – не отдых, не загар, не рыбалка. «Цель наших странствий иная. И богатство, приобретённое нами, иное». Какое именно, он предоставил решать читателю. На мой взгляд, это обновление творческих сил, опыт познания, новые наблюдения... Всё, без чего писатель не может полноценно работать, созидая и совершенствуя в том числе себя, своё понимание мира и людей. Да, собственно, пусть об этом дальше скажет критик Александр Овчаренко. Он много писал о Михаиле Алексееве.

«Повесть о моих друзьях-непоседах» возбудила у многих критиков недоумение, – отмечал он. – В чём только не упрекали автора! И мало кто решился сказать, что в действительности это не баловство словом и со словом, не само-реклама, не апология друзей. Повесть вплотную приближает нас к тайне возникновения художественного произведения, рассказывает, как конкретное жизненное наблюдение (я выше привёл пример с ландышем, но цветку уделено в «Повести...» куда больше места и внимания. – В.Б.), своеобразная реальная ситуация или событие, интересное имя, мысль, отдельное слово вдруг как магнит начинают притягивать к себе впрок накопленные писателем впечатления бытия, превращаются в художественный образ, вступающий во взаимодействие с другими художественными образами, цементируясь на основе идейно-тематического единства и превращаясь в то, что на наших глазах становится рассказом, повестью, романом»²².

Нужно коротко сказать о критиках, упомянутых Овчаренко. В январском номере «Нового мира» был опубликован резкий отклик Натали Ильиной, которая использовала заголовок Алексеева: «Сказки брянского леса». Общий вывод был категоричен: описана частная жизнь знаменитых людей, друзей автора, их образы ему не удалось, сам текст – нагромождение подробностей, ни о чём не говорящих, очень личных, а потому ненужных. «Это жанр рекламный, у нас, в России, непопулярный, нераспространённый». «Читатель закрывает эту повесть с чувством неловкости и за автора, и за героев его, и за редколлегию журнала со знаменательным названием «Молодая гвардия»²³. Метод был предельно прост и прям: отбирались фрагменты текста, и к цитатам следовал едкий авторский комментарий-интерпретация. Анализ произведения как таковой остался в стороне...

Наталья Ильина – бывшая эмигрантка, из дворянской семьи; её отец, белый офицер, после 1920 года поселился с женой в Харбине. Дочери тогда было шесть лет. Ильина начала журналистскую деятельность ещё в Китае, а в 1947-м ей удалось вернуться в Союз. Перед выходом в свет этого откли-

²² Овчаренко А. И. Художественный мир Михаила Алексеева // Овчаренко А. И. От Горького до Шукшина. М., 1984. С. 253–254.

²³ Ильина Н. И. Сказки брянского леса // Новый мир. 1966. № 1. С. 250, 251.

ка, в 1965-м, журнал «Звезда» завершил публикацию её воспоминаний «Возвращение», которая растянулась на несколько номеров. Это была вторая их часть, а первая увидела свет ещё в 1950-х.

Резкий тон отклика и его очевидная предвзятость вызвали ответ. В «Литературной России» появилась рецензия Юрия Карасёва, который обосновал своё определение того жанра, в котором выступил перед читателем Михаил Алексеев: иронический очерк. Писатель не ограничился рассказом о своих друзьях и отдыхе с ними на природе. Он лицом к лицу поставил читателя перед острыми проблемами, будто то реальная современная жизнь или литература, создал особую галерею человеческих портретов и характеров. Писателю особенно удалась природа, «с осязаемыми нотками тревоги за нашего зелёного «беззащитного друга». Самые яркие и волнующие страницы «Повести...», по мнению, Юрия Карасёва, посвящены именно природе. Соглашусь и дополню: человек в его подлинном достоинстве раскрывается у Алексеева именно в отношении к природе, в том, как он её использует, бережно ли, с оглядкой ли на будущее, на завтрашний день, на следующие поколения. Особое значение таких произведений, как «Повесть...», писал Карасёв, упоминая тут же «Десну-красавицу» Николая Грибачёва, в том, что «они воспитывают в читателе любовь к природе, к бесценным «живым» богатствам нашей Родины».

Ильина прошла мимо всего этого... Разделяю мнение Карасёва, который признавался по поводу её рецензии:

«И когда я натолкнулся в «Новом мире» (№ 1, 1966 г.) на пространную рецензию, посвящённую «Повести о моих друзьях-непоседах» и принадлежащую фельетонно-хлёткому перу Нат. Ильиной, то был весьма удивлён её откровенно недоброжелательным, издевательским тоном, «у нас, в России, непопулярным» (говоря словами самой Нат. Ильиной), её выпадами не столько против промахов в обрисовке героев, сколько против самих прототипов (что не одно и то же!..), явной недобросовестностью рецензента, стремящегося приписать автору несуществующие грехи. В самом деле, почему Нат. Ильина пытается создать впечатление, будто М. Алексеев цитирует в повести чуть ли не черновики из «записных книжек» её героев, хотя на самом деле это совершенно законченные и неплохие стихи?.. Зачем ей понадобилось пускаться в этимологические исследования по поводу названия городов, оканчивающихся на «-тополь», когда ясно, что автора околдовали просто созвучия вне зависимости от этимологии!

А главное, как можно писать, пусть с иронией, но всерьёз, на надрывном пафосе о том, над чем сам автор посмеивается? Как можно было не заметить, что «Повесть о моих друзьях-непоседах» юмористическая? Хорошая юмористическая повесть²⁴».

²⁴ Карасёв Ю. В своеобразном жанре // Литературная Россия. 1966. № 8, 18 февраля. С. 20.

В «Повести...» М. Алексеев иронизировал по поводу названий городов, оканчивающихся на «-тополь», обыгрывая внутреннюю форму слов: «Даже города с окончанием на «-тополь» хранят для нашего уха, а ещё больше для души неизъяснимое очарование. Пускай ты не родился в Мелитополе и в Севастополе, не освобождал этих городов, но при одном их имени на душу твою непременно прольётся некий светлый и тёплый ручеек. И всё это колдовство – в слове «тополь», только в нём, уверяю вас». Ильина не поняла шутки: «Нет, куда клонит автор? Он неспроста, конечно, притворяется, будто не знает, что слово «тополь» никакого отношения к названиям городов не имеет». У Михаила Алексеева, мол, наверняка имеются дома словари, что же он не заглянул туда? Это совет критику потом обыгрывает автор «Огонька» Владимир Архипов в статье «Обложившись словарями».

Вскоре, в марте, появился ещё один отклик на Ильину. Именно здесь впервые встречается журнальная «триада»: «Молодая гвардия», «Новый мир», «Огонёк». Эти же три названия зазвучат позже после громкой статьи А. Г. Дементьева в 1969-м. Речь об этом будет дальше, а пока... Автор «Огонька» Владимир Архипов (выше упоминалась его статья «Герой и его земля») в отличие от «Литературной России» «отмерил» Наталье Ильиной её же «мерой», избрав такой же хлесткий ироничный стиль. Он совершенно прав, что критик «Нового мира» прошла мимо самого главного в «Повести...»:

«Какие бы криминальные цитаты из «Повести о моих друзьях-непоседах» Михаила Алексеева мы ни приводили, как бы ни гневались на писателя за его неудачу в описании портретов и характеров своих друзей, как бы ни проигрывали его очерки в сравнении с «Записками об ужении рыбы» Аксакова, «Записками охотника» Тургенева (и такое деликатное сравнение в статье Нат. Ильиной наличествует!), как бы взыскательны мы ни были, мы обязаны сказать, что очерки Алексеева – это очерки о русской природе, и русском слове, и русском писателе в его отношении к своей земле. Этому посвящено девять десятых очерков. Эта тема идёт через всю повесть»²⁵.

Автор верно отметил, что Ильину не затронула проблема природы и человека в их взаимоотношениях, пейзажная лирика в прозе, где Алексеев проявил себя подлинным мастером слова. «Новомирскую» критикесу – и тут Владимир Архипов вновь совершенно прав – больше интересуют мелочи, к примеру, подсчёт выпитого персонажами спиртного («шкаликов»). «...Невольно придёшь к выводу, что при редакции «Нового мира» создан некий счётно-вычислительный центр и что отныне журнал издаётся обществом трезвости».

Эта короткая цитата – лишь один пример ответной иронии. И, заметим, если один критик в «Литературной России» совершенно не касается «Нового мира», то другой, в «Огоньке», напротив, здесь и дальше «бьёт» по всей его редакции. Для него «Новый мир» – уже выразитель другого направления, которое не соответствует «молодогвардейскому». Поэтому не только резкая рецензия с подсчётом «шкаликов» становится объектом насмешек и резких выпадов. В статье Владимира Архипова достаточно примеров, насколько несправедлива Наталья Ильина к «Повести...», но все они довольно частные, уточняющие подлинный смысл, который вкладывал в них писатель, сводятся к одному общему выводу, даже обвинению:

«Ильина заподозрила группу русских писателей в равнодушии к народу, в незнании крестьянской жизни, в неумении сойтись с народом, в самодовольстве, в саморекламе и прочих грехах и пороках. Кого же? Да прежде всего детей саратовских, брянских, ярославских мужиков. Они у неё на подозрении. На подозрении те, кто ходил за сохой, мыкал нужду, еле спасся от лютой смерти в голодный год, кого не миновала судьба в лихолетье, кто отстоял свою страну и всем смертям назло прошёл солдатом и с солдатами от Сталинграда до Берлина. Вот кто на подозрении у критика «Нового мира», вот кого взяла на карандаш Наталья Ильина! И за что? Почему? Да только за то, что человек, написавший книгу, решил рассказать, кто ему из простых людей, из крестьян, односельчан помогал в этом трудном деле. Рассказал, не задаваясь, скромно и, главное, с чувством великой благодарности и любви к людям, пришедшим к нему на помощь своим мет-

²⁵ Архипов В. Обложившись словарями // Огонёк. 1966. № 11. С. 30.

ким, точным, богатым словом. И эта благодарность своим соавторам привела буквально в неистовство критика «Нового мира»²⁶.

Это и в самом деле резко. Даже – при той пустоте претензий «новомирского» критика – грубо. Не стоило бы ей вообще отвечать. Впрочем, так кажется сейчас, издав. Но действительно, не та была судьба у Ильиной, что у героинь «Вишнёвого омута» и «Ивушки неплакучей».

В июле того же 1966 года в «Новом мире» был опубликован ответ Владимиру Архипову: письмо – явно организованное, помещённое под рубрикой «Из редакционной почты» – профессора МГУ С. Хромова. Вслед за Натальей Ильиной тот отмечал, что «Повесть о моих друзьях...» – «произведение уникальное если не по легкомыслию, то по самодовольно-рекламному жанру, у нас не распространённому». Ну а дальше... Дальше шла речь, что есть, мол, особые «неприкасаемые» авторы, которых нельзя критиковать. Статья Архипова – вопль в стиле «наших бьют!», филологические «изыскания» автора приведены не по делу, а сама его статья в целом просто пасквиль. «У самого В. Архипова нет ничего, кроме беззубого, но злобно-гёрничества». Он упрекает Ильину, что она «заподозрила группу русских писателей в равнодушии к народу» и т.д., безосновательно. «Аргументов нет. Заявляется просто, что М. Алексеев и его друзья-непоседы сами из мужиков и вообще очень хорошие, а потому заподозривать их во всём вышеуказанном совершенно непозволительно. И всё? И всё!»²⁷. Статья Архипова, по мнению профессора, только показывает лишний раз, насколько точно попала в цель Ильина.

Я согласен с Овчаренко: нет никаких оснований расценивать «Повесть...» как неудачу. Но в чём причина такого сурового отношения к Алексееву и почему за рецензию взялась именно Наталья Ильина, совершенно не знавшая центральной России? Дружба автора «Вишнёвого омута» с Николаем Грибачёвым, человеком с принципиальной «антиоттепельной» позицией? Не против Алексеева лично выступил «Новый мир», а против направления, взятого комсомольским журналом, стремясь его опозорить. Это почувствовал и отметил Владимир Архипов.

Явилась ли статья Ильиной той причиной, по которой Алексеев не стал публиковать вторую часть «Повести...» в «Молодой гвардии», не возмусь утверждать наверняка. Что же касается его дальнейшего сотрудничества, в нём на некоторое время наступил перерыв. В 1966 и 1968 годах издательство «Советская Россия» перевыпустило «Вишнёвый омут»; в 1967-м в «Огоньке» увидела свет повесть «Карюха», вскоре вышедшая отдельной книгой. Нельзя работать только для одного издания. Но в январе и феврале 1970 года «Молодая гвардия» опубликовала первую часть нового романа, ставшего русской советской классикой, – «Ивушка неплакучая». Отрывок из него под заголовком «Трактористки» в 1969-м появился на страницах «Огонька», № 23, с огромным автопортретом Пушкина на обложке. Исполнилось 170 лет со дня рождения поэта.

Сюжет начинается в городе, но здесь это просто отправная точка, не более. Его, города, даже, можно сказать, и нет... Студенты-первокурсники, Гриша Угрюмов, его дружок Серёга, возвращаются в родное село Завидово. Чем глазеть на первомайские праздники, чем самим пройти в колонне и во всю силу спеть песню про страну, где много лесов полей и рек,

²⁶ Архипов В. Там же. С. 31.

²⁷ Хромов С. О заметке В. Архипова // Новый мир. 1966. № 7. С. 280.

они спешат к родным... Впрочем, в Завидове семья только у одного Гриши: отец, мать, младший брат Павлик, сестра Феня. А Серёгины родители умерли несколько лет назад... Как ниткой неумело и грубо прошивают полотно, и, неровная и неуклюжая, она особенно бросается в глаза, так и эта дата – голод в Поволжье 1933-го – нередко будет отзываться в романе, в судьбах его героев и героинь, в слове автора – оговоркой, стежком малоприметным, но заставляющим обернуться назад, чтобы понять происходящее. Этот голод многое поменял в человеческих судьбах.

Друзья не достали билетов на поезд и пошли по шпалам пешком, добредя до села на следующий день. Гришка не ведал, какой сюрприз его ждёт. Свадьба. Сестра Феня выходит замуж.

Действие романа начинается накануне Первого мая 1938 года. Алексеев оставил несколько примет, позволяющих это угадать. Уже торжественно и широко, на весь Советский Союз, прогремела с киноэкрана в фильме «Цирк» «Песня о Родине», та самая: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек». Премьера состоялась в мае 1936-го. Жених Фени, Филипп Иванович, – член партии с 1937 года. Об этом коротко упоминает автор. Гражданская война в Испании началась летом 1936-го, но Советский Союз стал оказывать республиканцам военную помощь гораздо позже. Закончив службу в армии и став командиром запаса, Филипп подал заявление в военкомат с просьбой направить его в ту далёкую страну, однако оно осталось без ответа. Он, почти забыв про него, стал ухаживать за Феней... 1938 год представляется наиболее удачным для датировки начальных событий романа.

Жених и невеста едва знакомы. Свадьба для старшей дочери в семье Угрюмовых идёт как мучительная игра. «Останешься в девках, никому не будешь нужна!» – все уши прожужжала заботливая мать. Вот Феня и согласилась. Больше по принуждению, можно сказать. Ей ещё и восемнадцати не было. Филипп оказался внимательным, достойным мужем. Ну и закончилось всё свадьбой. А через короткое время после неё пришла из военкомата повестка. Муж и жена расстались сухо.

«...Обнимая её на прощание, он сказал как бы шутя и всё-таки с большой обидой:

– Ты бы хоть всплакнула чуток, Феня... А? Эх ты, Ивушка моя неплакучая!

– Ишь чего захотел! – вспыхнула Феня. – Не заслужил, чтобы о тебе слёзы лить. Езжай уж! – последние слова она произнесла глухо, с ледяной дрожью в голосе.

– Зачем ты так, Феня? Разве я...

– Езжай, езжай! – повторила она ещё злее, чуть ли не подталкивая его к двери»²⁸.

Вот и разгадка названия. Фене Угрюмовой – именно ей, её ровесницам, деревенским женщинам, посвящён роман. Было в жизни не до слёз. Молодая жена прожила с мужем только несколько месяцев. Он погиб в Испании. На руках у Фени остался сын, Филипп Филиппович... В тот день расставания, когда никто ещё знать не мог, что оно навсегда, подруга Фени Маша Соловьёва пришла к ней в дом: «Попоем наши песни. Вот и полегчает». Они прекрасно поняли друг друга. «Пойдём, пойдём», – согласилась Феня.

²⁸ Алексеев М. Н. Ивушка неплакучая // Собр. соч.: В 6 т. М., 1974. Т. 4. С. 44.

Когда-то в 2001 году мне случилось беседовать с Александрой Андреевной Пермяковой, художественным руководителем хора имени Пятницкого. Тогда этот коллектив отмечал 90-летие. Я спросил, каким ей видится русский народный характер, ведь известно, что он отражается в песне и танце. «Умом Россию не понять», – ответила Александра Андреевна, вспомнив Тютчева. – Мы, русские люди, очень непредсказуемы. Там, где нужно смеяться, плачем. Где следует плакать, вдруг начинаем смеяться. Не зря говорят, что русская женщина «заплясывает» своё горе. Но я глубоко убеждена: что бы ни перенёс русский человек, он по природе оптимист. Он всегда надеется на самое хорошее. И даже если взять совершенно трагическую народную песню, там всё равно отыщется что-то оптимистической. Русская песня – она как сказка, которая всегда с хорошим концом»²⁹.

Мне снова пришли на память эти слова, когда я прочёл у Алексева короткую сцену прощания. Мать Фени бросилась молиться «против образов», «упрашивая Пресвятую Богородицу вразумить дочь», а та с подружкой пошла... петь. Это не значит, что она рада отъезду мужа. Ей на самом деле больно, и другого средства облегчить эту муку нет. Алексеев раскрывает именно ту черту русского характера, которая вкратце была описана: «запеть» своё горе. «К их настроению больше подходили старинные песни и про бедное девичье сердце, горем разбитое, и про бравого, лихого охотника, подстерёгшего в полях не дичину, а «распрекрасну дивчину», и про вербу рясну, и про рябину-сиротину, которой выпала судьба век одной гнуться и качаться, потому что не может она прижаться к одинокому дубу, что стоит через дорогу». И дальше Михаил Алексеев отмечал: «Врачующая сила песен такова, что вскоре наши певуны уже смеялись и даже перешли на частушки».

Без песни сложнее понять русский характер. Весь роман от начала до конца пронизан песенной культурой. Тут встретится и советская эстрада, и «Хасбулат удалой», и частушки... К той сцене, когда, проводив мужа, Феня ушла с подружкой петь, хорошо подходит эпиграф из «Вишнёвого омота»: «О чём не поплакал – про то не споёшь».

Всякому времени и возрасту своя песня. Когда Феня училась в школе, у таких же, как она, мальчишек и ещё не вышедших замуж девочек, на которых уже легла, однако, тяжесть домашней работы (корова, стирка, прополка огорода), были другие предпочтения. Феня не смогла поехать в пионерский лагерь. Собравшись возле реки у костра, она и другие подростки «пели и про картошку-объеденье, и про дедушку Ленина, у которого так много внучат, желающих умереть не иначе как в сраженьях, и не где-нибудь, а только на валу мировых баррикад; и про паровоз, у которого остановка лишь в коммуне, и про знамя, которое горит и рдеет нашей кровью, и про многое другое, что будоражило Фенино воображение...» Эти песни из «Ивушки...» потом эхом отзовутся в повести «Драчуны». Фене будут сниться на сеновале бойцы из будённовских войск, поскакавшие на разведку в поля, вместе с ними она и односельчанин Авдей Максимов, который всё время поддерживает её за руку, тут же и подружка Мария Соловьёва. Сны были короткими. В четыре утра на сеновал приходила мать и будила: пора проводить в стадо только что подоенную корову...

²⁹ Этот разговор был потом изложен в виде интервью и опубликован в «Учительской газете»: «У нас, деревенских, жажда жизни необыкновенная!» // Учительская газета. 2001. № 10, 20 марта. С. 20.

То были песни, на которых воспитывался определённый тип личности. Перед человеком был героический образец, которому он мог следовать и подражать. Люди, воспитанные на этих песнях, сломали хребет фашизму.

Когда Феня вышла замуж, когда Филипп ушёл на войну, изменились её песни. Но в мыслях-то по-прежнему остался рядом Авдей. У него сложилась очень непростая судьба. Домой пришло извещение, мол, пропал на фронте без вести, и никто не мог знать, что это значит, погиб он или нет. Это был плен, семнадцать немецких лагерей, а восемнадцатый – свой, советский. В начале второй части «Ивушки...» есть длинное письмо Авдея к Фене, оно звучит как рассказ шолоховского Андрея Соколова о себе неизвестному попутчику. Только тому герою повезло больше...

Роман Алексеева, повторюсь, посвящён русским женщинам; если угодно, это та же линия, та же традиция, что вошла в нашу литературу с одноимённой поэмы Николая Некрасова. Роман об их мужестве в годы войны, когда пришлось и трактора осваивать самим – «железных коней», ремонтировать их и пахать, и детей ставить на ноги...

В сцене расставания Фени и Филиппа видится переключка с другим русским шедевром, «Судьбой человека» Михаила Шолохова. Я только что его упомянул. «На второй день повестка из военкомата, а на третий – пожалуйста в эшелон», – рассказывает Андрей Соколов. Его провожала жена Иринка с детьми. Давайте вспомним. «Пришли на вокзал, а я на неё от жалости глядеть не могу: губы от слез распухли, волосы из-под платка выбились, и глаза мутные, бессмысленные, как у тронутого умом человека. Командиры объявляют посадку, а она упала мне на грудь, руки на моей шее сцепила и вся дрожит, будто подрубленное дерево... Я и говорю ей: «Возьми же себя в руки, милая моя Иринка! Скажи мне хоть слово на прощанье». Она и говорит, и за каждым словом всхлипывает: «Родненький мой... Андрюша... не увидимся мы с тобой... больше... на этом... свете». При том, что «сердце на части разрывалось», Андрей оттолкнул её, вроде только слегка... «Сила-то у меня была дурачья; она попятилась, шага три ступнула назад и опять ко мне идёт мелкими шажками, руки протягивает, а я кричу ей: «Да разве же так прощаются? Что ты меня раньше времени заживо хоронишь?!» Ну, опять обнял её, вижу, что она не в себе...»

Андрей Соколов оборвал рассказ. Он остался жив и прошёл плен, а жена погибла в тылу. «Тяжёлая бомба попала прямо в мою хатёнку. Ирина и дочери как раз были дома...» Говоря «не увидимся», она тогда «бабьим сердцем» предчувствовала не его, а свою смерть. «Не надо, друг, не вспоминай!» – попробовал прекратить этот тяжёлый рассказ собеседник. Но Андрею Соколову нужно признаться в самом главном: «До самой смерти, до последнего моего часа, помирать буду, а не прощу себе, что тогда её оттолкнул!..»

Жест отталкивания во время проводов в произведениях выступает особой поворотной вехой в судьбах людей, разных и непохожих. Феня его переживает иначе. Тут другая сложность: она продолжает безответно любить другого, а человек, ставший мужем по настоянию матери, вроде как её обманул, ничего раньше про заявление в военкомат не сказал. Андрей Соколов будет нести молчаливое раскаяние за то, что ему не хватило терпения и чуткости. Он обидел любящего его человека ни за что. Страшна даже не сама обида, а то, что уже невозможно извиниться, нельзя ничего поправить... Но без раскаяния, без этой исповеди перед случайным попутчиком не будет сил примириться с прошлым и жить дальше. А жить надо. Андрей Соколов обретает их, усыновляя мальчика. У Фени остался сын на руках, к ней придёт

во время войны новая любовь... Первую часть «Ивушки...» завершают события разгрома гитлеровцев под Сталинградом. В Завидове размещается воинская часть, временно отозванная с передовой. В ней будет и лейтенант Семён Мищенко, который коротко мелькнёт в романе, но первая часть завершится словами Фени, к нему обращёнными: «Радость ты моя нечаянная! И откель, каким ветром занесло тебя к нам на головушку мою горькую?»

Вторая часть «Ивушки», опубликованная «Молодой гвардией» в двух последних номерах 1974 года, начинается с возвращения мужиков в Завидово. Один из них – Сергей Ветлугин, тот Серёга, с которым Гришка Угрюмов шёл по шпалам, сбивая ноги, домой в мае 1938-го... Чем ближе мы будем приближаться к завершению романа, тем скорей полетит его время. Можно точно сказать, когда разворачивается последняя сцена. День не назван. Феня Угрюмова выдвинута делегатом в Верховный совет, она заслуженный человек, и ей оказано доверие. Алексеев упомянул только месяц: июнь. Выборы в Верховный совет в 1970-м прошли 14 июня. Тут нужно пояснить, что в то время ещё действовал «социальный лифт»: ты можешь подняться и работать в высших эшелонах власти, если того заслужил, не принадлежа к номенклатурной элите. Сейчас такого и близко нет.

У Фени новый муж. Человек, о котором она думала ещё до замужества... Она и Авдей Максимов, прошедший плен и после него заключение, не распались, не оформили официально отношений, но живут вместе. Так сложится к концу романа. 14 июня 1970 года они вместе пришли в комнату Героев, открытую в школе пионерскими следопытами. Там в огромной раме на стене висят портреты земляков, не вернувшихся с войны. Среди них и Филипп. «Он глядел на Феню и Авдея весёлыми, не замутнёнными никакими земными печальми глазами, с навсегда пригретой улыбкой по углам нечётко ещё очерченных, не сформованных до конца короткой жизнью припухлых губ. А те стояли перед ним не шелохнувшись, будто под венцом терновым». Немного раньше, если пролистать от конца несколько десятков страниц, Алексеев, описывая внешность Фени, упомянул икону. То и другое – символы страдания и чистоты жизни, точнее даже – жития.

Весь путь завидовских женщин, и Фени в том числе, был крестным. Оступаться, падать, но, чувствуя взаимную помощь, нести свою ношу и идти. А терновый венец будто бы сопровождал Феню всю жизнь. Её ли одну? В той комнате Героев пересекаются настоящее и прошлое, альфа и омега – начало и конец бытия, столкновение далёкого былого, настоящего и будущего. И, оглядываясь на прошлое, Феня пытается понять перед фотоснимком первого мужа, которого почти не знала и, провозжая в военкомат, оттолкнула, то, что непостижимо: «сложный мир» с его «грозными тайнами». И, конечно, не может...

Такой же точкой, где пересекаются самые разные символы бытия, сходятся альфа с омегой, становится пепелище собственного дома для Ефросиньи Дерюгиной из романа Петра Проскурина «Судьба». В дни немецкой оккупации села она сожгла нескольких пьяных и беспомощных немцев. Они не были генералами и от них ничего не зависело, ничего не помещалось на фронтах. Так надо ли было?.. Не поддаётся осмыслению та сила, которая её привела на место бывшего дома, когда село давно освободили. Просто бессонная ночь... Да, но раньше это пепелище она обходила стороной. У возвышения, зарастающего лебедой, где когда-то стояла печь, один за другим являются символы разных стихий, и среди них, этих мифических истоков бытия, вдруг открывается мучительная тайна, как явленная свыше истина: тогда не людей, а врагов спалила она огнём. А вокруг вроде ниче-

го и не происходит. «Земля молчит», «луна разгорелась», «лунное море», «небо в острых, весёлых звёздах»... Нет, тут человек перед лицом Вселенной стоит. Сгоревшие больше не оживут, ибо правда, пусть сопряжённая с бесчеловечной жестокостью, на стороне Ефросиньи. Поэтому нет раскаяния, нет мучений совести.

Обе женщины – одна днём, другая ночью, одна перед фотографией мужа, другая перед бугром лебеды, – обращаясь к прошлому и стараясь его понять, одинаково стоят застывшими перед тайнами бытия. Обе встречаются со своей совестью, глядят ей в глаза. Слишком много лишений и труда им выпало. Тайна страдания, которое – ещё неизвестно – очищает или нет, была и будет одной из самых важных для человека. И осмыслить её всё-таки надо – ради следующих шагов в жизни... В обоих романах открыта перспектива, ничего не обрывается, а будет продолжаться. Ефросинье и Фене по-прежнему предстоит что-то делать не для себя: одной доить корову для троих детей, сошедшихся под одной крышей, другой работать в Москве, подчинившись выбору большинства. Так хочется думать.

А теперь перелистаем от последней сцены «Ивушки...» несколько страниц в обратном направлении, к началу. Уже другой год, другое время... Почему Феня протяжно кричит, называя имя сына, когда передают какое-то «Сообщение ТАСС», а потом её, во всём чёрном – юбка, фуфайка, шаль – провожает всё село, и она едет с председателем в район, а оттуда на край Советского Союза... Читателю тех лет всё понятно без лишних слов. Нападение китайцев на Даманский остров и приграничные территории. А у Фени сын Филипп служит пограничником... То «Сообщение ТАСС» заканчивалось бесстрастной словесной штамповкой: «Имеются убитые и раненые». Это произошло в марте 1969 года. Сын Фени повторит судьбу отца, чьим именем его, как мы помним, назвали. Она, вернувшись с похорон, узнав потом, что её выдвигают кандидатом в депутаты Верховного совета, бросит в ответ на шутку подружки, что мол, её «высоко занесло»: «Как была на земле, так и останусь».

Эти все эпизоды рядом, теснятся один к одному. А расстояние между ними – год.

Перелистаем ещё десятка два-три страниц к началу. Где мы?

Глава 30 второй части. Все приметы времени – газета с упоминанием о каком-то пленуме и новенькие тракторы «Кировцы», пришедшие в село. «К-700» – первый советский колёсный трактор, он способен делать на земле всё: пахать, бороновать, сеять... Их стали выпускать с 1962 года. В Завидове пока это диковинка, «вроде игрушки», как говорит секретарь райкома Кустовец. Мы где-то в шестидесятых, когда в селе внедряется новая техника. Но если точнее?

Речь идёт о Пленуме ЦК КПСС, который состоялся 26 марта 1965 года и принял постановление «О неотложных мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства СССР». Это его читает в газете «Сельская жизнь» подружка Фени Маша Соловьёва – та самая, с которой она пела песни, когда муж уехал в Испанию. (Она часто сопровождает Феню на страницах романа.) Пленум выправил среди прочего то, что сложилось в «хрущёвское десятилетие» с личными крестьянскими подворьями. В иных регионах РСФСР даже запрещали скот в личной собственности, значительно сокращались нормы его содержания, размеры приусадебных участков. Теперь, одумавшись, всё развернули в обратную сторону. Государство строго определяло, кому и сколько иметь свиней и коров. «Спасибо умным людям – услышали нас, которые с тёмного и до тёмного на земле трудятся», – говорит Феня председателю

райкома. Можно подумать, что это по поводу новых тракторов, которые они осматривают. Нет.

Темпы производства в сельском хозяйстве с конца 1950-х действительно снизились. Материально-техническое оснащение колхозов и совхозов оставляло желать лучшего, Советский Союз отставал по уровню механизации села. Пленум упразднил территориальные производственные колхозно-совхозные управления, введённые при Хрущёве (о них чуть ниже). За сельское производство стали отвечать подразделения местных исполкомов. Государство подняло закупочные цены на сельхозпродукцию, чтобы заинтересовать крестьян. А ещё – со всех колхозов и совхозов списали долги. Ну и помимо прочего стало увеличиваться производство тракторов, для их приобретения дополнительно выделялись деньги... Вот что в общих словах стоит за самыми обычными деталями.

В главе 28 мы попадаем в 1963 год. Речь идёт о бездумном укрупнении колхозов, «когда десяток артелей соединяются в одну, которая сразу становится неуправляемой». «Председатель с утра до ночи носился по сёлам и деревням, из бригады в бригаду, большую часть времени тратя в пути, мыкаясь по классическому нашему бездорожью; ничего, конечно, не успевал там сделать...» Тут же следом другая примета хрущёвской чехарды, с авторским отношением к ней Алексеева: «Ещё одна акция, которая показалась партийным работникам (да только ли им!) совсем уже не постижимой: упразднялся райком партии и вместо него создавался партком со строгим указанием, чтобы он сосредоточил свою работу в основном на воспитании масс, а хозяйственно-экономическими вопросами займётся отныне производственное управление, учреждаемое специально для этих целей». Ноябрьский пленум ЦК КПСС 1963 года разделил все партийные органы и советский аппарат государственного управления на промышленные и сельскохозяйственные. Например, каждый областной комитет КПСС и облисполком получили дополнительное наименование «промышленный» и «сельскохозяйственный». К чему этому привело, описано у Алексеева на примере конфликта секретаря парткома Кустовца и начальника производственного управления района Ивана Барвина. Но писатель старается высказать отношение к происходящему и устами своих героев. А народное слово столь хлёстко, сколь и образно. Хрущёвская административная перестройка «сильно шибает в нос», говорит «завидовский философ» Максим Паклёников.

В 1965 году все партийные органы и советский аппарат вновь стали единственными органами.

Нет, Паклёников не только философ, но и политик. Двое его сыновей остались в братской могиле в Венгрии. Сам он до войны «слыл в Завидове законченным пьянчужкой и по этой причине не занимал в отличие от большинства завидовских мужиков даже самой малой руководящей должности в колхозе». Он был почтальоном, и в первой части романа как мог оттягивал с похоронками с фронта, задерживая у себя. Пусть будет чей-то муж или брат ещё несколько недель для кого-то живым. А потом, когда минули годы после Победы, когда он остался один с женой, ему доверили денежные дела. Раньше это и в голову бы никому не пришло. Теперь он финансовый агент. «Что же случилось с Паклёниковым? Может, остепенился? Может, война не только убивает и калечит, но кого-то и исцеляет?» Всяко случается, но Константин Воробьёв ответил на этот вопрос отрицательно: страдание не меняет к лучшему человека. Тогда что? И Алексеев только ставит вопрос, ответа не даёт.

Глава 25-я тоже содержит приметы времени. Когда-то в тридцатых годах Максим Паклёников простоял пять часов, чтобы попасть в Мавзолей Ленина. Узнав, что здесь побывал его собеседник Сергей Ветлугин, он спрашивает: «Я тебя, Серёжа, об другой могилке хотел спросить. Видал ли ты её?». Тут понятно, о чём речь. Даже не надо называть имя. «Могилка как могилка, – отвечает Ветлугин. – Всё как положено». Ответ сух. Паклёников вспоминает слова, прочитанные им в газете: «великое десятилетие». С какой даты начинать отсчёт? У нас есть подсказка. Сталин умер в 1953-м, перезахоронен у Кремлёвской стены в 1961-м после XXII съезда. Мы в 1963-м. Что же думает обо всём этом Паклёников, не называя – по воле Алексеева – фамилии вождя:

«Как же мы опосля этого окрестим без малого тридцать шесть лет, какие прожили с Советской властью до этого, значит, великого (десятилетия. – В.Б.)? Что ж, они были так себе, тусклые, серенькие, те-то годы? Ни Октябрьской революции, какую на всей нашей земле-планиде и друзья, и недруги наши называют не иначе как Великой. Ни гражданской войны. Ни первых пятилеток, какие надели на нашу матушку Расею железную кольчугу. Ни коллективизации, какая перевернула вверх тормашками всю нашу крестьянскую жизнь и дала нам под зад такого пинка, что мы впергонки с рабочим, значит, классом, севши на трактор да на автомобиль, двинулись к социализму. Ни Отечественной войны, стеревшей с земного лику этого сатану Гитлера, ни геройских подвигов миллионов наших сынов, в том числе и моих близнецов-танкистов Ваньки и Петьки, заживо сгоревших в своём «Красном завидовце», купленном нами, стариками да женщинами, на последние гроши... Ничего, может быть, не было?!»³⁰

Во второй части романа Сергей Ветлугин вспоминает Чехию, где окончил войну. «Он лежал, уткнувшись носом в подушку, а видел тот майский день в маленьком чехословацком селении по имени Косова Гора, видел ликующие толпы людей, кричавших в безумно радостном упоении «наздар», размахивавших трёхцветными флажками и бросавших под ноги солдатам, под их запылённые разбитые сапожищи и ботинки охапки живых, обсыпанных ещё каплями росы цветов; увидал и того рядного, будто специально приодетого для такого великого праздника петуха, который взлетел тогда на забор и на весь белый свет протрубил свою песнь в честь победы и во славу освободителей...» Он, погружённый тогда в «святую купель безмерно счастливых слёз людей, которым принёс избавление, которые на его глазах приходят в неопишувемый восторг только оттого, что им удаётся коснуться кончиком пальца линиялой гимнастёрки русского воина или дотронуться до звёздочки на его полевом погоне, – мог ли он в тех условиях видеть сухие, выплаканные до последней капли глаза, скажем, тётеньки Анны, окаменевшее в вечной материнской скорби лицо Аграфены, поджатые в неподсудном своём эгоизме губы тётки Авдотьи?»³¹. Действие происходит в 1947 году, Сергей вспоминает победный май 1945-го, но роман написан после антисоветских выступлений в Чехословакии в 1968-м. Это радостное ликование маленького городка Косова Гора куплено страданием и русских женщин в далёком тылу на Волге. Но там, на Волге, за двадцать с небольшим лет выросло вскоре другое поколение, да и те, кто радовался советским войскам в 1945-м, тоже изменились... Вот уж действительно, прав маршал Георгий Жуков, если эти

³⁰ Алексеев М. Н. Ивушка неплакучая // Собр. соч.: В 6 т. М., 1976. Т. 4. С. 483.

³¹ Алексеев М. Н. Там же. С. 332.

слова в самом деле принадлежат ему: «Мы их освободили, и они нам этого никогда не простят»...

Тот новенький танк «Т-3», о котором упоминает Паклёников, «прибыл» в Завидово в самом конце первой части романа. Там описывается митинг по случаю его отправки на фронт...

Страдание не обладает никакой очищающей силой, а только искажает то лучшее, что заложено в человеке. Всё меняется в селе с началом войны. Женщины осваивают трактора, заменяя мужчин. Быки пашут в полях вместо лошадей. Маша Соловьёва утопила трактор в реке, не справившись с управлением. Да она и не научилась его водить... Чтобы вытащить машину, Фене пришлось лезть в ледяную воду. А чтобы потом выручить подругу, она взяла её вину на себя. Люди держались взаимовыручкой. Дело с трактором до суда, к счастью, не дошло, а могло...

«Ивушка неплакучая» показывает судьбы людей очень разных, непохожих и в то же время похожих; все они словно бы «связаны» войной в тот самый веник из древней притчи: выдерни прутик – легко его сломаешь, но все разом не получится, сил не хватит. Так и эти люди в Завидове, так и весь народ. Каждый не без греха и не без слабости, но вместе – мощь, всё сокрушающая своим трудом и терпением. В самую точку попал критик Александр Овчаренко, отметив, что в «Ивушке...», в других произведениях герои Алексеева «неизменно выступают не просто как коллективисты по духу, а как беспримерный в истории человечества коллектив». Только такое понимание жизни писатель видит естественным и «вселенски гармоническим»³². Добавлю: отстаивая при этом и достоинство отдельного человека.

Ничего нельзя преодолеть в одиночку. Однако личная потеря всё равно остаётся только твоей бедой. Терпи сам. Никто за тебя не будет... У русской женщины есть одна определяющая черта – готовность встретить, перенести и отвратить любую напасть, какая бы ни выпала на долю. Неспроста упоминаются при описании Фени икона, а потом и венец терновый.

Раны не заживают долго. «Оставив людям великое множество недоделанных дел, недосказанных сказок и недопетых песен, – как бы напоминает Михаил Алексеев, начиная вторую часть романа, – война в придачу ко всему понавязала такое же множество тугих узлов и петель в самих человеческих судьбах». Все ждали, что, когда она окончится, тогда как-нибудь всё устроится само. «...Никому не приходило в голову, что не все узлы обязательно развяжутся, что иные из них затянутся ещё туже, рядом со старыми образуются новые, и в расставленных войною петлях и сетях долго ещё будут барахтаться и задыхаться многие людские души...» Это на десятилетия. «Что нам делать с этими бабами, какие вчерась ещё были подругами, а нынче, клятые, тиграми глядят друг на дружку? Почему так глядят? Да потому, Серёжа, что война и тут всё замутила – сперва уравнила их, забрав суженых на фронт, а потом одним вернула мужиков, а других обнесла такой радостью, положила между бабами глубокую пропасть. Примиритесь-ка их попробуйте, когда одна поглядывает украдкой на чужое счастье, а другая оберегает его, стережёт, как волчица: не подходи, подружка моя милая, не то глотку перегрызу»³³.

В 1942 году младший брат Фени, Павел, ещё мальчишка, не подлежащий призыву, наткнулся в лесу под Завидовом на односельчанина-дезерти-

³² Овчаренко А. И. Художественный мир Михаила Алексева // Овчаренко А. И. От Горького до Шукшина. М., 1984. С. 245.

³³ Алексеев М. Н. Ивушка неплакучая // Собр. соч.: В 6 т. М., 1976. Т. 4. С. 322.

ра Пишку, Епифана Курдюкова. Происходит это ещё в первой части «Ивушки...» Он его не выдал. Но Пишка уверен, что выловлен и арестован был по его подсказке. Отвоевав своё в штрафном батальоне, лишившись глаза, он затаил планы о мести. Ему удалось наконец совершить задуманное убийство. Произошло это не раньше 1965 года, уже в село пришли Кировские трактора. Такова лишь одна военная драма мирных времён, начало которым положил сорок первый год. С последним выстрелом не наступает на земле рай. Война смешала пути людей. Выправить её «узлы» им непросто.

Нити человеческих судеб и характеров, показанных Алексеевым умело и выпукло, сплетаются и расплетаются также и во второй части. Секретарь райкома Фёдор Фёдорович Знобин сначала выступает скорее как герой эпизодический. Появляясь в первой части романа, он по телефону вызывает к себе мужа Фени, Филиппа, упоминая имя военкома и давая понять, что за повод; потом передаёт Фене его письма из Испании; участвует в расследовании дела с утонувшим трактором, в сборе средств на «Красный завидовец»... Мы мало что узнаём о нём самом. Впрочем, когда первая часть романа была опубликована, критики отметили и его – низового партийного работника, тесно связанного с людьми. Через его судьбу прокатилась вся история страны: коллективизация, война, смерть Сталина и его перезахоронение у Кремлёвской стены – событие, которое Фёдор Знобин особенно тяжело переживал, все реформы на селе. Во второй части характер Фёдора Знобина получает типическое обобщение. В конце романа он с горечью принимает решение уйти на пенсию. Ничего не поделав, надо уступать место молодым. Но и тут он стремится, чтобы от дел его была польза. Примета хрущёвских времён – широкое внедрение химических удобрений. Иначе страну не накормить. Но гибнут от химии на болотах, в полях и лесах лягушки, зайцы, птицы.

Отдельное место занимают дети. Те, кто был в первой части подростком, во второй возвращаются с войны. Особая тема – судьба Степаниды Луговой. Такая же женщина, как и все, ровесница Фени. По селу ходит слух, будто она убила собственных детей во время голода в 1933-м. Её чуждаются. Степанида живёт очень обособленно. Никто не знает, что на деле, отправившись побираться, она упала по дороге в голодный обморок, а когда пришла в себя, когда вернулась в дом, было слишком поздно, дети умерли... Страшную беду Степанида вынуждена носить в себе, стесняясь односельчан. И, наверно, ничего не раскрылось, если б не война, когда нужно осваивать вместо мужиков трактора... А после войны чужой, подброшенный ей ребёнок преобразит всю её жизнь. Его родила прямо в поле за работой Маша Соловьёва. Она изменила мужу, который ушёл на фронт. Вот ещё «завязанный» войной узелок... Ребёнка взяла одинокая односельчанка. «Он пришёл в этот мир и не знал, не ведал про то, что вместе с его появлением исчезнет с лика земли робкая, замкнувшаяся в себе, всех сторонившаяся и всех боявшаяся женщина по имени Степанида, а вместо неё будет двигаться по селу, гордо подняв голову и выпрямив стан, смелый, независимый, бесстрашный человек. И гордая её осанка станет ещё более гордой и осанистой, а ожившие глаза станут ещё живее, когда однажды она услышит первые выговоренные «ма-ма»...». Степанида словно бы начала заново жизнь. Тот ребёнок, что стал для кого-то «бедой», ей принёс то счастье, с которым жизнь обрела смысл. Как и Андрею Соколову у Шолохова, который вынес в заголовок рассказа два огромных по значению слова: «судьба» и «человек».

Появление новорождённого мальчика у Степаниды описано трогательно, иногда даже с юмором, когда, например, заходит речь об излишнем и вроде

естественном любопытстве односельчанок, психологически точно. «Степанида раздевала ребёнка, словно луковику» – это и удачное сравнение (запелёнутого в поддюжины старых юбок подкидыша не так-то быстро разденешь), и реминисценция, если угодно, к притче о луковице из «Братьев Карамазовых». Женщина обретает то, что даёт ей спасение...

Если касаться детской темы, а она в «Ивушке...» обширна, то нужно хоть вкратце упомянуть о главе 12 второй части, когда Феня с сыном идут мимо поля. Обычная дорога, где всё знакомо. За каждым оврачком, который встречается на пути, стоит своя история. Каждый имеет своё название, и оно дано неспроста: Правиков – так когда-то звали «богатого мужика», жившего рядом, его же фамилию получил и безымянный соседний пруд. Большие птицы дрофы, которые когда-то, оказывается, водились в этих местах, дали название оврагу. У них свои повадки: они выбирают жоака, который ведёт всю стаю в тёплые края на зиму, хотя летают плохо... Разве непохожи на них и люди? Маленький Филипп не просто узнаёт интересные сведения, но знакомится с той «малой родиной», с которой мало-помалу начинается любовь к большой стране. Вот большой мар, как зовут лысый курган среди поля, тут погребён великий скифский предводитель, рядом – вожди поскромней. Для мелкой сошки и земли надо поменьше. Многое может дать человеку мечта раскрыть те тайны, которые хранит его малая родина, многое. Но самая великая из них – собственное человеческое становление.

Ничего подобного Алексеев не разъясняет, это становится ясно само – из беседы взрослого и ребёнка, из вопросов и ответов, из тех историй, что рассказывает Феня. Обычный вроде бы разговор на деле не совсем обычен, это как изустная передача сакральных знаний. Ребёнок ощущает, что пришёл не на пустое место. За его спиной – поколения других людей, он только звено в этой длинной цепочке. За детским желанием раскопать курган, хоть мама и говорит, что «в могилках грешно копать», стоит пробудившееся стремление познать в координатах настоящего, прошлого, будущего – себя. История, в том числе, конечно, история малого края, где ты родился, и природа для Алексеева две основы гражданского самосознания человека.

Характерной особенностью «Ивушки неплакучей» стало слияние военной и деревенской тем воедино. Победа на фронте была невозможна без самоотверженного труда в тылу. Значит, надо понять, что происходило там.

Отклики на роман появились уже после публикации первой его части³⁴. Во многих из них было отмечено и намечено то, что относится и ко второй, и к роману в целом. Можно начать с газет, самые первые статьи увидели свет там. 18 марта в «Литературке» появилась статья Н. Верещагина «В суровую годину». Характеризуя героев, он выделил их типические черты. «Феня Угрюмова – средоточие той нравственной народной силы и красоты, которая есть во многих героях романа (ведь даже опустившийся Тишка в момент испытания становится человеком), но именно в ней эта сила про-

³⁴ Верещагин Н. В суровую годину // Литературная газета. 1970. 18 марта. С. 6; Саватеев В. Истоки характера – истоки победы // Литературная Россия. 1970. 20 марта. С. 8; Корнюшин Н. Стоит на земле деревня... // Советская Россия. 1970. 22 марта. С. 4; Сергованцев Н. Неплакучие // Огонёк. 1970. № 27. С. 9; Пыльнев А. Роман об иве неплакучей // Нева. 1970. № 7. С. 184–185; Щербаков В. Общее дело // Знамя. 1970. № 7. С. 242–245; Грубин В. «Есть женщины в русских селеньях» // Звезда. 1970. № 9. С. 205–207; Доризо Н. Прописаны навсегда // Правда. 1970. № 274, 1 октября. С. 3.

является особенно полно и ярко. Натура незаурядная, Феня отличается особым жизнелюбием и особым нравственным здоровьем, потому и тянутся к ней люди». Алексееву удалось показать и раскрыть непоказную доброту своих героев. «Это исконная народная доброта, что толкает человека отдать последний кусок ослабевшему от голода, и не отдать даже, а сунуть незаметно и грубовато». Такая доброта не имеет ничего общего со всепрощением (пример – отношение завидовцев к дезертиру Пишке).

В романе Михаила Алексеева, указывал критик, как и в других его книгах, «приметы времени, воспроизведённые правдиво и ярко, не позволяют нравственно-философской проблематике оторваться от конкретной социальной среды, от конкретного времени. Герои романа – не абстрактные носители добра или зла, а живые люди со своими непростыми судьбами и негладкими характерами, неотделимые от своего времени со всеми его сложными и зачастую трагическими изломами»³⁵. «Ивушка...» – «социально-нравственное исследование жизни», где раскрыты глубинные источники силы и мужества народа. Это прочность человеческих связей, взаимопомощь, приоритет совести, духовное чувство земли, когда родина – не просто точка на карте, а духовный источник жизни и бытия.

Через два дня в «Литературной России» была опубликована статья литературоведа Вячеслава Саватеева «Истоки характера – истоки победы». Он также отметил нравственное начало в образах завидовских женщин, типичность их судеб. «Все члены семьи Угрюмовых привлекают нас своей душевной мягкостью, чистотой, но даже и для них настоящим нравственным камертоном может служить Феня, «ивушка неплакучая». «Писатель предпочитает изображать характеры внешне не эффектные, неброские. В его героях, как правило, органично сочетаются элементы будничного и героического, смешного и высокого». Это замечание по поводу метода создания характеров остаётся только полностью признать. Как и то, что подметил критик по поводу языка: «Ивушка неплакучая» щедра и разнообразна по языку, богата интонационно – в ней есть место и доброй иронии, и проникновенному лиризму, и сдержанной патетике. М. Алексеев хорошо знает и с большой любовью описывает приметы народного быта, жизни колхозной деревни в военное лихолетье. При этом писатель нисколько не умалчивает о трудностях и лишениях, которые выпадают на долю его героев, но и никогда не даёт обстоятельствам полной власти над человеком. Неутрачиваемое ощущение перспективы при изображении самого ближнего плана позволяет почувствовать «воздух» прозы М. Алексеева, какую-то её особую прозрачность и просветлённость»³⁶.

Да, «Ивушка...» – роман о людях подвига, но подвига незаметного, повседневного и бескорыстного, где герои связаны узами «жизненной и художественной правды». Здесь много героев и судеб, и в то же время один герой – русский народ, одна судьба...

Автор ленинградского журнала «Звезда» В. Грубин (не Валерий ли Грубин, друг Сергея Довлатова?) отмечал то же: «Автор убедительно показывает, как непритязательные, незаметные в их обыденности дела простых колхозников превращаются в деяния, которые потом будут называться всенародным подвигом. Пристрастие и талант к бытописанию ощущаются как верный

³⁵ Верещагин Н. В суровую годину // Литературная газета. 1970. 18 марта. С. 6.

³⁶ Саватеев В. Истоки характера – истоки победы // Литературная Россия. 1970. 20 марта. С. 8

залог художественно точного воспроизведения духовной атмосферы в России военного времени»³⁷.

О том, что в «Ивушке...» совсем незаметно вымысла, коротко заметил поэт Николай Доризо в газете «Правда». Роман воспринимается как документальное произведение, и в этом его несомненное достоинство. Его герои – одна семья³⁸.

Всё верно. Та же мысль, шире и полнее, была уточнена чуть раньше, в статье критика Николая Сергованцева «Неплакучие» в журнале «Огонёк». По его словам, роман имеет все признаки семейной хроники, которая развёртывается по главным идейно-художественным линиям как хроника жизни одной деревни. «Семейные события Угрюмовых – и в силу многосложных родственных связей, которые ещё чтятся и имеют определённые влияния в деревенской среде, и в силу общих свойств крестьянского быта – помогают нам узнать историю села Завидова...» Знакомство с ним начинается в ту благополучную эпоху, когда голод 1933-го только-только миновал. Сергованцев дал свою характеристику героев, подход писателя к созданию характеров: «Разный люд, каждый со своей чудинкой, с такой замысловатостью в натуре, от которой не заскучаешь. Михаил Алексеев любит в своих героях эту чудинку, которая затейливо, как бы на удивление людям, так при случае покажет характер, что быть человеку как на ладони – гляди, любуйся. Я бы назвал этот нередкий в русской литературе приём – переключить внимание на какую-нибудь второстепенность в характере, как бы непомерно развитую и не имеющую прямого отношения к главной сути натуры героя – шолоховским добродушно-лукавым свойством скрыть смущённо великое своё любование Человеком. И я смотрю на эту мудрую художническую уловку как на проявление тонкого такта там, где неожиданно обнажённую красоту человеческого духа подстерегают умилённость и выпренность»³⁹. Как бы при всём этом ни отличались герои «Ивушки...», их объединяет, каждого по-своему, особое простодушие, «какая-то сохранившаяся детскость, которая прямо-таки поразительно уживается как с хорошим, так и с плохим».

Тема русской крестьянки стала в творчестве Михаила Алексеева одной из основных. Она не была данью традиции, позволил раскрыть духовные ценности народа. «И если прежде в значительной мере женские образы вообще и крестьянок в частности наполнялись либо нравственно-трудовым, либо нравственно-любовным содержанием, если прежде литература по преимуществу показывала борьбу женщины против духовного пленения и местом этой борьбы были чувства, то послереволюционная русская литература в излюбленный свой образ вложила и новый смысл. Он родился в жестоких классовых схватках, во всеобщей перетряске жизни до самых глубинных её начал и определился равным участием женщины как в сфере духовной, так и в гражданской и социальной. И этот образ, как и другие, навеянные прекрасным временем, был новым словом русской советской литературы»⁴⁰. Смена конфликта и акцентов не обошла «Ивушку...» стороной, ведь нельзя закрыть глаза на те перемены, что принесло само время. Однако женщины в романе Алексеева особые. Показывая «нератную сторону войны, писатель ввёл в литературу особый тип – солдатки, как исстари называли солдат-

³⁷ Грубин В. «Есть женщины в русских селеньях» // Звезда. 1970. № 9. С. 206.

³⁸ Доризо Н. Прописаны навсегда // Правда. 1970. № 274, 1 октября. С. 3.

³⁹ Сергованцев Н. Неплакучие // Огонёк. 1970. № 27. С. 9.

⁴⁰ Сергованцев Н. Там же.

ских жён. Нет у них времени выплакать своё горе. Но действительно, дела их превращаются в деяния. То же слово, уходящее в древность, использовал в «Звезде» и В. Грубин... О героическом нужно говорить, избегая обыденной лексики, хотя роман – об обыденной жизни, о повседневности, где вроде ничего героического-то и нет.

«В ненарядный, строгого убранства образ Фени Угрюмовой любовно вложил М. Алексеев народные представления о прекрасных, нетленных чертах крестьянки минувшей войны. Ещё ранее общей беды остался на чужой испанской земле Фенин муж, за короткие дни не признанный и не полюбившийся; бесследно исчез на опалённой войной родной земле и тот, к кому с отрочества тянулось сердце (Авдей, который вернётся во второй части. – **В.Б.**); ушли воевать брат и отец. И велик же был её труд на селе, так что валило с ног после каждого длинного дня, голодного и холодного»⁴¹. И Сергованцев стократно прав, когда пишет дальше: «Суровой должна быть история того народа, лучшие художники которого вдохновляются и находят свой идеал прекрасной женщины в таких земных пределах, где живому и выстоять сказочно».

Сразу после того, как в 1974-м «Молодая гвардия» завершила публикацию второй части, «Ивушка неплакучая» вышла отдельной книгой в 1975 году в Воениздате. В 1976-м писатель был удостоен за роман Государственной премии СССР. В силу того, что космополитизм стал в наши дни основной мировоззренческой доминантой, исследований, посвящённых творчеству Михаила Алексеева, не так уж много, если не сказать, что их нет вовсе. Но именно в такую эпоху, как наша, в эпоху национального обезличивания и борьбы за своё прошлое как основу будущего, за чистое русское слово, за собственный взгляд на мир и право оставаться в нём самими собой, оно требует серьёзного изучения.

---

⁴¹ Сергованцев Н. Там же.

**Екатерина
АНУЧИНА**

ЭТО И ЕСТЬ ПОЛЁТ

РЕКА ЖИЗНИ

Небо рассыпало звёздные искры в ладони реки.
Спят на дне рыбы, не спят над водой рыбаки.
Месяц в серебряной лодке поднимет весло –
Рябь на воде, искры к берегу нового дня унесло.
Сон мой ли, явь моя, жизнь моя – нежность и страсть.
Вдохом и выдохом мне насладиться бы всласть.
В реку рассветную с солнцем войти босиком,
Быть чистым воздухом, ярким огнём, родником.
Коршун над миром высокий с утра начинает полёт.
Белое облако в синем просторе плывёт
И отражается в тихой зеркальной реке –
Путь мой талантливой жизни на небе и путь на песке.
Снова вокруг разлились красота и покой.
Друг, улыбнись, насладись своей жизни рекой!

ДЕНЬ ГОРОДА

День – на убыль, июль – на август. Солнце ласковое. Тепло.
Рыбинск. Волга. Весёлый праздник. На душе у меня светло.
Вдоль иду по Крестовой, слышу колокольного сердца звон.
Чем живёшь сейчас? Как ты дышишь, город – жизни моей перрон?

Помнишь первую нашу встречу? Как в осенний медовый час
Ты встречаешь меня под вечер, не отводишь влюблённых глаз.
Как широкой рекою нежность остаётся всегда с тобой.
Город юности и надежды, ставший вмиг для меня судьбой.

-
- Екатерина Викторовна Анучина родилась в 1990 году в городе Йошкар-Ола. В 2013 и 2015 годах участвовала во Всероссийском литературном фестивале им. Михаила Анищенко в Самаре. В 2018 году была участницей молодёжного форума «Таврида», смены «Экспериментальная сцена». В 2018–2019 годах посетила слёт молодых поэтов «Зелёный листок» в Твери. В 2019 году вошла в список финалистов фестиваля интеллектуальной поэзии «Собака Керуака» и фестиваля «Улица Блока» в Санкт-Петербурге. В 2022 году приняла участие в литературном фестивале «Солнечный круг» им. Л.И. Ошанина в Рыбинске. Публиковалась в сборниках «Изоляция», «Авторизация 2020», «Собака Ке», «Рыбинск 950», «Солнечный круг», в журналах «Причал», «Молодёжная волна». Живёт в Рыбинске.

Волжский мост, низко чайки вьются, облака над водой плывут.
Словно лебеди, мои чувства устремляются в твой приют.
Где бы ни был мой путь тернистый, мне в объятия твоих огней
Возвращаться. Ты самый близкий. Нет на свете тебя родней!

***

Якорь хранит глубину в наших юных сердцах.
Лето причалило к югу последним аккордом.
Юнга, мой друг, не печальтесь, мы будем в стихах
Бисер ракушек кидать на кипящие волны.
Люди, скорее устроим большой карнавал,
Южный, как ветер, кружащийся в музыке танец!
Танец судьбы – фотографий восторженный глянец.
Есть в этом пире десерт до хрустящей зимы.
Будто бы встретились в море все тысячи звёзд,
Ярким салютом костров озарилось пространство.
Лунною поступью к рыбам в подводное царство
Август уходит в объятия сказанных слов.
Ласковый ветер и спелого яблока вкус,
Ах, это лето сорвавшихся фруктов и строчек!
Лебедем белым по морю светило плывёт,
Арфы мелодии – волн неразборчивый почерк...

ОКТАБРЬ

Октябрь. Стаи птиц на рассвете
И серое небо в оконном проёме.
И осень не вспомнит о солнечном лете,
Лишь листьев гербарий, засохший в альбоме.

Я буду писать о тропических странах,
О хрупких ракушках на ласковом море.
Играть на дождях и шаманских варганах,
На флейте японской, на синем просторе.

И слушать, как ветер поёт на дороге,
Волнуется речка и шепчется поле,
Здесь пьют шен пуэр наши чайные боги.
Октябрь... Октябрь, листья на воле.

ЗАМОК ШЕРЕМЕТЕВА

Полдень. Старинное сольдо.
Берег – сметана на хлебе.
Волны несёт свои Волга
И растворяется в небе.

Осень в стихах драгоценна,
Смотрит сентябрь влюблённый,
Где наша синяя сцена
С жёлтыми листьями клёна.

Слышится песенный вечер.
Блеск темноты у камина.
В замке прекрасная встреча.
Скрипка в руках у Алины.

Спой, заиграй на гитаре,
Пробереги с «Ледоколом»
«Пушкин». Как сердце в разгаре,
Пламя над замковым полом.

Сказки становятся былью,
Не потеряй счастья нити.
Мне бы певучие крылья,
Мне бы вас вечно любить и

Помнить то чудо мгновений
Неописуемо долго.
Вдаль мимо графских имений
Путь свой направила Волга.

СНОВА ЦВЕТЁТ ВЕСНА

Ты говоришь со мной,
Близкий, любимый друг,
И за моим окном
Ясно сияет солнце.

Птицы поют ему,
И небеса в ответ
Искренней красотой
Дарят своё тепло.

Покой, и любовь, и свет,
Радость нового дня –
Всё, что захочешь ты,
Чтобы счастливым быть.

Это и есть полёт,
Это и есть рассвет,
В сердце моём теперь
Снова цветёт весна!

Юлия Гиматова

«ЖЕЛАЮ ВАМ ПОЛНЫХ РАДОСТИ И КРАСОТЫ ДНЕЙ...»

БЕСЕДА АННЫ МОРКОВИНОЙ С ХУДОЖНИЦЕЙ ЮЛИЕЙ ГИМАТОВОЙ

На выставке, проходившей весной 2025 года в конференц-зале Областной библиотеки для детей и юношества имени А. С. Пушкина, посвящённой Году русско-китайской дружбы, мы разговорились с одной из молодых участниц – Юлией Гиматовой. Художница показывала свои работы друзьям, комментировала их.захотелось познакомиться поближе и мне. Так состоялся интересный разговор.

А.М. Юлия, традиционная китайская живопись – ваше давнее увлечение?

Ю.Г. Нет, я начала этим заниматься относительно недавно. В своё время училась в школе с углублённым изучением художественных предметов. Рисовать у меня получалось не слишком хорошо, я даже получала «тройки»... Но преподавателям не удалось отбить мою любовь к творчеству. Сегодня моя жизнь наполнена им, я профессионально занимаюсь танцами, рисую, и всё это мне очень нравится.

В традиционную китайскую живопись я пришла несколько лет назад, в 2021 году. Узнала, что при Радищевском музее есть студия китайской живописи, а в тот момент преподаватель Юлия Сойкина проводила мастер-класс. Это было занятие для всех желающих с нулевым опытом. Мы пришли вместе с мамой. Нам предоставили всё необходимое, и мы впервые попробовали изобразить пионы. Это достаточно сложно, но очень интересно. Пион – по китайской градации – одно из четырёх благородных растений, символ богатства, знатности, благополучия. Существует много разных техник рисования пиона, и тогда я попробовала одну из них.

Заинтересовавшись, я стала посещать студию при Художественном музее. На занятиях мы рисовали гиацинты, другие

растения, а также рыб. Вскоре от мамы на Новый год я получила подарок – учебник по китайской живописи и материалы для этого.

А.М. *Какие требуются специальные материалы?*

Ю.Г. Самые первые свои работы я делала акварелью на обычной бумаге. Но это не совсем правильно. В китайской живописи используется специальная рисовая бумага. Она называется так, потому что в её состав входит рисовая солома. Впрочем, сегодня для производства подобной бумаги используются и бамбук, и кора шелковицы – натуральные материалы. Напомним, кстати, что китайцы вообще изобрели бумагу!

А.М. *Где всё это можно взять?*

Ю.Г. Сейчас в России есть множество магазинов для художников, где продаются бумага и прочие принадлежности для рисования. Или можно заказать из Китая. Главное – использовать традиционные материалы, чтобы передать те эффекты, которые важны для этой техники живописи.

Далее – используются кисти из натуральных волокон – шерсти волка, овцы, кролика... Есть особые кисти из перьев курицы. Естественно, они очень объёмные и применяются для создания больших, широких мазков. Есть и кисти из шерсти мыши или крысы (они маленькие, тоненькие) – для проработки очень тонких, мелких деталей.

А.М. *А рисовать нужно тушью или красками?*

Ю.Г. Тушь – это основной ингредиент для этого вида творчества. Ещё мы используем китайские минеральные краски. Они очень похожи на акварель, то есть это водорастворимые краски, но раньше они создавались из натуральных камней и растений, а сегодня применяются чаще искусственные материалы. При помощи воды можно разбавлять эти краски и получать более прозрачные оттенки. Краски также дают матовый эффект. Когда мы пишем, всё делаем одним мазком.

Стиль, в котором я обычно рисую, называется сё-и, что в переводе с китайского означает «свободная кисть». В его основе заложена идея передачи духа растений, цветов, птиц, животных, самых разных предметов. Мне очень нравится этот стиль – я люблю свободу творчества. Когда я творю, то особо не задумываюсь – не делаю эскизы, наброски, а сразу беру краски, и примерно через час работа готова.

А.М. *Практически на всех ваших работах стоят небольшие овальные или квадратные печати. Что они означают?*

Ю.Г. Когда та или иная работа готова, я ставлю печать. Каллиграфическая печать – это тоже важный элемент традиционной китайской живописи. Как правило, их несколько: именная печать художника, а также печать с какой-то красивой поэтической фразой, пожеланием удачи, счастья или с изображением, символом. Я в качестве именной использую маленькую печать с изображением книги, потому что основная моя профессия – литературный переводчик, работаю с разными издательствами, перевожу с английского и итальянского языков.

Есть у меня и добрая, счастливая печать с пожеланием полных радости и красоты дней – я ставлю её, когда дарю свои картины друзьям. А ещё я иногда ставлю печать с пожеланием «нарисовать зрачки дракону». Это означает: финальным штрихом завершить работу.

А.М. *Юлия, сюжеты сами приходят в голову? Или у вас как такового сюжета нет, вы просто используете набор «шаблонов»?*

Ю.Г. Я очень люблю жанр «цветы и птицы» и ещё жанр «сине-зелёный пейзаж». Это обычно долгая, кропотливая работа, но я люблю эти цвета – они очень яркие и жизнерадостные.

А.М. А за вдохновением куда отправляетесь?

Ю.Г. Я черпаю вдохновение в обычной жизни. Думаю, наш мир очень красив. Этим мне и близка традиционная китайская живопись – любовью к миру, стремлением к гармонии, в ней нет жестокости.

Люблю насекомых, птиц, цветы в живой природе и изображаю их. Могу увидеть необычную фотографию в Интернете и создать картину по её мотивам. И даже если в супермаркете вижу фрукты и овощи, могу сфотографировать их, а дома нарисовать. У меня есть очень красивая работа со свёклой...

А.М. Где зрители могут познакомиться с вашим творчеством?

Ю.Г. Ну, например, я выкладываю свои работы в популярном Интернет-сообществе, оно называется «Ван Гог за тушёнку» (как раз для продвижения работ молодых художников). Вот именно там и понравилась зрителям моя свёкла...

А.М. Юлия, мы разговариваем на выставке, организованной в рамках перекрёстного Года русской и китайской культур. Как вы думаете, близка ли традиционная китайская живопись обычному русскому человеку?

Ю.Г. На мой взгляд, в традиционной китайской живописи для русского зрителя много необычного. В ней свои правила, например, композиции. Китайская живопись сильно отличается от западной. Но, я думаю, сейчас она становится более популярной, потому что в России сегодня действует множество различных школ живописи, проводятся мастер-классы, способствующие этому. В прошлом году я побывала в Москве, в Музее Востока, где желающие тоже рисовали пионы... Прекрасно, что мы открыты разным направлениям, разным видам познания – ведь всегда хочется почерпнуть что-то новое...

А.М. Огромное спасибо за ваше творчество! Желаю вам новых открытий в изобразительно искусстве.

Ю.Г. Спасибо.

Екатерина
КУДАКОВА

ОБЕРЕЖНАЯ КУКОЛКА

***

Вылавливаю поделочные камни
складным сачком
из лиминального пространства
и возвожу курган.
Когда уходит чёрный человек,
я остаюсь
перед бескрайним синим
и посеревшими булыжниками
и разбиваю каждый методично.

Ах, если бы
мне не мешали
дети, избы, кони,
вышла б пирамида из правдивых слов.
Но нужно время, тьма и тишина.

А за окном
апрельский месяц привалился к дому
и ждёт, когда уже, когда
придёт пора
высаживать из дома розы.
И ничего не ждать.

-
- Екатерина Кудакowa (Екатерина Андреевна Диденко) родилась в 1987 году в г. Королеве. Финалистка конкурсов «Мгинские мосты-2025» (дипломант 1-й степени), «Солнцестояние-2020» (короткий список), «Гипертекст-2024» (длинный список), конкурса им. Дурылина-2023, «Лицей-2023» (длинный список), «Новые имена-2023» Литературного института (короткий список) и других литературных конкурсов и фестивалей. Участница Союза молодых литераторов «Финист» (г. Королев) и Совета молодых литераторов Московской области. Публиковалась в журналах «Альдебаран», «Интер-поэзия», «Симбирскъ»; газетах «Литературная газета», «Калининградская правда», на портале «Полутона», в различных сборниках современной поэзии.

***

Из нежных веток жимолости
сплетёт обережную куколку,
оденет в своё платье,
оставит вместо себя дома,
украшит цветами,
и её полюбят дети,
пропитает маслом,
и запах её станет тебе знаком,
напоит своей кровью,
отдаст половину души,
возьмёт посох,
наденет новые ботинки
и сбежит в другую сказку.

И будет улыбаться,
жить и любить
детей и тебя
Чучелка.
А вы и не заметите разницы.

Да и какая разница,
кто читает книжку на ночь,
если голос ласковый.
Да и какая разница,
кто ночью прикасается к тебе,
если становится легче.

Чучелка будет доброй.
Чучелка будет рядом.
Спасёт от Бабы Яги и депрессии.
Не скажет плохого слова.
Не повысит нежно-розовый голос.

Только однажды,
спустя многие вёсны, многие лета,
оставленной части души опять станет тесно
в ветвистой клетке,
и не сможет справиться Чучелка
с тем, что бьётся изнутри.
Улыбка станет кривой.
Бисквит станет песочным.
Она разучится прикасаться
к тем, кого была поставлена оберегать.
Ветки прорвутся сквозь платье сизыми плодами.
И дети начнут её бояться,
а ты перестанешь понимать.

И захочется ей – с обрыва птицей.
И захочется – к звёздам пылью.
И почувствует:

пришло время
искать на краю леса
жимолость,
покрытую розовыми цветами,
и связать новую Чучелку
обещанием
любить и защищать.

А сама, как и все чучелки до неё,
освободится,
прыгнув ночью через костёр.
Она прочитала детям столько сказок,
что нашла выход.

Вот и сию.
Смотрю на тебя чучелкой.
А внутри вроде ещё живая.

***

в поле стоит тень
васильками подмигивает
маками улыбается
еле различимая
зывает рожь смотреть
ночь вязать
подаёт руку
подаёт саван
ждёт
нечего впустую гулять
душу сеять
пустоту обручим с небом
путеводной звезде простим
свою злую боль
самую тёмную
нио чёмную

я пойду за тенью куда она скажет
я оставлю детские голоса за спиной
я открою глаза на последнем выдохе
а там никого нет

и не было

и не будет

***

1

Не нужно ни штампа в паспорте,
ни двуспинных прикосновений,
чтобы в её подвздошь
появилось место для новой души.

2

Звёзды бесполезно хлопают глазами,
но не объясняют,
зачем вы встретились
в этой жизни
на расстоянии вытянутой руки.

Я обязательно назову её Варей,
а ты
никогда не согласишься на это,
потому что не знаешь,
что она могла быть.

3

Молодая яблоня,
посаженная тобой девять лет назад,
разродится жемчужными яблоками
этой осенью.
Ты обязательно услышишь
в октябрьском звёздном небе
призрачный стук сердца нашей дочки.
А я,
задохнувшись,
заглушу его внутри
и обниму своих настоящих детей,
которые заболеют,
чтобы я смогла забыть тебя
хотя бы на время.
Но в теле укоренится тоска
и скрипом балконной двери
иногда летом
станет будить меня
по ночам.

**Алексей ГЕРАСИМОВ,
Алиса СЕНЦОВА**

ПОЧТИ 500 ЛЕТ СЛУЖЕНИЯ МЕДИЦИНЕ

Никогда не думал, что окажусь долгожителем в нашей медицинской династии Китаевых-Герасимовых, пережив всех в нашем роду: мне идёт 88-й год.

На правах «аксакала» начну наше повествование, конечно, с моего дедушки по материнской линии – Фёдора Яковлевича Китаева (годы жизни его – 1875–1935). Именно он был первым медиком, родоначальником династии Китаевых-Герасимовых в Саратове.

Я никогда не видел своего знаменитого деда, так как родился уже после его смерти. Биографию его знаю со слов моей матери, а также по прочитанным в литературе сведениям, собранным профессором Лидией Ивановной Юдановой на кафедре, и материалу исследования, проведённого Софьей Марковой (под руководством Ж.В. Игониной) во Дворце пионеров о нашей медицинской семье, публикации «Взгляд в будущее» А.А. Фисун и другим источникам.

Заслуженный деятель науки, доктор медицины, профессор Ф.Я. Китаев (стаж работы 35 лет) родился в 1875 году в городе Устюжне Новгородской губернии в семье служащего. Детские и юношеские годы он провёл в Казани. В 1893 году окончил гимназию, а в 1899 году – медицинский факультет Казанского университета. В 1900 году Фёдор Яковлевич стажировался в Обуховской больнице в Санкт-Петербурге. С осени 1900 г. по 1908 г. он работал в Казани ординатором терапевтической клиники Казанского университета, параллельно преподавал курс внутренних болезней в Казанской фельдшерской школе, работал в Бактериологическом институте.

В 1908 году после защиты диссертации Казанский университет удостоил Ф.Я. Китаева степени доктора медицины. Я был поражён, когда увидел диссертацию деда, которая была напечатана всего на четырёх страницах, а известна была не только в России. Вот так писались диссертации до революции – только суть работы и никакой «воды» (в настоящее время диссертация деда находится в музее Саратовского медицинского университета).

-
- Алексей Николаевич Герасимов – врач-невролог, заслуженный врач России.
  - Алиса Сергеевна Сенцова – студентка Института филологии и журналистики Саратовского государственного университета.

В 1909 году Ф. Я. Китаев переехал в г. Пермь, где работал до 1917 года в Бактериологическом институте и одновременно заведовал терапевтическим отделением Пермской губернской больницы.

С 1917 года Фёдор Яковлевич жил и работал в г. Саратове. В декабре 1923 года он стал заведующим кафедрой инфекционных болезней – читал лекции, вёл практические занятия, одновременно являлся консультантом по внутренним болезням. В 1927 году Ф. Я. Китаев стал профессором кафедры госпитальной терапии (несколько лет возглавлял обе кафедры).

Фёдор Яковлевич получил международное признание за открытие сосудистого рефлекса, названного его именем. Научные исследования профессора Ф. Я. Китаева затрагивали проблемы физиологии, бактериологии и клиники внутренних и инфекционных болезней. Некоторые его гипотезы нашли подтверждение только через несколько десятилетий при появлении современной аппаратуры. Ему было присвоено звание заслуженного деятеля науки.

По словам его учеников и лечившихся у него больных, с которыми меня свела жизнь, он был человеком далёким от ложного самомнения и зазнайства, не стыдился признаться в том, чего не знал (в таких случаях говорил: «Об этом нужно подумать»). Его уважали, любили и больные, и ученики.

Ф. Я. Китаев заведовал кафедрой инфекционных болезней Саратовского медицинского института вплоть до смерти, которая наступила от пневмонии 25 декабря 1935 года (он поехал на консультацию к тяжелому больному в г. Аткарск и простудился в дороге).

Профессор Ф. Я. Китаев и его семья – А. А. Китаева и Наточка Китаева

Мама говорила мне, что после его смерти аудитория для чтения студентам лекций в инфекционной клинике была названа его именем, но через несколько лет памятная табличка в честь дедушки и его портрет исчезли. Мама считала, что это сделали непорядочные люди, завидуя ему даже после смерти.

Лишь совсем недавно я решил, что дело обстояло совсем иначе. На кафедре Ф. Я. Китаева курс эпидемиологии вёл его друг И. К. Сухостав, который был репрессирован в конце 30-х годов. Его дочь, Наталия Иосифовна Сухостав, и моя мама были подругами. В те же годы был арестован и расстрелян и муж Наталии Иосифовны – Виктор Казимирович Томашайтис.

О Ф. Я. Китаеве ничего не говорили и не писали. Впервые вспомнил о нём его ученик профессор П. И. Шамарин в 1955 году на лекции в мединституте (будучи студентом, я как раз присутствовал на этой лекции). В газете

«Медицинские кадры» в это же время была напечатана статья о профессоре Китаеве. А дальше уже в различных медицинских изданиях появились многочисленные публикации о профессоре Ф. Я. Китаеве.

Перехожу к рассказу о моих родителях – второму поколению нашей медицинской династии.

Дочь Ф. Я. Китаева – Наталия Фёдоровна Китаева (стаж работы 40 лет) (даты жизни: 23 июля 1906 г. – 26 сентября 1988 г.) – стала врачом-лаборантом, можно сказать, «пошла по стопам своего отца» в какой-то степени. Ведь Фёдор Яковлевич был не только знаменитым терапевтом и инфекционистом, но и одним из зачинателей лабораторного дела в Саратове (в 20-х годах из зарубежной командировки он привёз самое современное по тем временам медицинское лабораторное оборудование).

Во время Великой Отечественной войны мама работала в одном из госпиталей Саратова. Наталия Фёдоровна многие годы была врачом в крупной медицинской лаборатории, а затем и возглавляла её.

Мой отец, Николай Васильевич Герасимов (стаж работы 55 лет) (16 декабря 1897 г. – 8 октября 1980 г.) был одним из самых знаменитых хирургов нашего города.

Родился он в селе Злобовка Саратовской губернии. После окончания реального училища в 1917 г. поступил на медицинский факультет Саратовского университета. В 1919 г. студентом 3-го курса был мобилизован на борьбу с эпидемией сыпного тифа и находился в рядах Красной Армии в должности помощника лекаря эвакуационного госпиталя.

В 1924 году окончил медицинский факультет и стал вначале ординатором, затем ассистентом госпитальной хирургической клиники, которую возглавлял «патриарх» отечественной хирургии профессор Сергей Иванович Спасокукоцкий. Под его руководством получил «классическое медицинское образование, знал и умел всё» (выражение профессора Т. А. Куницыной). всю жизнь папа свято хранил память о своём великом учителе.

Н. В. Герасимов за свою долгую трудовую деятельность (58-летний трудовой стаж) работал в трёх хирургических клиниках Саратова: был ассистентом госпитальной хирургической клиники 1-й клинической больницы, затем доцентом факультетской хирургической клиники 3-й клинической больницы и, наконец, заведовал кафедрой общей хирургии 2-й клинической больницы. Был участником двух войн – Финской и Великой Отечественной. В начале Великой Отечественной Николай Васильевич организовал сосудистое отделение в эвакогоспитале № 3932 (в помещении Саратовского Дворца пионеров), в котором проводил сложнейшие операции на сосудах, сохраняя раненым руки и ноги от ампутации.

С 1943 года Н. В. Герасимов в качестве старшего хирурга – инспектора распределительного эвакуопункта № 110 проводил консультации и операции в 25 эвакогоспиталях Саратова, Вольска, Балашова и других населённых пунктов. В годы войны майор, затем подполковник медицинской службы с войсками 1-го и 2-го Белорусских фронтов прошёл боевой путь через Брянск, Гомель, Брест и закончил его в Праге. Он был награждён двумя боевыми орденами Красной Звезды и многими медалями. В дальнейшем за свою безупречную трудовую деятельность награждён орденом Ленина, орденом Трудового Красного Знамени. В 1967 году ему присвоено звание «Почётный гражданин г. Саратова» в один день с Ю. А. Гагариным, Н. М. Чернышевской и К. А. Фединым.

Н.Ф. Китаева и Н.В. Герасимов

Семья Герасимовых

Перед началом операции

С внучкой Милочкой

С внуками Колей и Вовой

Н. В. Герасимов проводил большую научную работу, внедрял новые методы лечения, был педагогом, но главным для него всегда оставалась практическая хирургия. У него были изумительные результаты хирургического лечения, он сам выхаживал больных после операций, в любое время дня и ночи приходил (порой пешком) в клинику при необходимости. За ним закрепились характеристики «хирург – золотые руки», «хирург от Бога», «талант из народа» и др. Сам он считал, что для настоящего хирурга помимо совершенства техники важны тончайшая диагностика и умение отказаться от операции, если нет необходимых показаний к ней.

В 2022 году была установлена в его честь мемориальная Доска на доме № 30/32 на улице Советской, где многие годы прожил Николай Васильевич Герасимов. Саратовцы помнят и любят его.

У Наталии Фёдоровны Китаевой и Николая Васильевича Герасимова родились два сына: старший Андрей и младший Алексей – это уже третье поколение нашей медицинской династии. К этим двум именам следует добавить ещё одно. У папы был родной брат Георгий Васильевич, но фамилия у него была не Герасимов, а Григорашкин. Так иногда бывало в деревнях – родным людям давалась иная фамилия («по-уличному»). Так вот, у Георгия Васильевича и его жены Валентины Ивановны родилась дочь – Людмила Георгиевна Григорашкина (со временем по мужу она стала Мельниковой).

А. Г. Мельникова (стаж работы 39 лет) (родилась 24 июня 1938 г.) тоже представительница третьего поколения нашей семейной медицинской династии. Она была врачом-инфекционистом, ассистентом на кафедре инфекционных болезней, которую в 20–30-х годах возглавлял Ф. Я. Китаев. Мне она рассказала, что на кафедре сохранён мемориальный письменный стол.

Весьма показательна свойственная нашему роду скромность моей двоюродной сестры: долгое время на кафедре никто не знал, что она племянница Н. В. Герасимова.

Мой старший брат Андрей Николаевич Герасимов (стаж работы 47 лет) (30 сентября 1930 г. – 21 июля 1999 г.). С юных лет у него проявились технические способности: стремление что-то мастерить, придумывать, чинить. Ему легко удавалось починить часы, настроить электро- и радиоаппаратуру и т.п. Помню, как в школьные годы он придумал коляску к велосипеду (сбоку, наподобие мотоциклетной). Конечно, посадил на неё меня и принялся кататься по Советской улице. Навстречу шёл пожилой мужчина, стал наблюдать за нами, потом воскликнул: «Привет изобретателю!». Андрюша мастерски водил машину «Волгу», которую папа приобрёл в 50-х годах (за руль папа никогда не садился). Вспоминаю нашу поездку втроем в Крым и на Кавказ. Брат виртуозно выделял виражи по крымским дорожным серпантинам.

Андрей Николаевич стал врачом-окулистом, но и в медицине проявил свои технические способности. Заведовал он двумя отделениями в глазной клинике – травматологическим и рентгенологическим. Он мог разобрать, починить и собрать рентгеновский аппарат при каких-то неполадках. Его докторская диссертация «Расчёты локализации внутриглазного инородного тела» была уникальной. Написана она «на стыке» различных дисциплин, причём не только медицинских – офтальмологии, рентгенологии, травматологии, но и физики, картографии и других наук. Ведь глазное яблоко представляет собой сферу, расположенную в замкнутом пространстве, со сложными оптическими механизмами. Андрею Николаевичу пришлось в 1993 году повторно защищать свою диссертацию в Москве.

А.Н. Герасимов

Н.В. Герасимов

В.В. Нагорбина-Герасимова

В медицинскую комиссию ВАК были приглашены картографы, оптики и другие специалисты, чтобы понять и оценить глубину и неординарность его работы. Конечно, связанные с повторной защитой волнения не прошли бесследно: у Андрея Николаевича развился тяжёлый сахарный диабет с осложнениями, и его не стало.

Жена брата, Вера Васильевна Нагорбина (стаж работы 48 лет) (30 августа 1930 г. – 5 сентября 2021 г.) была детским хирургом, много лет проработала в 3-й клинической больнице, в клинике детской хирургии СМИ.

Кем бы стала их дочь Милочка, неизвестно (она умерла в десятилетнем возрасте), а вот два сына, Николай и Владимир, стали врачами, представителями уже четвёртого поколения нашей медицинской династии.

Николай Андреевич Герасимов (стаж работы 19 лет) (годы жизни 1964 г. – 2006 г.) продолжал дело своего отца, был тоже хирургом-окулистом глазной клиники. О Владимире Андреевиче поговорим позже.

Верхний ряд слева направо: врач Герасимов Н. А., заслуженный врач России Ляхович В. В., заведующий отделением Борисов А. Н., врач Калентьев А. Ю. и сотрудники отделения

*Лариса Гаврилова-
Герасимова*

Костя и Лена Герасимовы

Алексей Герасимов

Продолжу рассказ о медиках третьего и четвёртого поколений нашей династии. Первая моя жена, Лариса Георгиевна Гаврилова-Герасимова (стаж работы 55 лет) родилась 27 октября 1937 года. Она стала врачом-педиатром и проработала 55 лет в 3-й клинической больнице, после выхода на пенсию проживает в Москве у нашего сына Константина Алексеевича Герасимова. Он родился 5 декабря 1970 года. После окончания Саратовского политехнического института стал специалистом по компьютерным связям.

Наша дочь, Елена Алексеевна Герасимова (стаж работы 20 лет), родилась 15 июня 1962 года, начала учиться в Саратовском медицинском институте, закончила врачебное образование в Москве, где и работала педиатром до пенсии. В настоящее время проживает большую часть времени в Канаде, у своей дочери Анны Олеговны, помогая ей воспитывать двух детей (своих внуков – моих правнуков).

«Ваш покорный слуга» – Алексей Николаевич Герасимов – родился 25 октября 1937 года. Как уже говорил выше, я отношусь к третьему поколению династии Китаевых-Герасимовых. 50 лет преданно прослужил медицине, из них четверть века заведовал неврологическим отделением Областной больницы № 1, преобразованной в 90-х годах в госпиталь для ветеранов войн. В 2001 году мне было присвоено звание заслуженного врача. Последние 10 лет работы перед уходом на пенсию был экспертом-неврологом МСЭ.

Должен признаться, что мой путь в медицину не был простым и может быть поучительным для кого-то, поэтому расскажу, каков он был.

Мне было четыре с половиной года, когда началась Великая Отечественная война. Папа был в армии, мама работала в военном госпитале в Саратове. С бабушкой, Людмилой Андреевной Китаевой, мы жили на даче в Клиническом посёлке Саратова. Помню зарева пожаров в районе «Крекинга» после бомбёжек, колоб вместо хлеба и т.п. Но самые яркие впечатления связаны с «чёрной тарелкой репродуктора» на стене: суровыми военными сообщениями и звуками музыки, льющейся по радио.

Очень рано стал я различать голоса великих певцов (М. Д. Михайлова, Н. А. Обуховой, И. С. Козловского) и актёров (В. И. Качалова и других). Самым родным, дорогим и любимым был «ласковый голос» С. Я. Лемешева. Так что искусство, театр вошли в моё сердце, когда я ещё не был в настоящем театре. Но с тех детских лет я всегда пытался «разыграть» на разные голоса сказки, которые рассказывала мне бабуля Миля. А уж когда перво-

классником попал впервые в наш ТЮЗ, то на всю жизнь «заболел» театром и классической музыкой. Ведь я увидел «Сказку о царе Салтане» А. С. Пушкина и услышал волшебную музыку Н. А. Римского-Корсакова.

В школьные годы у меня уже был домашний кукольный театр. Потом легендарная Наталия Иосифовна Сухостав услышала моё чтение сказки «Кошкин дом» и позвала во Дворец пионеров в драматический коллектив.

В школьные и студенческие годы у меня были замечательные мастера, которые учили меня искусству. Отец моего друга Никиты – Е. П. Каменоградский был композитором нашего ТЮЗа. Он просвещал меня не только музыкально, но и занимался со мной и чтецким искусством. Художественному слову учили меня замечательная артистка театра драмы В. К. Соболева и даже великая актриса Московского Художественного театра Ангелина Осиповна Степанова. Она была любимой ученицей К. С. Станиславского, так что я шутил, что благодаря ей был всего лишь в одном рукопожатии от самого Константина Сергеевича. В институтские годы я нашёл своего основного педагога по самодеятельному театральному искусству – актёра и режиссёра театра драмы А. Г. Василевского. Участвовал во многих его постановках: «Маскарад», «Пигмалион», «Каменный гость», чеховские миниатюры и других. Почти все его спектакли были показаны по нашему телевидению, так что благодаря Андрею Германовичу я стал «своим человеком» на телевидении, а потом и на радио.

*В сценах из спектаклей «Маскарад», «Пигмалион» и «Каменный гость»
В. Башкиров, А. Герасимов и Ю. Гвоздев*

*А. Г. Василевский Н. И. Сухостав А. О. Степанова Е. П. Каменоградский
(мои основные учителя по искусству)*

Когда я окончил школу, театральных студий в Саратове не было, я поехал в Москву, пытался поступить в несколько театральных вузов, но везде прошёл только второй тур. По возвращении домой возникла проблема: в какой

вуз поступать. У меня была серебряная медаль, поэтому экзамены сдавать мне не нужно было (пройти только собеседование). Родители-медики посоветовали поступить в медицинский институт, стать врачом. А искусством заниматься для души. Так я и сделал. Но даже после окончания мединститута я попытался ещё раз поступить в театральный. Теперь я целенаправленно пробовал поступить только в Школу-студию любимого Художественного театра. На втором туре меня после прослушивания посадил к себе ректор студии Вениамин Захарович Радомысленский (легендарный «папа Веня», как его называли студенты) и стал беседовать со мной: «Алексей, профессия актёра непредсказуема. У тебя есть определённые способности, но какой из тебя выйдет актёр, если ты им станешь, никто не может предсказать. У тебя уже есть замечательная профессия врача, иди по этому пути, а с искусством ты никогда не расстанешься, я понял это, послушав тебя и поговорив с тобой. Пусть искусство будет твоим увлечением на всю жизнь». Это был первый шаг к примирению в моей душе медицины и искусства.

В начале 80-х годов (я имел уже двадцатилетний врачебный стаж) после одного из моих чтецких концертов по телевидению получил от Н. И. Сухо-став открытку: «Алёшенька, дорогой! Как хорошо, что ты не порываешь с искусством! И, может быть, оно становится большей радостью, если не становится профессией!». Эти слова моего дорогого педагога, наверное, окончательно соединили во мне театр и медицину.

В медицинском институте учился я хорошо, окончил его с красным дипломом (единственная четвёрка была по нервным болезням), но какую врачебную специальность выбрать, не знал. На третьем курсе увлёкся акушерством, ходил даже в кружок, который вела М. А. Антонова. Но когда дело дошло до гинекологии (хирургического профиля дисциплины), понял, что это не для меня.

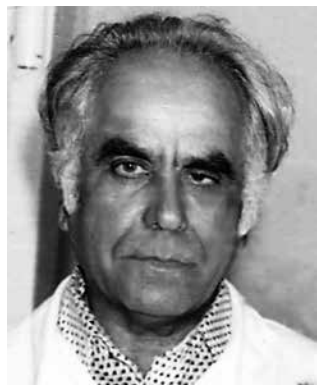
Как же любопытно порой ведёт человека по жизни судьба! Я получил направление в рабочий посёлок Баланда (при мне ставший городом Калининском). Там нужен был невропатолог. Институт дал мне прекрасное общеврачебное образование, умение ориентироваться в различных болезнях. Но мои познания в невропатологии были весьма скудными. Знал, что есть инсульты, радикулит, невроты, эпилептические припадки и ещё кое-что. Становиться специалистом-неврологом пришлось уже после института самому. У меня была выработана привычка ответственно относиться к делу, тем более врачебному. С детских лет видел я, как служили медицине мои папа и мама. Много читал специальной литературы, вдумчиво размышлял о больных, поехал на специализацию на месяц в Саратов, в КНБ (клинику нервных болезней).

Через три года вернулся из Калининска в Саратов и стал работать в неврологическом отделении Областной больницы № 2, где нашёл своего первого настоящего практического педагога по нервным болезням. Михаил Григорьевич Штейнберг, прошедший войну, был блистательным практическим невропатологом. Он не только сам учил и опекал меня, но направлял на курсы усовершенствования, конференции, съезды и т.п. (в Москву неоднократно, Тбилиси, Новокузнецк и др.). Так я обрёл поистине незабываемых учителей (Т. И. Глонти, М. К. Усова, Я. Ю. Попелянский и др.). А в Саратове не только великими учителями, но и старшими товарищами моими стали профессора Лев Яковлевич Лившиц и Мария Дмитриевна Поповьян.

С Л. Я. Лившицем я написал около 15 статей в различных журналах, благодаря ему побывал и выступал на конференциях в Новосибирске, Киеве, Минске и других городах, выработал такой стиль работы с текстом, что смог

написать книгу. За год работы в нейрохирургической клинике А. Я. Лившица освоил некоторые методы нейрохирургического обследования больных, в частности пневмоэнцефалографию. Свободно проводить люмбальную пункцию меня научил ранее М. Г. Штейнберг. Как это пригодилось мне в работе! Например, сделать люмбальный прокол больному с эпилептическим статусом в домашних условиях в деревне во время одного из вылетов по санитарной авиации, чтобы мгновенно вывести из статуса больного и спасти ему жизнь (до этого у больного уже вторые сутки не прекращались непрерывные эпилептические припадки). Думаю, что в медицине был у меня ангел-хранитель, который оберегал меня во многих сложнейших ситуациях при лечении больных.

М. Д. Поповьян была крупнейшим специалистом по медицинской генетике. В мои институтские годы она читала лекции на педиатрическом факультете, но несколько лекций по наследственным болезням прочла и нам на лечебном факультете. Это было непревзойдённо! Когда я стал заведовать неврологическим отделением в Областной больнице № 1 Мария Дмитриевна по состоянию здоровья решила уйти на пенсию. Я уговорил её стать постоянным консультантом в нашем неврологическом отделении. Мария Дмитриевна согласилась и стала один раз в неделю приезжать в нашу больницу: делала обходы в отделении, проводила клинические разборы больных с врачами, консультировала сложных поликлинических пациентов. Консультации она проводила несравненно, поистине с артистическим блеском. Это была для меня великая школа.

*М. Г. Штейнберг А. Я. Лившиц М. Д. Поповьян
(мои учителя по неврологии)*

Помню, как Михаил Григорьевич (он был главным неврологом области) пришёл ко мне в Областную больницу № 1 и сказал, что есть путёвка на курсы усовершенствования врачей в Москву, в институт нейрохирургии им. Н. Н. Бурденко (когда-то он сам прошёл это усовершенствование), и что по этой путёвке должен ехать именно я. Бесконечно благодарен ему, это было незабываемо. Пройдя курсы, я действительно стал настоящим неврологом.

Несколько раз был я в Москве, в клинике академика Е. И. Гусева. Там я не только пополнял свои знания по неврологии, но и овладел методом игло-рефлексотерапии и с успехом применял его многие годы при лечении больных.

Должен рассказать ещё, что я использовал в лечебной практике и терапию искусством. Выступая перед больными с чтецкими концертами или проводя для них музыкальные («пластиночные») вечера, видел, как меня-

лось в лучшую сторону настроение пациентов, как их мысли переключались с болезней на прекрасное искусство.

Так в моей душе возникла гармония между медициной и творчеством.

Мои учителя приветствовали и ценили моё увлечение театром, художественным словом и музыкой. Лев Яковлевич, после того как я поставил и сыграл с Люсей Апанасенко по нашему телевидению «Милого лжеца», подарил мне замечательную книгу об актрисе Патрик Кэмпбелл А. Образцовой с дарственными словами: «Дорогому Алексею Николаевичу в знак уважения к артистическому таланту и с наилучшими пожеланиями в науке и на сцене».

К 40-летию Победы был объявлен областной самодеятельный конкурс среди медицинских работников. Конечно, наша больница не осталась в стороне. Вокальные номера готовила с сотрудниками музыкальный руководитель Е. В. Розен, а ведущим и режиссёром программы был я. У меня возникли сложности с литературными произведениями о войне – как сделать программу стройной, избежать её пестроты. Помогла мне Мария Дмитриевна Поповьян, с которой я посоветовался, зная о её любви к поэзии, литературе. Через неделю, на следующую консультацию в больнице, она принесла и подарила мне книгу военных стихов Сергея Орлова. Я был покорён их правдой, искренностью и глубиной (поэт сам прошёл войну, горел в танке). Именно его стихи я включил в нашу музыкально-литературную композицию. Песни исполнялись разных авторов, а стихи – одного. Приём этот обеспечил цельность программы (мы получили на смотре первую премию). Читал я стихи от лица ветерана войны (орденская планка на костюме, седина волос, морщины на лице). Меня похвалил за исполнение стихотворений Сергея Орлова поэт Исай Тобольский.

Вера и Алексей Герасимовы в жизни и на работе

Ну а жизненные встречи с незабвенными людьми медицины и искусства подвигли меня написать книгу о встречах с ними – «Знакомцы давние мои», которая выдержала два издания (в 2005 и 2020 годах). Получается, что в целом я писал книгу около 30 лет.

Очень помогла мне при подготовке книги моя дорогая жена Веруша. Вера Егоровна Миронова-Герасимова (стаж работы 42 года). Она тоже медик, окончила акушерское отделение Саратовского медицинского училища. Работала в Саратовской области, в Москве, Красноярском крае, на Севере... Перед выходом на пенсию 38 лет проработала в Саратове в Областной больнице № 1, в неврологическом и физиотерапевтическом отделениях, в совершенстве владела массажем.

Вера и Алексей Герасимовы на смотре к 40-летию Победы (в центре)

Ещё немного о моей книге. После выхода первого издания доктор филологических наук Елена Генриховна Елина написала в своей рецензии «Врачеватели души»: «А. Н. Герасимов счастливо соединил в себе два таланта – врача и актёра. При этом ему удалось практически невероятное: он не пренебрёг ни одним из этих талантов, а развил их так, что оба стали нужны и дороги людям». Конечно, такой отзыв был мне бесконечно дорог.

Что касается книги, думаю, что особенно удачным получилось второе издание. Вот что написали о нём мои самые дорогие друзья (мне даже немного неловко, но кривить душой они не стали бы). Это отзывы не только мне, но и всем, кто в издательстве «Добродея» создавал книгу, а на нашем радио – передачи по ней.

Друг с первого класса школы Никита Каменоградский: «Дорогой Лешик! Это отличная книга и прекрасный альбом, который хочется перелистывать вновь и вновь и что-то заново перечитывать».

Народная артистка России Мария Сергеевна Лемешева (дочь С. Я. Лемешева и И. И. Масленниковой): «Дорогие Вера и Алексей! Книга Ваша прекрасна как Ваша жизнь... Большое счастье быть знакомыми с Вами!

Ж. Беспалова

Н. Каменоградский

М. Лемешева
в опере «Дон Жуан»

Передачи о моих родителях настолько хороши, что трудно выразить восторг и благодарность за Ваше внимание и любовь. Вы выбрали великолепные записи, некоторые очень редкие, и поэтому необычайно дороги. Поздравляем Вас и всю Вашу семью с открытием мемориальной доски на доме, где жил Ваш папа».

Друг со студенческих лет, доцент Новочеркасского политехнического университета Жанна Ивановна Беспалова: «Дорогие Лёша и Вера! Я прочла твою книгу, Лёша, от первой до последней страницы, хотя иногда читаю теперь «по вертикали»). Первое, что меня поразило, – это масштаб твоей личности, который до этого полностью не представляла. Таких глубоких, образованных и порядочных людей сейчас найти очень трудно...».

Конечно, были ещё добрые звонки и тёплые слова, сказанные при встречах, но они «растворились». А запечатлённые на бумаге отзывы живут «на радость Вам и мне».

В настоящее время многих, о ком я писал, «уж нет», а другие «далече» (от медицины, на пенсии). Трудится ныне в саратовской медицине только один врач из нашей династии Китаевых-Герасимовых. Это Владимир Андреевич Герасимов (стаж работы 35 лет). Позвольте передать слово его внучке, Алисе Сергеевне Сенцовой:

«Владимир Андреевич Герасимов в 1984 году поступил в Саратовский ордена Трудового Красного Знамени государственный медицинский институт и в 1990 году окончил полный курс названного института по специальности «Лечебное дело». По окончании института был принят на работу врачом-хирургом в отдел ортопедии детского возраста, подростков и взрослых Саратовского научно-исследовательского института травматологии и ортопедии.

В процессе практической работы Герасимов В.А. активно занимается научной деятельностью. Имеет более 60 опубликованных научных статей, авторское свидетельство СССР, патенты РФ, свидетельства на полезную модель.

В 1999 году В.А. Герасимовым успешно защищена кандидатская диссертация на тему: «Профилактика операционных нефрологических осложнений при хирургической коррекции деформации позвоночника у детей, больных сколиозом».

В совершенстве владеет всеми методами лечения больных с заболеваниями и повреждениями опорно-двигательного аппарата. В качестве травматолога оказывает экстренную помощь больным с травматическими повреждениями. Пользуется авторитетом среди сотрудников института и пациентов. Не останавливаясь на достигнутом, В. А. Герасимов продолжает повышать свои навыки, передаёт свой богатый практический опыт молодым сотрудникам и ординаторам.

*Сотрудники детского травматолог-ортопедического отделения НИИТОН СГМУ.
Слева направо: медицинская сестра процедурной Мустафина А. В.,
медицинская сестра палатная Белохвостова Г. Д.,
к. м. н. Сертакова А. В., врач травматолог-ортопед Тимаев М. Х.,
к. м. н. врач травматолог-ортопед Затравкина Т. Ю., врач-педиатр Андриякова Г. М.,
к. м. н. врач травматолог-ортопед Герасимов В. А.,
заведующий отделением к. м. н. врач травматолог-ортопед Куркин С. А.,
старшая медицинская сестра Тябина О. А.,
к. м. н. врач травматолог-ортопед Рубашкин С. А.,
к. м. н. врач травматолог-ортопед Дохов М. М., ординатор Насуров Х. Ш.*

В 2000 году В. А. Герасимову приказом министра здравоохранения РФ присвоено звание «Отличник здравоохранения РФ».

В 2007 году В. А. Герасимов награждён почётной грамотой Народного собрания парламента Чеченской республики.

В 2009 году В. А. Герасимов за добросовестный и безупречный труд награждён Почётной грамотой.

В 2010 году Главным федеральным инспектором аппарата полномочного представителя Президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе В. А. Герасимов награждён благодарственным письмом.

В 2013 году В. А. Герасимов награждён благодарственным письмом Главы администрации Ртищевского муниципального района.

В 2015 году В. А. Герасимову присвоено звание «Ветеран труда».

А. Герасимов имеет высшую квалификационную категорию по специальности «травматология-ортопедия» с 2000 года».

*Обход заведующего кафедрой травматологии и ортопедии СГМУ.
Слева направо: медицинская сестра Белохвостова Г.Д.;
заведующий отделением к.м.н. врач травматолог-ортопед Рубашкин С.А.;
д.м.н., профессор, заслуженный врач России Норкин И.А.;
к.м.н. врач травматолог-ортопед Герасимов В.А.;
медицинская сестра процедурной Мустафина А.В.*

Мой рассказ близится к завершению. Владимир Андреевич решил однажды сосчитать общий медицинский стаж врачебной династии Китаевых-Герасимовых. Получилась довольно впечатляющая временная цепочка продолжительностью почти в 500 лет, а если быть абсолютно точным:

ОБЩИЙ СТАЖ НАШЕЙ МЕДИЦИНСКОЙ ДИНАСТИИ – 484 года.

Думаю, что медикам нашей саратовской династии Китаевых-Герасимовых есть чем гордиться. Лечение больных, служение медицине – дело сложное. Это бессонные ночи, вылеты к больным на самолётах и вертолётах, поездки к больным на трясущихся тракторах в непогоду, невыплаканные слёзы у постели пациента, которому не смог помочь, бесконечные сомнения, всё ли возможное сделал, чтобы спасти его (всё это и многое другое знаю по собственному опыту). А что переживает хирург, беря на себя ответственность за жизнь оперируемого?!

И всё же искусство врачевания – великое и прекрасное дело! На этом и завершим наше повествование.

Катерина
СОЛНЦЕВА

Не спрашивай тьму

Марина Марьяшина. Помимо зрения. —
Москва, издательство СТиХИ, 2024 год

Во вступительном слове к книге «Помимо зрения», выпущенной в 2024 году издательством СТиХИ в серии «Сингл», автор Марина Марьяшина приглашает читателей в своё пространство: это и тонкий мир, мир призраков, чувств, зыбких отражений, и мир словесный. А слово — оно для каждого своё, и тем вариативней понимание и восприятие написанного.

Марина Марьяшина — главный редактор журнала «Альдебаран», шортлистер премии «Лицей», лауреат премий имени Андрея Дементьева и «Зелёный листок», автор, тяготеющий к мрачноватой философии. Робкий читатель может испугаться такой характеристики: как известно, чем дальше всматриваешься в тьму, тем выше риск, что и она ответит пристальным взглядом. А смелый читатель, берясь за книгу «Помимо зрения», не только играет с ней в «гляделки», но и задаётся вполне себе «тёмными» вопросами. Например, каково жить с мёртвой невестой, что придёт «в посмертном платье встречать зарю», что именно увидел хиромант на линиях руки, которую трогал на Арбате, отчего хохотала колдунья, что «плела из волос мне по росту рубаху».

Может показаться, что Марьяшина уводит читателя в модный ныне мир эзотерики, создаёт мистическую, параллельную реальность, но её колдовской мир плотно связан с миром живых, привычным социумом. Это мир обжитой и привычной, даже несколько «высоцкой» Москвы, закадрового Замкадья, приморского города «с черешнями, где ветра солон поцелуй», «кубанской степи, где душа отпускает поводья».

Мистическое и таинственное, видимое не только лирической героиней, но и остальными жителями этого пространства, кажется вполне обыденным, со всех сторон приемлемым. Этакий магический реализм в поэзии.

Вместе с тем лирическая героиня и сама отторгает это пространство («больше не ходить сюда») и стремится сродниться с ним («и повторяй сквозь улицу летя ты горький дым ты родина ты рана»). Это мятущееся, неприкаянное состояние оказывает сильное влияние на восприятие стихотворений, к тому же их ритмический рисунок создаёт нервический, неровный темп.

И, таким образом, мы получаем два блока чистой бесприютности и тревоги. Первый блок, «Сквозняки», полон движения («мы идём, и солнце не встаёт», «от свера к магазину путь скруглю»), но движение это хаотичное, не несущее покоя. Самой точной цитатой, отражающей дух этого блока, будет: «Обними же мой призрак, прижми к себе или ладаном изгони».

Мятежный дух, что так хотел остаться, всё же был изгнан, и вот он мечется и за «этот МКАД, за которым идут бои», и к Садовому, где «колонна машин застыла и воет».

Второй блок, «Отражения», показывает более зрелую эмоциональность, в отличие от чувственного хаоса первого. Ощущается умудрённость, эмоциональная трансформация, добавляет стабильности, гармоничности также и фон: больше природных и естественных красок, ландшафта как участника действия или показателя чувственного баланса. Здесь и «сверчки латают после взрыва пространство ночи», и классическое «зацветает черёмуха, синь обнимает сирень». По атмосферности этот блок напоминает лирику Марии Петровых: обдуманное и пережитое, принятое и воспетое через боль. И лишь с небольшим перегибом в эмоциональность, которая кажется здесь не показной, а необходимой, по-женски выстраданной. «Я чувствую так ждёт мотыль огня что чернота склоняется над городом и смотрит на неспящую меня».

Отдельно хочется отметить и умение автора вписывать в полотно лексику разного регистра. Тут тебе и «высокий штиль»: *«синеокая тоска»*, омытые багрянцем купола. И вместе с тем соседствует это всё с Хомой, что *«не уснёт, набухавшись от страха»*, *«бездомной голытьбой»*, красочным жаргонным *«эка, фраер, скажешь, краля...»*.

Такие разноплановые лексические акценты ещё больше раскачивают читателя, придавая текстам глубокую эмоциональность, пусть местами и с мрачноватой окраской. И отлично играют на руку автору, чья цель – показать свой мир с помощью разных инструментов. Помимо зрения. Через звуки – *«в мойку льющаяся вода»*, *«мутноватый рингтон»*. Тактильность – *«чи-то волосы гладить астральной ладонью нечёткой»*.

Но цель автора – не напугать, не пошатнуть психическое состояние, не поиграть на врождённом чувстве страха. И даже не игриво пощекотать нервишки. Марьяшина берёт своей искренностью, она передаёт ощущение мира таким, каким видит.

Передаёт с помощью лексических приёмов, нагнетания атмосферы (причём не искусственного и выверенного, без кинематографичности, а с помощью бытовых и привычных образов), эмоционального накала с естественным спадом. Это напоминает речь очень уставшего человека, который готов выплеснуть накопившееся, не «фильтруя», не прибегая к излишним украшениям, не ставя перед собой цель поразить или повлиять.

За счёт искренности без грамматической бутафории и создаётся естественный и искренний монолог. И, чтобы услышать его, читатель готов и всмотреться в тьму, и встретить монстров, и прикоснуться к хтони, вписанной в культурный код русского человека (тут тебе и прогулка по царству Кощея, и *«горбатая девка Любовь»*, которой лучше не смотреть в глаза, а коль глянешь, так не уберёжёт и заговорное «чур меня!»).

Это выше зрения, выше привычных эмоций. Это выход за рамки обыденного.

А не такова ли, в принципе, цель поэзии?

**Татьяна
КРЫЛОВА**

ЦИТАДЕЛЬ ТВОРЧЕСТВА

Есть в Саратове пространство творческих экспериментов, где генерируются смелые идеи, идёт поиск новых театральных форм, но не забываются классические театральные наработки – речь о театре драмы, музыки и поэзии «БалаганчикЪ». Художественный руководитель театра – Елена Александровна Гладырева (Смирнова), талантливый режиссёр, педагог, блестящая актриса, сумевшая за многие годы руководства театром сплотить коллектив единомышленников.

Весь 36-й сезон (2024–2025 гг.) я следила за работой театра, которая была очень успешна. В том числе и постановка «Федра» – современная трагедия по пьесе Ж. Расина, идущая 10 лет и отметившая юбилей, пользуется неизменным вниманием у публики. Елена Александровна играет в ней главную роль: обольстительная, коварная, противоречивая Федра в её исполнении демонстрирует в финале спектакля глубинную нравственную трансформацию героини, где необузданная античная царица, раненная стрелой Амура, становится в момент скорби похожей на Пьету, демонстрируя смирение и очищение от грехов в процессе раскаяния. Елена Смирнова создаёт мощный трагический образ: героиня испытывает любовь как злой рок, как проклятие, как болезнь.

В текущем сезоне обновлён спектакль «Тебе – через 100 лет», основанный на дневниках и письмах М. Цветаевой. Так же как и Федра – отвергнута, скорбит и любит героиня поэтического спектакля, русская поэтесса, представшая перед зрителями в исполнении Елены Смирновой. Елена Александровна является и автором инсценировки спектакля, его художником-постановщиком.

В спектакле причудливо соединены дневники, письма и стихи поэта (слово «поэтесса» Марина категорически не признавала), словно пазл жизни талантливой женщины сложился для зрителей на сцене, и развернулась театральная летопись судьбы М. Цветаевой. Это спектакль, где царят стихи и проза великой и вечно бунтующей поэтессы, и в унисон этому протесту звучит классическая музыка в проникновенном исполнении Владимира Мишле.

-
- Татьяна Юрьевна Крылова родилась и живёт в Саратове. Журналист. Лауреат премии «Золотой Гонг-2021» (Москва). Публиковалась в журнале «Волга–XXI век» и издательстве «Земское обозрение».

Но не только вершины трагизма доступны Е. Смирновой. Очень удачны характерные и комедийные роли в её исполнении. Например, актриса создала в недавней премьере «Архангельских сказок» по произведениям Степана Писахова сразу несколько ярких комедийных образов, вместе с талантливым артистом Александром Гулиным, погружая зрителей в самобытный мир фольклора Архангельского края и демонстрируя верх актёрского мастерства. Словесная перепалка героев, их задорный танец и раскрепощённая пластика сплели колдовскую сеть, куда попали зачарованные зрители. Режиссёр-постановщик спектакля – Олег Загуменнов. (Возрастной ценз 10+.)

Что касается смелых творческих экспериментов в театре, то к ним можно отнести премьерную постановку «Тёркин-Тёркин» (в главной роли – Денис Ададимов). Оригинальную трактовку произведения А. Т. Твардовского представил режиссёр-постановщик А. Кравцов. При полном сохранении авторского текста налицо авторское визуальное прочтение поэмы режиссёром. Я бы обозначила стилистику спектакля как «сны о войне», где чётко намечены параллели, ведущие от прошлого (Великой Отечественной войны) к событиям настоящего времени.

В оригинальной режиссёрской концепции сон наслаивается на реальность, а эпоха Великой Отечественной войны – на современность. «Огни – как нити золотых бус, ночного листика во рту – вкус. / Освободите от дневных уз, / Друзья, поймите, что я вам – снюсь» (М. Цветаева).

В спектакле использована живая музыка (гармонь), и очень расширяют пространство камерной сцены возможности видеоряда: здесь кадры не только разрушенных зданий, но и майский жук, летящий над полями, солдатский треугольник письма, прекрасная девушка, ждущая солдата.

Смелая по идейной составляющей постановка, где действие балансирует на грани сна и бодрствования, стала возможной благодаря поддержке художественного руководителя театра Елены Гладыревой.

Приятно отметить, что в 2025 году творческая деятельность Е. А. Гладыревой была отмечена на высоком уровне. Елена Александровна получила благодарность от министра культуры Российской Федерации О. Б. Любимовой за большой вклад в развитие культуры и многолетнюю плодотворную работу.

ЯРКИЙ СЕЗОН

Театральный сезон 2024–2025 гг. в Саратовском театре кукол «Теремок» отличался подбором спектаклей для зрителей разного возраста. Так, для самых маленьких театралов была представлена постановка «Спящая», по мотивам сказки Шарля Перро «Спящая красавица». (Возрастной ценз 6+.)

Премьера спектакля состоялась 14 мая 2025 года.

Автор пьесы «Спящая» – заслуженный деятель искусств России Геннадий Игоревич Шугуров, главный режиссёр театра. В оригинальной авторской трактовке Г. Шугурова канонической сказки Ш. Перро спектакль приобретает новое драматическое звучание и окрашивается новыми оттенками смысла, обогащается новыми персонажами.

«Спящая» Шугурова – это философское исследование времени и любви, которая всё равно состоится, пусть и спустя много лет...

Получилась вневременная и несколько мистическая сценическая история, которую интересно переосмыслить людям уже взрослым. Так что привязки к конкретному возрасту зрителя эта история не имеет.

Красавица уколется веретеном, символическим орудием в руках божеств Мойр, управляющих жизнью и судьбами людей. Веретено здесь – символ жизни и непрерывности времени. Именно поэтому глубокий, подобный летаргии сон принцессы Авроры (Анастасия Кайро) всё-таки прервётся – принц Эдуард (А. Усов) спустя более 100 лет разрушит оковы сна, и наступит возрождение героев для счастья и любви.

Образ злой колдуньи приобретает глубокое трагическое звучание: этот персонаж с таинственной биографией становится палачом, а в качестве орудия казни фигурирует веретено.

Так реализуется мощная история о муках совести, о раскаянии, о невозможности изменить своё прошлое, ведь время вспять не повернуть.

Художник-постановщик спектакля – Татьяна Старикова, заслуженный деятель искусств Удмуртской Республики – создала изящные, визуально хрупкие, воздушные и утончённые куклы.

Для взрослой аудитории была представлена «Лаборатория актуальной куклы 2.0». Это необычный проект, смысл которого заключается в расширении театрального диапазона кукольных постановок, что позволяет ввести в пространство сцены новые предметы и идеи, продемонстрировать всю безграничность возможностей современного кукольного театра.

Так, в рамках данной лаборатории представили провокационную пьесу белорусского драматурга Константина Стешика «Мороз» (философская притча о дружбе и преданности). Алексей Усов, режиссёр спектакля, развернул сценическое действие в фойе второго этажа. В большие панорамные окна в стиле конструктивизма смотрела ночь – вечерние сумерки за окном добавили реальности в камерное пространство, органично вплелись в театральную сценографию. Именно там возникла атмосфера заснеженного леса, лютого мороза, где борются со стужей двое друзей.

Жёсткий, несколько циничный бытовой текст претерпел глобальное преобразование: к теме гибели режиссёр добавил тему посмертного преображения человека, его души. Гигантские ангельские крылья мгновенно трансформируются из бутафорского снега, лежащего на полу и, надетые двумя артистами, показывают завершенность их земной миссии.

А может, так и бывает: люди, выполнив миссию на этой земле, становятся ангелами.

Думается, без режиссёрского хода с крыльями всё происходящее в пьесе просто не имело бы смысла. Режиссёр А. Усов (он же играет одну из ролей) приподнял материал над обыденной историей, сделал действие возвышенным, духовным и обоснованным, придал эпатажной пьесе логичность и целостность.

**Анатолий
ВАСИЛЬЕВ**

ТОРЖЕСТВО ПОЭЗИИ И МУЗЫКИ

Четвёртый год в Саратове проходит литературно-музыкальный фестиваль романтиков «Корабли Санди». В этом году фестиваль был посвящён поэту-шестидесятнику, руководителю литературной студии «Молодые голоса», члену редколлегии журнала «Волга» Василию Васильевичу Шабанову, подарившему русской поэзии замечательное стихотворение о России «Васильковое имя».

Название литературно-музыкального фестиваля, который ежегодно проводит региональное отделение Союза писателей России и МУК «ЦБС г. Саратова», возникло на основе одноимённой повести саратовской писательницы Валентины Михайловны Мухиной-Петринской. Первый фестиваль, состоявшийся в 2022 году, было решено посвятить её памяти.

Неслучайно и определение «фестиваль романтиков», соответствующее настроению как повести «Корабли Санди», так и всей прозы В. М. Мухиной-Петринской. В дальнейшем ключевыми фигурами фестивалей были классики саратовской литературы – писательница Галина Даниловна Ширяева и поэт Владимир Фёдорович Бойко.

Традиционно фестиваль «Корабли Санди» проходит в два дня и открывается конференцией-чтениями, в рамках которых библиотекари, литературоведы, писатели и поэты Саратова представляют сообщения, раскрывающие разные аспекты творчества того или иного автора.

Вторую часть фестиваля составляет «Ярмарка талантов» – выступления саратовских поэтов, бардов, исполнителей и чтецов, по результатам которых организаторы, полагаясь на реакцию слушателей, определяют лауреатов фестиваля.

-
- Анатолий Александрович Васильев родился в 2002 году в Саратовской области, с 2020 года живёт в Саратове. В 2024 году с отличием окончил бакалавриат Института филологии и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского и продолжил обучение в магистратуре Института. С 2024 года является участником Всероссийского поэтического фестиваля «Центр Весны», с 2025 года – участником фестиваля «Мурмураль» (Пенза). Заместитель председателя поэтического клуба «Цыц», член регионального отделения Совета молодых литераторов при Союзе писателей России, заместитель руководителя молодёжного городского поэтического клуба «Диалог». Публиковался в фестивальных сборниках и коллективных альманахах, в журналах «Волга–XXI век» и «Poetica».

В 2025 году фестиваль романтиков «Корабли Санди» проходил 28 и 29 июня. Конференция, посвящённая памяти В. В. Шабанова, состоялась в Центральной городской библиотеке. Конференцию приветственным словом традиционно открыла директор МУК «ЦБС г. Саратова» Ирина Лебедева, обозначив роль Василия Шабанова в литературе нашего края, изученность и востребованность его творчества в XXI веке. С самого первого фестиваля библиотека принимает у себя гостей, и её сотрудники оказывают неоценимую помощь в организации фестиваля. Работники Центра муниципальной и краеведческой информации и отдела книгохранения собирают и представляют ценный исследовательский материал. Огромную работу проделали руководители отдела координации массовой работы Татьяна Чувилкина и Надежда Сидорова.

Заместитель председателя Саратовского отделения Союза писателей России, руководитель литературной студии «Голоса поколений» Алексей Бусс в докладе «Романтический патриотизм Василия Шабанова» проследил особенности литературной традиции романтизма в Саратове и её трансформацию в поэзии В. В. Шабанова. Он выделил несколько направлений романтизма, к которым обращались саратовские литераторы: «советский романтизм» В. М. Мухиной-Петринской, «лирический романтизм» Г. Д. Ширяевой и «романтизм шестидесятников» В. Ф. Бойко. Романтизм В. В. Шабанова Алексей Александрович обозначил как гражданский, «патриотический романтизм» – «романтическое созерцание малой родины», увидел истоки этой художественной линии в творчестве А. В. Кольцова, С. А. Есенина, Н. М. Рубцова.

Дебютную книгу Василия Шабанова «Белая запруда», вышедшую в 1969 году в Приволжском книжном издательстве, А. А. Бусс охарактеризовал как «порождение шестидесятых и отражение их», провёл наблюдения над тем, как эпоха «оттепели» переживается в творчестве поэта.

Интересно сопоставление художественных миров В. В. Шабанова и В. Ф. Бойко, которое проводит Алексей Александрович, воплощение в них романтики шестидесятых. Так, романтика Владимира Бойко наиболее точно передаёт дух «оттепели», вдохновлена вечерами в политехническом и чтениями у памятника Маяковскому. Романтические образы в стихотворениях Василия Шабанова, напротив, – символы малой родины, родного земного уголка:

*Мы порою ворчим,
И Россию ругаем за кочки,
И бываем в ворчанье
И злы, и строги,
А она
Вдруг метнёт на плетень
Медно-рыжего кочета
И покличет нас в детство,
В прохладный песок у реки.*

(«Россия»)

Как отмечает Алексей Бусс, любовь к Родине в лирике Василия Шабанова достигает необыкновенной глубины: лирический герой поэта не мыслит себя без России, она для него – «инструмент миропонимания вообще, способ существования»: «*Весенняя Россия – / Мой белый свет*» («И полыхает чудо...»).

Столь сильная взаимосвязь лирического героя Шабанова и родины влечёт за собой малую роль любовной лирики в творчестве поэта: «Это кажется удивительным – молодой человек, первая книга, романтическая эпоха конца

1960-х гг. <...> Но если приглядеться и вчитаться – всё закономерно и правильно. Ранний Василий Шабанов, как бы пафосно это ни прозвучало, действительно повенчан с родиной <...> поэт пронёс верность этой своей главной невесте через всю короткую жизнь».

Конференцию продолжила заведующая Литературным музеем саратовских писателей Алина Алсафова. В докладе «Нет, его время в памяти не стёрло» она рассказала о современном наследии Василия Шабанова, работе по сохранению памяти поэта на его малой родине – в Краснопартизанском районе, где в посёлке Горном находится средняя общеобразовательная школа, в которой учился поэт. Представив книги стихов, вышедшие при жизни поэта в Приволжском книжном издательстве и в Москве – «Белая запруда» (Саратов, 1969), «Васильковое имя» (Саратов, 1971; Москва, 1986), «Близкие вёрсты» (Москва, 1974), – Алина Алсафова обратила внимание и на сборники избранного, подготовленные вдовой поэта Татьяной Шабановой и литературным краеведом, журналистом Владимиром Вардугиным: «Вратари» (Москва, 1977), «Заката светлая звезда» (Саратов, 1984), «Позовите меня, трубачи» (Москва, 1984), «Ромашки на асфальте» (2009), а также книги стихотворений, очерков и воспоминаний «Тропа любви» (Саратов, 1994) и «Родословная» (Саратов, 2015). Кроме того, с 1989 года в с. Савельевка гостей принимает музей Василия Шабанова под руководством Любви Ивановны Семикоповой, ежегодно организующий Шабановские чтения – поэтические выступления, встречи с близкими и друзьями поэта.

Кандидат филологических наук, главный редактор литературно-художественного журнала «Волга–XXI век» Елизавета Сергеевна Мартынова выступила с докладом «Природа и Родина в творчестве Василия Шабанова», переключившись с сообщением Алексея Бусса. Елизавета Сергеевна обратила внимание на особенности любовной лирики. Любимая женщина лирического героя поэта предстаёт жительницей природного мира:

*Чтоб воспеть тебя, краски ссорятся,
Нет у птиц таких голосов...
Вот выходишь ты, словно зоренька,
Из далёких своих лесов.
В жилах огненных силы тешатся,
Очи синие – от реки,
Как зовут тебя?
Олей? Стешею?
Может, Ладюю нарекли?*

(«Чтоб воспеть тебя, краски ссорятся...»)

Говоря о месте Василия Шабанова в русской литературной традиции, Елизавета Сергеевна отметила, что поэт выступает продолжателем пушкинской и есенинской линии, одновременно сочетающей в себе «тихую» лирику 1960-х гг. и героическую поэзию Павла Васильева.

Кандидат филологических наук, писатель и литературный критик Екатерина Алексеевна Федорчук обратилась к редакторской деятельности Шабанова. В докладе «Шабанов-редактор: по страницам журнала «Волга» 1968 года» она коснулась феномена «толстого» литературного журнала, объединяющего как художественные, так и литературно-критические тексты, и осветила деятельность поэта в саратовском литературно-художественном журнале, основанном в 1966 году.

Конференцию завершил член регионального отделения Совета молодых литераторов, заместитель председателя поэтического клуба «Цыц», филолог Анатолий Васильев. Предметом рассмотрения его доклада, обобщающего сделанные ранее наблюдения над поэзией Шабанова, стала третья книга поэта 1974 года, ставшая последней прижизненной книгой. Анатолий Васильев проанализировал особенности тематики и проблематики творчества поэта, рассмотрел его лирического героя как носителя деревенского сознания. Так, природа в художественном мире поэта служит элементом оппозиции «старое – новое», о которой Шабанов размышляет в первом же стихотворении сборника «Близкие вёрсты»:

*Тишина нисходит в мир огромный.
На селе погасли огоньки.
Как живёте в мир ракетодромный,
Голубые капли-васильки?*

(«Тишина нисходит в мир огромный...»)

Особенным для лирического героя является не только деревня, но и сельский язык, в котором и по сей день можно найти множество слов, вышедших из общего употребления. Для героя эти слова служат артефактами, реликвиями, хранящими память о его прошлом:

*Лез в словарь чужеродный сброд.
От пришельцев, плевков салонных,
Как зерно, отметя солому,
Сохранил их простой народ.*

*Ой вы, сёла в равнинах чистых!
Не устану благодарить...
Сёла – кладези слов душистых,
Нераскрытые словари.*

(«Слова»)

Деревня и город в художественном мире Василия Шабанова – два противопоставляемых хронотопа. Но они не существуют отдельно друг от друга: поэт пытается решить их конфликт:

*Как мне найти слова возможные,
Какие двери растворить,
Чтобы с цветами придорожными
Асфальт горячий примирить?*

(«Какие песни мы поём...»)

Василий Шабанов не просто созерцает природу, а ощущает себя её частью. Анатолий Васильев прослеживает эту органичную взаимосвязь, обуславливающую особенности образной системы и лексики поэта. Окружающий мир не только природы, но и города очеловечивается Шабановым, наделяется способностью к переживаниям, эмоциям: «край мой сельский, с рёбрами заборов», «тротуар словно луг ромашковый», «в бетоны-браслеты и в огни одевалась река» «под-росток-мороз», «встревоженная вода». На лексическом уровне соединяются

как разговорные конструкции и архаизмы («у самых у кладбищ», «нынче», «древа», «крылам»), так и маркеры неприродного, человеческого мира («транзистор», «ракетодромный»).

Анатолий Васильев проанализировал стихи Василия Шабанова и на структурном уровне. Так, рифма поэта отражает тенденции её развития в поэзии 1950–1960-х годов – расширение созвучия, традиционно располагающегося в конце слова: «вольна – волнам», «стерпи – степи», «редок – речек» – или вовсе его перемещение в начало: «изморось – изнизу», «гордой – горцу», «сугробы – сурово», «поповых – подполье», «россиянам – рассиялся».

Такие рифмы можно встретить и в стихотворениях Владимира Бойко – героя предыдущего фестиваля: «перелёты – переплёты», «бруствер – хрустнул», «бубен – Бунин», «малина – манила».

На второй день фестиваля «Корабли Санди» состоялась «Ярмарка талантов». На сцене летнего кинотеатра у набережной собрались молодые и опытные авторы – саратовские поэты и барды, музыканты и чтецы, участники литературных коллективов Саратова и Саратовской области: студии «Голоса поколений», клуба «Новая строка», объединения «Вдохновение» (посёлок Красный Текстильщик), поэтических клубов «Диалог», «Цыц». Среди выступавших во второй раз отметили лауреатов фестиваля, которых слушатели встретили громкими аплодисментами.

В следующем году «Корабли Санди» отметят первый круглый юбилей, в пятый раз объединив романтиков нашего края. Фестиваль, благодаря которому несколько лет в Саратове происходит торжество поэзии и музыки, показывает, что сейчас литература переживает расцвет и находит своих читателей. А библиотекари и писатели хранят память о классиках нашей литературы и открывают их молодому поколению.

**Александр
ДИВЕЕВ**

ЛУННЫЙ КАМЕНЬ

ВЕЛОСИПЕД

Александрю Аксёнову

Лезу, ветки отгибая,
Через дебри прошлых лет:
Детство. Бабушка чужая
Мне даёт велосипед.

Допотопный... ржавый... старый...
Я не верю: насовсем?
Только чем я, бедный малый,
Отплачу за это? Чем?

И ночами с другом лучшим
Клал ей на бок и в пятки,
А потом в матрёшки-кучки,
Чтобы сохли, кизяки.

Рвали тишь в селе дебаты:
«Всех быстрее... и сама...
Как успела? Ведь горбата,
Лет немало и хрома...»

Стало старой не до смеха
От okazji такой,
Рассудила, покумекав:
«Что-то, видно, с головой».

-
- Александр Алексеевич Дивеев родился в 1951 году в деревне Ундольщино Кистендейского (ныне Ртищевского) района Саратовской области. Окончил Саратовский экономический институт. Составитель и редактор сборников стихов ртищевских авторов «Цветы и пепел» и «Эхо Души» (Саратов). Публиковался в журналах «Волга–XXI век», «Странник» (Саранск), «Новая Немега литературная» (Беларусь), «ДОН_новый» (Ростов-на-Дону), «Наш современник» (Москва), «Приокские зори» (Тула), «Северомуйские огни» (Бурятия), «Сибирь» (Иркутск), «Подъём» (Воронеж), «Александръ» (Тамбов), «Берега» (Калининград), в альманахах «Стрежень» (Тольятти), «Литературный Саратов», «Песни Серебряного моря» (Симферополь), «Земляки» (Нижний Новгород), на сайте «Российский писатель». Автор поэтических книг «Звезда Антарес», «Плещаница Души», «На кресте любви», «Журавлиный романс». Лауреат национальной литературной премии «Золотое перо Руси-2014», дипломант Международного литературного конкурса «Лучшая книга года» (2022) за книгу «Журавлиный романс». Член Союза писателей России. Живёт в городе Ртищево.

Пруд.
Спустилась за водицей –
Поскользнулась у ветлы.
Охи-ахи...
В райбольницу
Бедолагу увезли.

А когда вернулась, злая
На врачей, весь белый свет, –
Кизяки уже в сарае,
Где стоял велосипед...

И теперь – седой, усталый,
Хоть гнездится в сердце стынь, –
На её могилке старой
Рву берёзку¹ и полынь...

В ГОСТЯХ

Сестре Наташе

В деревню... В отчий дом... А то уж
Не спится... Ртищево – гуд-бай.
И вот «Газель», а не автобус
Везёт меня в закатный край.

Хозяин «тачки» экономит
На ГСМ. И клинит дверь.
А пассажирам не до дрёмы –
Не автострада, а рубель.

Какие тут уж разговоры:
Не прикусить язык – не факт.
Сварливой бабкою рессоры
Ворчат на старенький асфальт.

И – ох! – как их упрёки едки.
А мимо – с помпой (мерси, бес?)
Асфальтовы мелькают «детки» –
Toyota, Volvo, Mercedes.

Сегодня в Ундольщине праздник.
Я нынче вырвался сюда,
Где ворон тишь немую дразнит,
Рыбачат вётлы у пруда,

¹ Берёзка – народное название вьюнка полевого.

И бороздят – в арендном – тину
Зеркальный карп, карась, амур.
Всем миром строили плотину,
А «рыбка служит» одному.

Но до сих пор – зачем? – лелею
Надежду я в душе своей,
Что эти избы – мавзолеи
Предоброй родины моей.

Не нужно Кейси быть иль Вангой –
Исход банален, очень прост,
И время вынесет останки
Раздумий горьких на погост.

Полынь... Изба... «Хромая» лавка...
Икона... Печь... Дух – нежилой...
Журнальный столик... Книга... Павка
Корчагин. Он тут – свой герой...

Кукушкин крик – намёк упрямый:
«Пора домой, мой друг, ку-ку».
И, как к плечу когда-то мамы,
Прижмусь щекою к косяку

И постою минуту, две ли...
«Прости, родимый дом, прости...»
И, осенив крестом все двери, –
В дорогу. Вот и погостил.

Нелёгкок шаг, не те уж силы.
Букет невзгод, но грусть – бедней:
Знать, утром в храме помолилась
Сестра с любовью обо мне...

В халате чёрном ворон пишет,
Как заключение УЗИ:
«Воскрес покойник на кладбище...
И на Пегасе – по Руси...»

ПРОПАЛИ ЗВЁЗДЫ

Всё больше света над землёю,
Ночной мутнее небосвод.
Померкли встречи под луною –
На небе стало меньше звёзд.

А раньше как они сияли!
О, Боже, чудо из чудес!
Мы их любимым воровали
Из палисадника небес...

ПЛАТОЧКИ

Памяти Евгения Самохина

В избе-читальне плёл о счастье лектор.
А после в избах с рвением собачьим
На чердаках налоговый инспектор
Искал овечьи шкуры и телячьи...

Под слёзы ив плакучих и акаций
Пылали в печках яблони и груши.
А кипы разноцветных облигаций
Нам заменяли детские игрушки...

Мой лиргерой...
Ему не до цветочков.
Он их не дарит девушкам красивым.
Моих стихов страницы как платочки
У глаз о чём-то плачущей России...

ЛУННЫЙ КАМЕНЬ

Светлой памяти Вали Дивеевой

Твой телефон покрылся пылью,
Как лунный камень. В тишине,
В скафандре душного бессилья
Брожу по комнате-луне.

Безмолвна лунная природа.
Неладен жизненный полёт:
Посадочный разбился модуль,
И на Земле никто не ждёт.

Виски ладонями сжимаю,
Как снег лазоревый, раскис.
Ты мне приснилась как живая,
И шевелюсь в гробу тоски.

И я уйду... мирское дело...
Но нет печалюшки большей:
Меня лелеяла, жалела,
А не поплачешь обо мне...

Твой телефон... портрет поодаль...
Напрасно Бога не молю,
Чтобы взлетел обратно модуль
К орбите лунной, к кораблю –

И в путь... к Земле... родной... далёкой..
Где солнце, ветер и цветы,
Где под Луною рыжебокой
Блуждали в счастье я и ты...

Игорь
ШВЕДОВ

СОАВТОРЫ

Дедушка мой, Александр Семёнович, был рыбак. Полагаю, что какие-либо эпитеты здесь будут лишними: или ты рыбак, или так, любитель посидеть с удочкой. У него даже «свой» остров был. Обжитой, по-хозяйски благоустроенный. Тут тебе и обеденный стол с лавочками, умело сработанными из пней от росших когда-то группкой деревьев. Такую мебель не унесёшь! И погребок для хранения улова, кострище, площадка для палатки, колышек врытый, чтобы лодку привязывать, мостки, прорубленные в глинистой почве ступени для безопасного спуска к воде и прочие удобства. Место заветное, «наследственное», посещаемое из года в год. Наше место, короче. А лодка у нас была знаменитая на всю Волгу «гулянка-шестёрка», узнаваемая по звуку мотора. Идёшь, переваливаешься грузно с вала на вал, только брызги во все стороны. Опустить руку через невысокий горячий борт в бурлящую воду и ставить ладонь то ребром, то плашмя, ощущая, как меняется сопротивление воды. Мокрый ветер освежает лицо. Красотища! Знай только, свободной рукой маши на приветственные сигналы знакомых лодочников, владельцев катеров и яхт. Тогда наша лодка казалась мне почти что кораблём. Носовая надстройка с иллюминаторами и двустворчатыми дверцами могла вместить несколько взрослых человек на тот случай, если в палатке не хватит места. Ночуй на здоровье!

У нас часто гостили друзья родителей и родственники. Компании собирались большие. Три широкие лавки от борта до борта, моторный отсек, поскрипывающие и вечно сырые слани. Рундук для всевозможных рыбацких снастей, якоря, вёсла, багор. Всем этим арсеналом можно было вооружить если не пиратскую команду, то уж небольшую рыбацкую артель точно. Запахи брезента, керосина, рыбы, масляной краски, смолы, тины и ещё бог знает чего, перемешавшись и настоявшись на солнце, были сперва тяжеловаты для городского обоняния, но постепенно становились почти неразличимы среди прочих речных запахов. Казалось, так и должна пахнуть настоящая жизнь.

Зелёный, Казачий, Комариная Грива, Собачья Дыра – все эти названия волжских островов есть на карте моих воспоминаний

● Игорь Вячеславович Шведов родился в 1968 году. Автор шести поэтических сборников, член Союза писателей России. Публиковался на сайте «Российский писатель» (2023), в литературных журналах: «Литерга», «Звонница», «Волга–XXI век», «Сура», в поэтических альманахах: «Голос года», «Нетерпеливые строки» и др. Живёт в г. Саратове.

и могут служить путеводителем по местам счастливого детства. С каждым из них связана памятная история. Например, о том, как, будучи уже подростками, мы с друзьями застряли на одном из островов. Провизия кончилась, и кормились мы исключительно тем, что могли раздобыть: поймать на удочку, подстрелить из самодельного лука стрелами с наконечниками из консервных банок, собрать в лесу или на берегу. Спички тоже кончились, и тут нам пригодился опыт далёких предков по поддержанию огня. Или о том, как я случайно обнаружил «затерянный мир» – небольшое озерцо, окружённое со всех сторон плотной стеной рогоза, непроходимым кустарником и деревьями, образующими куполообразный свод. Попасть туда можно было, лишь протиснувшись в центр небольшого треугольника, образованного могучими стволами вязов, и уже оттуда открывался узкий проход. Сто раз пройдёшь и не заметишь. Но стоило прошмыгнуть в этот природный тайник, как тропинка уводила вниз, в темноту тоннеля, стенами и сводом которого были переплетённые меж собой ветви. Свет едва просачивался сквозь густую листву. И через несколько метров ты оказывался на залитой солнцем круглой поляне, с озером посередине. И нигде ни малейшего признака человеческого присутствия! Ни бутылок, ни кострищ – ничего! Девственный клочок природы. Даже тишина там была какая-то особенная, сказочная. Если где и обитать русалкам, то только здесь...

Кстати о русалках. С другом моим приключилась такая штука. Поехал он на своей резиновой лодке порыбачить. Причалил к какому-то пятачку суши. Островок не островок, а так, три плевка вдоль, два поперёк. А вот приглянулся чем-то рыбаку, который все места знает, где точно клёв будет. Сидит, поплавок сторожит. И тут с левой стороны плеск послышался, будто плывёт кто-то. Ну, плывёт и плывёт, мало ли. Потом треск от рогоза по островку за его спиной пошёл. Он аж всем корпусом на звук повернулся да весло дюралевое покрепче сжал, приготовился. А оно так вот наискосок через весь бугорок невидимкой рядом протопало и плюх – вода снова взыграла, да рогоз сомкнулся – и тишина... Сколько Слава ни смотрел, никого на поверхности воды так и не увидел. Пришлось ему в прямом и в переносном смысле удочки сматывать на третьей скорости. «Как вспомню, – говорит, – так нутро и передёргивает, и холодом окатывает. Не человек это был, точно! От водолаза пузырьки бы шли, а тут нет ничего. И страх какой-то неестественный обуял, никогда так не пугался. А кому бы ещё посреди Волги под водой обретаться? Только русалке».

Но сейчас я хочу рассказать другую историю.

Уха (опять же без дополнительных эпитетов), травяной чай на костерке, просвечивающая на солнце жирная вобла, грибы и ягоды. Лёгкое покачивание на волне, когда непонятно, плывёшь ты или стоишь на месте под мерцание далёких огоньков бакенов и звёзд в почти абсолютной тишине посреди умиротворяющей шири, всё же немного пугающей своей глухой громадной темнотою, окутывающей со всех сторон заякорённую лодку и её обитателей. Неторопливые рассветы, купание в парном молоке мелководья, сменяющееся прикосновениями холодных щупальцев течняка, хватающих за лодыжки, и загорание на ласково согревающим песке. Ни в каких москвах не найдёшь подобной прелести и ни за какие деньги не купишь!

Поэтому Москва приезжала к нам. В то время, когда все ездили за дефицитом в Москву, некоторые столичные знаменитости приезжали к нам, конкретно к нашей семье. И за колбасой в том числе. Возможно, читатель не поверит мне, как это, мол, так: все туда за колбасой, а эти – в Саратов?! Да быть такого не может! А вот и может, если папа у вас работает в облис-

полкоме, курирует мясную промышленность в Саратовской области и занимает должность председателя госкомиссии по приёмке подведомственных производственных объектов. С перспективой перевода в обком! А папе так и говорили: «Вячеслав Александрович, мы вас ценим и ждём! Так что имейте в виду, товарищ Шведов». В Москву и на экспорт шёл пусть качественный, но ширпотреб, а своих потчевали эксклюзивом, изготовленным, как говорится, для себя. Шейка, корейка, буженина, сырокопчёные колбасы и прочая вкуснятина были моим обычным рационом. «Докторскую» я и за колбасу-то не считал. Нашему семейству благодаря папиной работе было чем встретить и угостить знатных столичных гостей помимо отдыха на Волге.

И вот возвышается, помню, дедушка Сергей, как дуб над поддубниками, посреди нашего семейства и, нависая надо мной, спрашивает: «А вы, молодой человек, «Дядю Стёпу» читали?» «Читал!» – бойко вру прямо в огромные линзы красивых очков. Глаз Михалкова я не видел из-за бликов. Читать я тогда, в 1974 году, почти не умел, но мама, конечно, читала мне много детской литературы, в том числе и «Дядю Стёпу».

Владел бы я получше грамотой, сколько интересного мог бы узнать! Например, об испытании первой в истории Индии атомной бомбы, названной разработчиками «Улыбающийся Будда». О том, что Иосип Броз Тито избран председателем Союза коммунистов Югославии без ограничения срока пребывания на посту, подав, так сказать, пример необузданным властолюбцам, увы, не благоденственным для своего электората. О грандиозных стройках и «катастрофах века». И о многом-многом другом, что могло или не могло заинтересовать шестилетнего шкета. Но вся эта масса информации, которую должно было знать и которой, соответственно, гордиться, сочувствовать и возмущаться советское общество, так или иначе частично оседала в моём подсознании, поступая туда через чутко оттопыренные «локаторы». Благодаря масс-медиа, продублированным и зачастую интерпретированным «дворовой радио-няней», хотел я того или не хотел, но более-менее был в курсе происходящих в стране и в мире событий, не в пример нынешней ситуации, когда и захочешь, а достоверной информации не выудишь. Родители мои, имеющие выше образование, не пытались сделать из меня вундеркинда и образовывали по мере необходимости, считая, что всему своё время: пойдёт в школу – там всему и научат. Тем более что педиатр говорил: «Ребёночек у вас умный, сообразительный, только очень уж худенький. Вы его кормите лучше». Вот папа и старался восполнять именно эти «пробелы».

«Ну, если всё готово, поехали! Только на дорожку присядем», – деловито сказал дядя Сая и присел на стоящий в зале диван с огромной спинкой, обитой чёрным дерматином. Вообще-то звали мамино двоюродного дядю Исаем, но моя дикция не позволяла произносить такое сложное имя правильно, поэтому и трансформировалось в «Саю».

Папа по трескучему телефону вызвал такси. В наступившей было относительной тишине из динамика никогда не выключавшегося радио прорезался знакомый голос диктора, буднично-торжественным тоном извещавшего о том, что состоявшемся успешном запуске космического корабля «Союз-14» с экипажем: Попович, Артюхин.

Когда под окнами раздался сигнал клаксона, первым поднялся опять же Тобольский и со словами: «О, значит, и нам стартовать пора!» – направился к выходу. Мама, папа, я со старшей сестрой Светкой, дедушка с бабушкой и дедушкой Сергеем, нагруженные кто чем, покинув квартиру, гуськом высыпались из подъезда во двор пятиэтажной хрущёвки и стали размещаться в такси. От предотъездной суеты всех участников предстоящей робинзонады

немного лихорадило: «Ты спички-то взял?» – «Взял». – «А червей-то, червей не забыл?» – «Да взял, взял...» – «Ах, батюшки, а телевизор выключили?!»

Деда Сергей отчего-то глубоко надвинул свою шляпу, предпочтя заднее сидение. Мне показалось это странным. Ну, приехал человек из Москвы в Саратов, и что тут такого? В Саратове кого только нет, даже негры попадают. И ничего, не стесняются нисколько. И с чего дед Сергей такой стеснительный? С виду о-какой, а стесняется. («О-какой» в ту пору являлось синонимом слова солидный. Сам не знаю, откуда, но при взгляде на Сергея Владимировича у меня в голове всплыло выражение «белая кость», но озвучивать этого я не стал.)

Вещей и народу было много, и в одну машину все, естественно, не уместились. Дедушка с бабушкой, Светланкой и дядей Саей поехали во втором такси. Мама, папа, Сергей Владимирович и я – в первом. Всю дорогу Михалков беспокойно молчал. Теревил седые усы, негромко прицокивал время от времени языком, то недовольно, то, напротив, одобрительно, и что-то вписывал, перечёркивал, снова вписывал и перечёркивал в небольшой записной книжке в кожаном малиновом переплёте, посверкивая камнем на массивном перстне. А я занимался тем, что ловил в зеркале заднего вида мимолётные вспышки улыбающихся глаз (папиного знакомого) таксиста, когда тот исподтишка пытался разглядеть необычного, мягко говоря, пассажира, стараясь делать вид, что смотрит в зеркало исключительно для того, чтобы следить за дорогой и манёврами сзади идущего транспорта.

Потом, когда мы уже почти расположились на острове, мама с бабушкой занимались хозяйством, сестра пошла купаться, а папа с дедушкой ставили палатку, я поинтересовался у Сергея Владимировича, что его беспокоило всю дорогу. Вместо прямого ответа он погладил меня по голове большой сухой ладонью, но через пару мгновений всё же спустился с высоты своего роста, присев рядом со мной на песок. И, хотя я стоял, его холёная лысеющая голова всё равно была выше моей.

– А вы наблюдательны, молодой человек! Это похвально! – И продолжил уже немного другим тоном: – Знаешь ли, Гоша, ничего, что на ты?

– Я не Гоша, я Игой, – обидчиво прервал я Михалкова.

– Хорошо, Игорь, как угодно, хотя это одно и то же. Я сейчас работаю над очень серьёзной, может, самой главной своей песней. Второй раз переделывать приходится. Вот ведь, времена меняются, и песен других требуют. А на мотив тот же положить извольте-с. Да не абы как, а точь-в-точь. И слова самые правильные, самые нужные, самые кровные слова найти надо. Чтобы прямо в сердце проникали и от сердца же пелись. И много ещё чего вместить надо: всю нашу страну, суть её глубинную, и историю, и настоящее, и будущее. И чтобы уважение и трепет вызывали, а то и слёзы. *Chanson de chansons, tu sais*¹, – вернул он с прононсом, как бы про себя. – Ну, ты, как поэт поэта, меня должен понять. Ты же поэтом будешь, когда вырастешь, – то ли вопросительно, то ли утвердительно сказал дед Сергей и повернул голову в сторону дяди Исаея (тот, хоть убей, не хотел зваться дедушкой), возившегося у костра, на котором грелся почерневший чайник. Наверное, Михалков хотел что-то спросить у Тобольского, но передумал.

– Я не зря так говорю. Мне твоё стихотворение очень понравилось. Как там?.. – И он стал цитировать на память:

¹ Песнь песней, понимаете ли – фр.

*Привезли из лесу ёлку
Без игрушек, без огней.
А теперь она в игрушках,
Огоньках, хлопушках
Радует детей.*

Я даже не узнал поначалу своё стихотворение, произнесённое с другими интонациями, «голосом из телевизора».

– Надо, чтобы его в учебниках напечатали. Чтобы дети в школе его учили! – безапелляционно подытожил я после окончания декламации.

– О, куда метить изволите! Но мне нравится направление ваших мыслей, коллега! – Желтоватые зубы показались под светлой щёткой дёрнувшихся усов. – Подрастайте поскорее, юноша, и милости просим в Москву. Чем могу – помогу. Ну да ладно, об этом я с твоим папенькой поговорю. Так вот, о чём бишь я? Многое уже готово. Где-то хорошо, где-то не очень. Шершавенький текст. Вот послушай... – И Михалков прочитал куплет будущего гимна. – Ну, не нравится мне этот момент: «На правое дело он поднял народы, на труд и на подвиг он нас вдохновил!» А в голову ничего не приходит. Измучился совсем.

– А что здесь плохо? – удивился я. – И я бы тоже так написал бы, навейно.

– Да не звучит: повторы местоимения, звуки слипаются...

– Какие повтоы? Всё холошо: «На правое дело он поднял налады, на труд и на подвиги нас вдохновил».

Михалков шлёпнул себя по лбу ладонью.

– Гениально! Так просто! Экий ты, Гоша-Игорёша, хват! Молодца! Далеко пойдёшь. Это я обещаю! Хоть в соавторы тебя записывай! – выплеснул он, залоснившись то ли от припекающего солнца, то ли от эйфории. – Стало быть, заработались окончательно, Ваше Сиятельство. Правильно сделал, что послушал Тобольского, бросил всё к чертям собачьим и сюда прилетел, – опять же еле слышно промурлыкал самодовольный Михалков. – Замечательнейшие вы мои люди! Исая Григорич, Алексан Семёныч, не позволяте ли составить вам компанию? – бодро вставая с заранее подложенной газеты «Московская правда» и отряхивая с себя гипотетические песчинки, почти пропел Сергей Владимирович.

А я, помнится, подумал, что у них, москвичей, своя правда имеется.

В соавторы он меня, конечно, не взял. Да и сколько бы я за одну букву из всего текста получал? Может, работать ради хлебушка насущного с колбаской мне сейчас и не было бы надобности, а только стишки пописывать да истории разные выдумывать. Но – дело прошлое. Разве теперь что докажешь? Не в деньгах суть. Я – состоявшийся поэт. Пишу не для славы, не гонораров ради, а просто по душевной необходимости. И плату брать с Родины за букву в гимне как-то стыдно. Не такой я мелочный человек. Тем более и страны прежней уже нет, и текст гимна в очередной раз поменялся. Без меня прекрасно обошлись.

А рыба в тот раз плохо ловилась. Михалков же на радостях как заведённый всё пел и пел по-новому зазвучавшие после моей случайной редакции строки. Времена были советские, и рыба тоже была советская. Михалков как запоёт, так рыба вся в воде по стойке смирно замирает. Чувствуется, подпевает, только по-своему, по-рыбьи. Какая уж тут рыбка?! Хорошо, что колбасы с собой вдоволь взяли. Так что хороший гимн сочинил дедушка Сергей. И страна была хорошая. И время.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Прошу прощения у моих дорогих читателей и необходимыми, на мой взгляд, пояснениями спешу успокоить неизбежный праведный гнев и зубовный скрежет при упоминании всевозможных дефицитных яств, сыплющихся как из рога изобилия на избранных членов такого равного советского общества. Искренне извиняюсь, если неволью стал аллергеном и спровоцировал реакцию на аббревиатуру КПСС, с её вертикалью власти и всем, что с ней связано. Знаете, как в том анекдоте: идут два старых еврея мимо печально известного здания на Лубянке. Один смотрит на это здание и тяжело вздыхает: «О-хо-хо!» На что другой восклицает: «И он ещё будет мне рассказывать!»

Только истины ради сообщаю следующее: папа мой, Царствие ему Небесное, был настоящим человеком и коммунистом – честным, принципиальным, бескомпромиссным в сфере своей личной ответственности. Работал не за страх, а за совесть. Поэтому и проживал я до недавнего времени не в собственном особняке где-нибудь в Ницце, раскидываясь валютой с папиных счетов, а в скромной саратовской трёхкомнатной хрущёвке, вмещавшей когда-то нашу семью из шести человек. О мажорстве говорить не приходится. Хотя на питание да и вообще на жизнь в означенные мною выше годы грех жаловаться. Вы когда-нибудь пробовали пресловутую «собачью радость» – ливерную колбасу, изготовленную по ГОСТУ? Это не колбаса, а чудо, тающее во рту, симфония наслаждения, изваяние Микеланджело по сравнению с кирпичом – магазинной «ливеркой». Мазать её горчицей – кощунство! Дефициты действительно часто бывали на нашем семейном столе, так как сотрудникам облисполкома регулярно выдавались пайки. Но такова была система с её смазочно-передаточным механизмом поощрений. К сожалению, на этом все, ну или почти все привилегии заканчивались. А в обком Вячеслав Александрович так и не попал. Заболел надолго и не вовремя. Ждать его не стали, и другая достойная кандидатура зашагала вместе с аппаратом семимильными шагами, а папа отстал.

После того как мой дед, Александр Семёнович, покинул этот мир, мы почти перестали навещаться на острова. Только раз или два, можно сказать, по инерции приплывали на чужом плавсредстве и в тот же день возвращались домой, больше удручёнными, чем отдохнувшими. Волей-неволей пришлось совершить исход из волжского островного рая, меняя не место отдыха, а жизненный уклад, статус. Время шло, деформировалось, уходили одни и появлялись другие люди. Родственные и дружеские связи ветшали, как заброшенная и варварски разграбленная дедушкина лодка, та самая «гулянка». То, что она находилась на лодочной базе, злоумышленникам не мешало, а может, и помогло. Конечно, при дяде Гене, прежнем стороже, такое было бы невозможно. Восстановлению она не подлежала, да и на Волге стало небезопасно, если не рискованно.

Возвращаясь к теме рассказа, хочу признаться: кое-что я нафантазировал, так, по мелочам, что-то приукрасил, что-то умышленно изменил, например то, что в действительности папа стал работать в облисполкоме намного позже, чем в повествовании. Потому, если к нам в гости и приезжали москвичи, то уж точно не за мясными изделиями. А что ещё здесь подано в обработанном виде, я не скажу. Секрет. На то и авторская кухня. Но в одном можете не сомневаться: дед мой был рыбак! Отец рыбалкой очень увлекался, а мне эта страсть не передалась. Я колбасу больше люблю. Ту, папину. Да где её теперь возьмёшь? Так и живу: ни рыбы, ни мяса.

ВОПРОС ВРЕМЕНИ

- Извините, вы не подскажете, который час?
- Вам в принципе интересно – или по местному?
- Просто мне нужно знать: я уже спешу или не очень. Не имею привычки носить часов, давление, знаете ли, и прочее, а тут встречу назначили. Неудобно опаздывать.
- На некоторые встречи лучше вовсе не являться, особенно когда их не планируют.
- А как такое возможно? Нельзя же запланировать случайность.
- Вы так думаете?
- Вам правда хочется знать, что я думаю обо всём этом?
- А вы в направлении администрации специально рукой махнули?
- Вы изначально такой внимательный или жизнь заставила?
- Скорее, смерть, но не будем об этом. Спасибо, что заметили, но прошу, не обращайтесь внимания. Паранойя – это у меня профессиональное или хроническое, если вам угодно.
- Да что вы?! Неужели вы считаете себя больным? Мне бы вашу уверенность, но в другом направлении. Как вы полагаете?
- Я полагаю, что у вас отменное чувство юмора. А чтобы предполагать, нужно располагать, верно?
- Оно, конечно, таки да, но хорошо информированный человек – это такое горе. Или я не прав?
- А разве это не зависит от рода информации? Иногда это может кого-то спасти, не так ли?
- Вам часто приходится кого-то спасать? Может, вы – ангел-хранитель?
- Неужели это так трудно представить?
- Вы знаете кого-нибудь в моём возрасте, кто ещё верит в сказки?
- А многие ли теперь вообще во что-то верят?
- Я бы с удовольствием поговорил с вами и о том, и об этом, да и вообще... Вы интересный собеседник и весьма своеобразный, но ситуация, мягко говоря, не располагает.
- Вас что-то беспокоит?
- Прошу вас, пожалуйста, не морочьте мне голову! Я бы уже давно был дома, а мы стоим здесь, на промозглом ветру, ведём приятную беседу ни о чём, вместо того чтобы заниматься своими делами. Пожалейте мой ревматизм. Я уже не рад, что вообще заговорил с вами. Простите, так что там со временем?
- Смотря что под этим понимать...
- О, Боже! Вы опять о своём!
- Нет, нет, я именно о вашем, но чтобы ответить правильно, мне нужна конкретика: если вы про свой час, то он ещё не ваш. Вы рады этому? Не волнуйтесь. Идите себе спокойно куда шли. А что касается времени, так теперь его предостаточно. А часов я, кстати, тоже не ношу за ненадобностью.
- Ничего не понимаю! Вы... Где Вы?
- Один из собеседников исчез, как не бывало. Другой, оглядевшись ещё раз, поморгав вечно воспалёнными глазами, поправил старомодные очки и, сокрушённо вздохнув, побрёл к своему дому, стараясь избавиться от свалившегося наваждения.
- Тяжело, с одышкой поднявшись по подъездной лестнице на четвёртый этаж, попутно проклиная постоянно ломающийся лифт, Марк Аронович в недоумении замер перед собственной дверью – она была слегка приоткры-

та. Старый антиквар пошатнулся, схватившись за сердце. Жил он совершенно один, а дверь запирает на все замки, даже если выходит к мусоропроводу, располагавшемуся на площадке между его этажом и нижним. Значит, его банально ограбили.

Осмотрев следы сдержанного погрома, перебрав в уме вещи, которых лишился, и прикинув убытки, он подошёл к секретеру XVII века, открыл инкрустированную дверцу секции, служившей баром, и достал початую бутылку коньяка. «Спасибо, Господи, что взял деньгами!» – слегка приподняв руку с рюмкой и как бы чокаясь с невидимым тостуемым, произнёс он расхожую фразу, но впервые так прочувствованно, с непривычным ощущением внутреннего смущения и неловкости, словно сказал скабрёзность в присутствии кого-то, кто несоизмеримо выше, чище и могущественней, чем он сам. И словно в ответ на этот жест раздался мелодичный перезвон колоколов ближайшего православного храма.

Марк Аронович медленно опустил рюмку, не пригубив содержимого. «А приди я чуть пораньше, кто знает, лежал бы я сейчас такой неприлично мёртвый в луже собственной крови. Да уж, ангел-хранитель на шухере – это что-то новенькое. Но кто же тогда грабители и кого благодарить за чудесное спасение? То ли свечку в храме поставить, то ли всё же зайти в синагогу? Некрасиво как-то получается – оставаться неблагодарным атеистом после такого! Надо определяться, пока ещё есть время».

**Анатолий
ВАСИЛЬЕВ**

РОССИЯ ВАСИЛИЯ ШАБАНОВА

«Близкие вёрсты» – третья и последняя прижизненная книга Василия Шабанова, первая книга, вышедшая в Москве (а точнее – в издательстве «Молодая гвардия») в 1974 году.

В сборнике продолжает звучать тема Родины – ключевая для творчества поэта. Его лирический герой не мыслит себя без неё, он от неё неотделим: «*Я горд корнями родовыми, / Что с корнем Родины сплелись*» («Родословная»). Наиболее ярко это единение ощутимо в хрестоматийном стихотворении «Васильковое имя»:

*Оттого звенит так васильково,
Так российски имя у меня.
Мне в России жить, и раствориться,
И лежать в равнине луговой...
Разреши, Россия, повториться
На холме травинкой ветровой.*

Шабанов размышляет не только о Родине, но и о русском народе. Создавая его портрет, поэт говорит, как он бережно относится к слову, как оно ценно для него:

*Не любит хвастать мой народ.
Он молча трудится, огромный,
О нём, как о рожденье грома,
Планета разом узнаёт.*

(«Не любит хвастать мой народ...»)

Конечно, лирический герой Василия Шабанова – мужчина, прошедший Великую Отечественную войну. Целый ряд стихотворений книги рассказывает о военном прошлом, военном детстве. Для Шабанова в русской истории особенно значима фигура женщины.

Природа в художественном мире поэта выступает не только бытийным началом, соперечающим человеку, но и памятником истории: «*Не будут гении забыты, / Сама природа их хранит*» – а так же, как у А. А. Фета, учителем, наставником, примером: «*Я учусь героизму у деревьев, / Я иду с поклоном к соловью*». Природа у Шабанова – элемент антитезы «старое – новое», попытку осмысления которой поэт также предпринимает в своём творчестве. Неслучайно книга открывается стихотворением, задающим вопрос:

*Как живёте в век ракетодромный,
Голубые капли-васильки?*

Конечно, лирическому герою Василия Шабанова дорога деревня: в ней он находит успокоение. Герой поэта служит любопытным примером носителя деревенского сознания, как психологического, так и языкового. Одно из стихотворений книги представляет собой рефлексю над особенностями сельского языка, хранящего слова, вышедшие из употребления, но дорогие для лирического героя. Этим Василий Шабанов схож с Беллой Ахмадулиной:

*Лез в словарь чужеродный сброд.
От пришельцев, плевков салонных,
Как зерно, отметя солому,
Сохранил их простой народ.*

*Ой вы, сёла в равнинах чистых!
Не устану благодарить...
Сёла – кладези слов душистых,
Нефаскрытые словари.*

Более того, лирического героя Василия Шабанова не оставляет вопрос:

*Как мне найти слова возможные,
Какие двери растворить,
Чтобы с цветами придорожными
Асфальт горячий примирить?*

На разрешении этой проблемы и сосредоточена образная система Шабанова. Взаимопроникновение природных мотивов обуславливает специфику лирики: наиболее значимы в ней пласты флоры и фауны: «тростниковая печаль», «солнце – рыжая корова», «в бетоны-браслеты и в огни одевалась река». Можно говорить о некоем, так скажем, лейтмотиве, пронизывающем образную систему поэзии Василия Шабанова, об одном общем, объединяющем стремлении – очеловечивания, очувствования окружающего мира, постоянного диалога с ним: «поклонюсь, как живому, клёну», «край мой сельский, с рёбрами заборов», «скворечники как зыбки / на кончике луны», «подросток-мороз», «встревоженная вода», «сверкали травы белокуро», «тротуар словно луг ромашковый», «Порой мне кажется, что Волга / из глаз славянок натекла».

Отдельную группу составляют пейзажные наброски в духе Тютчева:

*Розовощёкою казачкой
Восходит солнце из степей.
Река, как лошадь перед скачкой,
Дрожит ноздрями прорубей.*

(«Растут серебряные звоны...»)

*Как языком, слизнул рассвет
Солинки звёзд с краюхи ночи.
И ветер, ласковый всевед,
С листвою заспанной лопочет.*

(«Как языком, слизнул рассвет...»)

Неслучаен и повторяющийся в стихотворениях Василия Шабанова образ нити, олицетворяющий связь мира природы и человека:

*Жаворонок песенные нити
Протянул от неба до земли.*

(«Васильковое имя»)

*Но только ветра стон протяжный,
Дождей нервущаяся нить.
Как хочется палаты княжьи
На степь ковыльнюю сменить.*

(«Ярославна»)

Такая выдержанная образная целостность служит попыткой решить вопрос, который лирический герой Василия Шабанова поставил перед собой: сосуществование природного и созданного человеком. Это подтверждается и на уровне лексики, сочетающей в себе как архаизмы (*нынче, крыла, деревьям*) и разговорные конструкции (*у самых у кладбищ*), так и слова, обозначающие предметы неприродного мира (*транзистор, ракетодромный*).

Стоит обратить внимание и на особенности стиха Василия Шабанова. Его рифмы отражают тенденции в поэзии эпохи «оттепели» – расширение созвучий, традиционно располагающегося в конце слов: *вольна – волнам, степи – степи, редок – речек*; или вовсе его перемещение в начало: *петли – теплом, сугробы – сурово, салонны – солому, дело – денег, вытекли – вытерты, россиянам – рassiялся*. Подобные рифмы можно найти и у Владимира Фёдоровича Бойко, которому наш фестиваль был посвящён в 2024 году (*сохла – солнцу – соснам, дятел – дату, выси – высечь, синью – силу*).

В книге «Близкие вёрсты» собраны стихи, написанные Василием Шабановым в 1960–1970-е годы. Она позволяет выстроить полное представление о творчестве поэта, так и не успевшего раскрыться перед нами, покинувшего нас в результате нелепого несчастного случая. Поэтому, на мой взгляд, именно с этой книги стоит начинать знакомство как начинающим литературоведам, так и читателям, интересующимся поэзией Василия Шабанова.

*Пьеса «Архангельские сказки»
Театр «БалаганчикЪ»*

Журнал «Волга–XXI век» зарегистрирован МПТР РФ,
свидетельство ПИ № 77-16080 от 6 августа 2003 года.

Учредители: Министерство информации и массовых коммуникаций Саратовской области,
Саратовское региональное отделение Общероссийской общественной организации
«Союз писателей России».

Издатель: ГАУ СМИ СО «Регион 64».
Директор – В. В. Степанов.

Главный редактор – Е. С. Данилова.
Дизайн и вёрстка – Л. В. Баранова.
Корректор – Е. Н. Березина.
Художник – Ю. Гиматова.

Подписано в печать 21 октября 2025 года.
Дата выхода в свет 31 октября 2025 года.
Журнал отпечатан в ООО «Амирит».
Адрес типографии: г. Саратов, ул. Чернышевского, 88.
Заказ № 41/21105.
Цена свободная.

Адрес издателя: г. Саратов, ул. Сакко и Ванцетти, 41.
Адрес редакции: г. Саратов, ул. Сакко и Ванцетти, 41.
Тел. (факс): (845-2) 72-10-06.
E-mail: lizamart@yandex.ru
Сайт: www.g-64.ru/volga

Подписной индекс: П4923

При перепечатке ссылка на издание обязательна.
Редакция не рецензирует рукописи, а только сообщает о своём решении.

Формат 70x100 1/16. Усл. печ. л. 15,60.
Бумага типографская. Печать цифровая.
Тираж 100 экз.

© ГАУ СМИ СО «Регион 64», 2025.
© «Волга–XXI век», 2025.

**ТЕАТР «БАЛАГАНЧИКЪ»
СПЕКТАКЛЬ «АРХАНГЕЛЬСКИЕ СКАЗКИ»**

В ролях: Александр Гулин и Елена Смирнова
Фото пресс-службы театра

Работа Юлии Гиматовой

9 77719931947726 1 1025

ISSN 1993-9477